

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 1

2026

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS,
FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 1

2026

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Foundation for Historical Outlook

Center for Research and Analytics

Рецензируемый научный сетевой журнал «Перспективы. Электронный журнал». №1 (44)

E-journal «Perspectives and prospects». №1 (44)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год

Published since 2015. Published 4 times a year

Мнения авторов статей могут не совпадать с мнением редакции

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — канд. ист. наук, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы РАН.

Шеф-редактор

ШТРЫКОВА Елена Михайловна, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

Ответственный секретарь

ЩЕРБИНА Анна Владимировна — канд. фил. наук, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

Члены редколлегии

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна — д-р полит. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), МИД Российской Федерации, профессор-исследователь Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

КАПИТОНОВА Наталия Кирилловна — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), МИД Российской Федерации.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — д-р ист. наук, иностранный член Сербской академии наук и искусств, президент Фонда исторической перспективы; член Общественной палаты РФ. ПЛЯЙС Яков Андреевич — д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ, профессор РАНХиГС при Президенте РФ.

ПЛЯЙС Яков Андреевич — д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ, профессор РАНХиГС при Президенте РФ.

РУДАЯ Елена Николаевна — канд. ист. наук, руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна — д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН.

ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна — д-р ист. наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Editorial Board

Editorial Board

Editor in chief

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Ph.D. in History; Head of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; Leading Researcher, Department of Country Studies, Institute of Europe RAS.

Managing editor

Elena SHTRYKOVA, analyst at the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook.

Executive secretary

Anna SCHERBINA — Ph.D. in Philology, expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook.

Members

Oxana GAMAN-GOLUTVINA — Doctor of Political Science, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Professor at Higher School of Economics (HSE University).

Natalia KAPITONOVA — Doctor of History, Professor, Professor at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

Natalia NAROCHNITSKAYA — Doctor of History, President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation.

Yakov PLYAIS — Doctor of History, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Political Science Department of Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Elena RUDAYA — Ph.D. in History, Head of Scientific, Educational, and Cultural Programs, Foundation for Historical Outlook.

Valentina FEDOTOVA — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS.

Lyubov SHISHELINA — Doctor of History, Head of the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe RAS.

Petr YAKOVLEV — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Содержание:

МИРОВЫЕ ВЕКТОРЫ

Петр ЯКОВЛЕВ. Разлом мирового порядка: геоэкономические и геополитические факторы	8
--	---

РОССИЯ И МИР

Екатерина ЛАБЕЦКАЯ. БРИКС+ в контексте «анкориджского духа» гибридной войны	25
--	----

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Вторая мировая война в исторической памяти и мемориальной политике Франции: призрак Виши и патриотическая мифология Соппротивления (1944–1960-е годы)	39
---	----

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

Петр ЯКОВЛЕВ. США — Венесуэла: причины и последствия операции «Абсолютная решимость»	54
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

Леонтий ЛАННИК. Генезис Первой мировой войны. I. Вековое многообразие объяснений	68
---	----

Антон КРУТИКОВ. Русская революция в воспоминаниях минского губернатора В.А. Друцкого-Соколинского. II. Гражданская война	84
---	----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Михаил ДМИТРИЕВ. Империя против национализма: генерал Деникин и маршал Пилсудский (О проблематике книги Яна Энгельгарда «Русский синдром. Дело генерала Деникина в историческом контексте»)	106
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Елена ШТРЫКОВА, Дмитрий ФЁДОРОВ. Искусственный интеллект как фактор трансформации международных отношений: обзор отечественных и зарубежных экспертных публикаций	116
--	-----

Authors	129
----------------------	-----

Abstracts and Keywords	130
-------------------------------------	-----

Contents:

GLOBAL TRENDS

Petr YAKOVLEV. The Fracture of the World Order: Geo-Economic and Geopolitical Factors	8
--	---

RUSSIA IN THE WORLD

Ekaterina LABETSKAYA. BRICS+ in the Context of the “Anchorage Spirit” of Hybrid Warfare	25
--	----

EUROPEAN COUNTRIES IN REGIONAL AND GLOBAL DEVELOPMENTS

Ekaterina NAROCHNITSKAYA. The Second World War in French Historical Memory and Memorial Policy: the Ghost of Vichy and the Patriotic Mythology of the Resistance (1944–1960s)	39
--	----

AMERICAN DOSSIERS

Petr YAKOVLEV. U.S. — Venezuela: The Causes and Consequences of Operation Absolute Resolve	54
---	----

HISTORICAL COMPASS

Leontiy LANNIK. The Genesis of the First World War. I. A Century of Diverse Explanations	68
---	----

Anton KRUTIKOV. The Russian Revolution in the Memoirs of Minsk Governor V.A. Drutskoy-Sokolinsky. II. The Civil war	84
--	----

BOOKSHELF

Mikhail DMITRIEV. Empire against Nationalism: General Denikin and Marshal Pilsudski (On the Problematics of Jan Engelgard’s Book “The Russian Syndrome: The Case of General Denikin in Historical Context”)	106
--	-----

CURRENT REVIEWS

Elena SHTRYKOVA, Dmitry FEDOROV. Artificial Intelligence as a Transformative Factor in International Relations: A Review of Russian and International Expert Publications	116
--	-----

Authors	129
----------------------	-----

Abstracts and Keywords	130
-------------------------------------	-----

МИРОВЫЕ ВЕКТОРЫ

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-8-23

УДК 327; 339; 94

Петр Яковлев

Разлом мирового порядка: геоэкономические и геополитические факторы

Аннотация. *С начала 2026 г. представители транснационального истеблишмента и экспертного сообщества обсуждают признаки глубокого кризиса — геоэкономического и геополитического разлома международного порядка, сложившегося в условиях доминирования неолиберальной глобализации. Старт происходящим глобальным изменениям был дан Д. Трампом в самом начале его второго президентского срока. Своими решениями в сфере глобальной торговли, разнообразными требованиями в адрес соседних Канады и Мексики, претензиями к членам Европейского союза и НАТО, а также силовыми действиями (прежде всего в Западном полушарии) Д. Трамп подрубил основы, на которых существовало старое экономико-политическое мироустройство и на которые опиралась неолиберальная глобализация. Поскольку действия Белого дома вызвали не только глухое недовольство, но и ответные меры со стороны целого ряда государств, то на смену сравнительно длительному процессу либерализации международных торгово-экономических и политико-дипломатических связей приходит усиление протекционизма, что чревато замедлением роста мирового товарооборота, в целом глобальной экономики и обострением внешнеполитических противоречий.*

Ключевые слова: *мировой порядок, политика Трампа 2.0, критика глобализации, подъем Глобального Юга, кризис трансатлантического партнерства.*

Мировой порядок находится в состоянии двойного напряжения: геоэкономического и геополитического. В первом случае речь идет о трендах на деглобализацию, на фрагментацию международных торгово-экономических связей, на приоритетный учет по-разному понимаемых национальных интересов. Эти процессы сопровождаются возведением торговых барьеров, обострением конкуренции и попытками создать новые экономические союзы. Что касается геополитической сферы, то здесь на первый план выходит способность государств защитить национальный суверенитет, в том числе — силовым путем. С учетом того, что указанные тенденции развиваются в условиях роста международной неопределенности, мировому сообществу предстоит пройти через весьма сложный трансформационный период.

Сведения об авторе: *Яковлев Петр Павлович — главный научный сотрудник Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.*

Безусловно, главным «возмутителем спокойствия» в мире стал 47-й президент США Дональд Трамп, который в период своей второй каденции не просто акцентировал те подходы к международным делам, которые наметились в годы его первого президентского срока, но, по существу, предпринял попытку разрушить основные несущие экономические и политические конструкции прежнего миропорядка. Происходящие процессы дали повод политикам и экспертам ставить вопрос о вступлении человечества в период потрясений. Как подчеркивал министр иностранных дел России С.В. Лавров, «это не какое-то сиюминутное преходящее явление, а новый этап мирового развития, может быть и эпоха. Этот этап может продлиться долгие и долгие годы, а то и десятилетия» [Выступление...].

Запад и Глобальный Юг: изменение в соотношении сил

На протяжении XXI в., особенно после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., международный торгово-экономический ландшафт радикально изменился. И одним из главных изменений стал мощный геоэкономический подъем Глобального Юга, ярким свидетельством чего явилось достижение развивающимися странами командных высот в современном мире (таблица 1).

Таблица 1

Доля развитых и развивающихся стран в мировом населении, ВВП и экспорте товаров и услуг (% , 2024 г.)

Страны	Число стран	Население	ВВП	Экспорт
Развитые	41	13,9	39,9	61,2
США	1	4,3	14,9	9,9
Зона евро	20	4,4	11,6	25,4
Германия	1	1,1	3,1	6,1
Франция	1	0,9	2,2	3,3
Италия	1	0,7	1,8	2,4
Испания	1	0,6	1,4	2,0
Япония	1	1,6	3,3	2,9
Великобритания	1	0,9	2,2	3,5
Канада	1	0,5	1,3	2,3
Прочие развитые	17	2,2	6,6	17,2
Развивающиеся	155	86,1	60,1	38,8
Азия	30	47,6	34,7	19,6
Китай	1	17,7	19,5	11,8
Индия	1	18,2	8,3	2,6
Европа	15	4,6	7,8	5,9
Россия	1	1,8	3,5	1,5
Латинская Америка	33	8,2	7,2	6,3
Бразилия	1	2,7	2,4	1,2
Мексика	1	1,7	1,7	2,1

Страны	Число стран	Население	ВВП	Экспорт
Ближний Восток и Центральная Азия	32	11,0	7,2	6,3
Саудовская Аравия	1	0,4	1,1	1,1
Африка к югу от Сахары	45	14,7	3,2	1,6
Нигерия	1	2,9	0,8	0,2
Южная Африка	1	0,8	0,5	0,4

Источник: World Economic Outlook. A Critical Juncture amid Policy Shifts. Washington: IMF, April 2025. P. 107. (ВВП рассчитан по паритету покупательной способности национальных валют.)

Статистические данные свидетельствуют, что в середине 2020-х годов на долю стран Глобального Юга пришлось свыше 86% населения Земного шара и более 60% мирового ВВП. До настоящего времени развитые государства (Глобальный Запад) превосходят развивающиеся страны по объему экспорта товаров и услуг (соответственно, 61,2 и 38,8% мирового показателя), но и в этой области международной конкуренции происходят заметные подвижки. Если в 2005 г. в списке 30 крупнейших стран-экспортеров товаров фигурировало 10 развивающихся государств, на долю которых пришлось около 20% совокупного мирового вывоза, то в 2024 г. их число возросло до 12, а доля в мировом товарном экспорте превысила 31% [Trade statistics...].

В частности, в период 2005–2024 гг. товарный экспорт Бразилии, Индонезии и Мексики увеличился в три раза, Индии и Китая — почти в пять раз. Феноменальный экспортный форсаж продемонстрировал Вьетнам: за два десятилетия его предприятия нарастили поставки товаров за рубеж более чем в 12 раз — с 32 до 403 млрд долларов. Причем свыше половины вьетнамского экспорта составляет технологическая и высокотехнологическая продукция [World Economic...]. И в этом плане Вьетнам не одинок. Все больше компаний государств Глобального Юга становятся ключевыми поставщиками промышленной продукции высоких переделов, успешно конкурируя с транснациональными корпорациями западных держав.

Парадигмальный кейс — мировой рынок автомобилей. В 2005 г. в списке 15 крупнейших автопроизводителей было семь развивающихся стран, на долю которых пришлось около 23% мирового выпуска. В 2024 г. восемь государств Глобального Юга обеспечили 53% общемирового производства автомобилей и тем самым лишили США, Японию, Южную Корею и страны Европы их прежнего доминирующего положения [World Motor...].

Аналогичная ситуация складывается и со многими другими товарами, производство и экспорт которых в решающей степени контролируется торгово-экономическими лидерами из числа государств Мирового большинства, ставших подлинными центрами глобального развития.

Экономическое «отступление» Запада и перемещение основных производственных мощностей в страны Азии, Африки и Латинской Америки, формирование там супер-

крупных и высококонкурентоспособных экономик — стержневая сюжетная линия, вокруг которой складываются главные тренды геоэкономического (а следовательно, и геополитического) влияния в современном мире.

В свою очередь, Вашингтон взял курс на ослабление БРИКС, обоснованно рассматривая это объединение в качестве неформального лидера Глобального Юга, центра торгово-экономического и политико-дипломатического притяжения стран Мирового большинства. Внесение разлада в ряды БРИКС стало, без преувеличения, стратегической задачей администрации Трампа–2.0 в международной сфере и было отфиксировано на политическом и экспертном уровне. Примером может служить политика Белого дома в отношении двух крупнейших участников группы — Китая и Индии. С Пекином Вашингтон начал сложную геополитическую и геоэкономическую игру. С одной стороны, делается все, чтобы вытеснить КНР из Латинской Америки, подорвать в регионе позиции китайского бизнеса, как это произошло в результате вооруженной операции США в Венесуэле. С другой, Д. Трамп добивается для американских компаний более выгодных условий взаимодействия с китайскими партнерами, ограничивает доступ китайских товаров на американский рынок. В результате, по данным таможенного управления КНР, в 2025 г. товарооборот США и Китая сократился почти на 19% [Товарооборот...].

Одновременно Вашингтон пытается формировать различного рода международные антикитайские альянсы, имеющие целью снижение глобального влияния предприятий КНР в таких отраслях, как добыча критически важных природных ресурсов, включая редкоземельные элементы, и развитие искусственного интеллекта (так называемый проект «Кремневый мир» — *Rax Silica*). Причем подписантами соглашения о *Rax Silica* стали Австралия, Великобритания, Греция, Израиль, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Сингапур, Южная Корея и Япония [What is *Rax*...].

Иной курс Вашингтон проводит в отношении Нью-Дели. Используя метод «кнута и пряника», хозяин Белого дома сначала ввел сверхвысокие пошлины на индийские товары, составившие в конце августа 2025 г. 50% (включая «карательный тариф» в 25% за импорт российской нефти), а в начале февраля 2026 г. объявил о достижении рамочной договоренности о временном соглашении, касающемся американо-индийской торговли. Одновременно Д. Трамп подписал исполнительный указ о снижении до 18% пошлин на индийские товары — на том основании, что Нью-Дели взял на себя обязательство в течение пяти лет закупить американских товаров на 500 млрд долл. и прекратить закупки российской нефти [Fact Sheet: The United States and India...].

Нельзя сбрасывать с внешнеполитических счетов и то обстоятельство, что Индия, наряду с Соединенными Штатами, Австралией и Японией, с 2007 г. состоит членом Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD — *Quad group of nations*). Не является большим секретом, что деятельность QUAD имеет главной целью совместное «сдерживание коммунистического Китая» в Индо-Тихоокеанском регионе. Не случайно эту организацию иногда называют «Азиатским НАТО» [What is the QUAD...].

Безусловно, втягивание Индии в военно-политические антикитайские альянсы, наряду с откровенным торговым шантажом Нью-Дели и стремлением Вашингтона помешать развитию взаимовыгодных российско-индийских деловых связей, органично вписывается в курс администрации Трампа 2.0 на раскол БРИКС. Однако такая политика может вызвать ответную реакцию, углубить противоречия между Глобальным Югом и Глобальным Западом, в конечном счете — оказать дестабилизирующее влияние на всю систему геоэкономических и геополитических отношений.

«Пересборка» глобальной экономики

Ставшее очевидным в последнее десятилетие изменение баланса сил между Западом и Глобальным Югом неизбежно ведет к обострению соперничества за доминирующие позиции в мировой экономике и торговле. В обозримой перспективе развитие мирового хозяйства будет определяться способностью ведущих торгово-экономических держав преодолеть проблемы и узкие места, образовавшиеся в период неолиберальной глобализации и ослабившие позиции целого ряда высокоразвитых государств во главе с США. Среди таких проблем — низкие темпы прироста ВВП, негативные эффекты деиндустриализации, всплески инфляции, усиление зависимости от товарного импорта и дефицит торгового оборота, несбалансированность государственных бюджетов, высокий уровень суверенной задолженности. Статистические данные таблицы 2 дают представление о состоянии дел в экономике Соединенных Штатов в период 2020–2024 гг.

Таблица 2

США: динамика основных макроэкономических показателей

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
ВВП (изменение в %)	-2,1	6,2	2,5	2,9	2,8
Инфляция (% за год)	1,3	4,6	7,1	3,7	2,5
Дефицит бюджета (% ВВП)	-10,5	-10,5	-6,0	-7,4	-7,6
Суверенный долг (% ВВП)	132,5	125,0	119,1	119,8	122,3
Текущий баланс (млрд долл.)	-593,5	-858,6	-993,1	-928,0	-1185,3
Товарный экспорт (млрд долл.)	1424,9	1754,3	2062,9	2019,2	2064,5
Товарный импорт (млрд долл.)	2406,9	2935,3	3376,0	3172,5	3359,3
Торговый баланс (млрд долл.)	-982,0	-1181,0	-1313,1	-1153,3	-1294,8

Источник: IMF. World Economic Outlook. Global Economy in Flux, Prospects Remain Dim. Washington: IMF Publication Services, October 2025. P. 124-139.

Как видим, самыми уязвимыми местами экономики США являлись дефицит государственного бюджета, опережающий рост товарного импорта, огромное отрицательное сальдо торгового баланса (в 2024 г. почти 1,3 трлн долл.) и колоссальный суверенный долг — свыше 120% ВВП.

Трампа 2.0 по-своему рационально оценил современные вызовы американской и мировой экономики и сделал упор на двух аспектах внешнеэкономических отношений:

а) фактически возвел протекционизм в ранг государственной политики и резко повысил ввозные пошлины (тарифы) на товары из подавляющего большинства стран мира; б) выставил требование к деловым партнерам перевести в Соединенные Штаты производственные активы, включая высокотехнологичные, и осуществить многомиллиардные инвестиции в американскую экономику [Gensler, Johnson, Panizza].

Для развития мировой торговли в новой постглобалистской парадигме переломным стал так называемый «День освобождения» (2 апреля 2025 г.), когда Д. Трамп объявил о введении таможенных пошлин в размере (как минимум) 10% для 185 стран мира. При этом для ряда государств должны были начать действовать более высокие «ответные» тарифы. В частности, для Китая они составили 54%, Лесото — 50%, Камбоджи — 49%, Лаоса — 48%, Вьетнама — 46%, Мьянмы — 44%, Бангладеш — 37%, Таиланда — 36%, Тайваня — 32%, Швейцарии — 31%, Южной Африки — 30%, Индии — 26%, Южной Кореи — 25%, Японии — 24%, стран Европейского союза — 20% и т. д. Кроме того, были заявлены отдельные пошлины в размере 25% на импорт в США автомобилей. По оценке британского журнала *The Economist*, фактическое введение указанных пошлин могло поднять средний тариф на импорт товаров на американский рынок с 2 до 24% [Checks and Balance...].

Негативная международная реакция, ответные торговые меры отдельных стран и падение биржевых индексов в США заставили Д. Трампа отложить на 90 дней тотальное введение объявленных тарифов. Но «ящик Пандоры» был уже открыт, и весь 2025 г. прошел под знаком периодических объявлений, введений и частичной отмены новых американских таможенных пошлин. Процесс принял широкомасштабный, трудно предсказуемый, неустойчивый и силовой характер, поскольку Белый дом активно использовал тарифную угрозу для давления на партнеров и заключения выгодных для себя финансово-экономических сделок. Например, в июле 2025 г. администрация Д. Трампа заключила торговые соглашения с Индонезией, Филиппинами и Японией, в результате которых для указанных стран таможенные пошлины были существенно снижены (в частности, для Японии — с 24 до 15%). В то же время Токио обязался инвестировать в США 550 млрд долл. Практически одновременно Вашингтон достиг весьма выгодной для себя договоренности с Брюсселем. В обмен на некоторое снижение тарифов на товары из Евросоюза (с 20 до 15%) европейцы согласились инвестировать в американскую экономику 600 млрд долл. и полностью освободить товары из США от уплаты таможенных пошлин [Fact Sheet: The United States and European Union]. Кроме того, Трамп потребовал многомиллиардные капиталовложения в высокотехнологичные производства в Соединенных Штатах от богатых стран Персидского залива: Саудовской Аравии, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов.

Наряду со страновыми импортными пошлинами Д. Трамп ввел (и еще планирует ввести) тарифы на отдельные категории товаров. По состоянию на начало февраля 2026 г. такого рода пошлины затрагивали ввоз в США стали, алюминия и изделий из меди (ставка в размере 50%), автомобилей, автокомпонентов, мебели и отдельных видов полупроводников (25%), автобусов, древесины (10%). В стадии рассмотрения находились

тарифы на фармацевтическую продукцию, авиалайнеры, медицинское оборудование, робототехнику и некоторые другие виды промышленной продукции [Romm, Gamio].

«Экономический национализм» Д. Трампа–2.0 привел к возникновению «негативных эффектов внешнеторговых разрывов», способствовал обострению международной конкуренции и росту конфликтности в современном мире, стал формировать новый характер отношений между отдельными странами и группами государств. Все это породило опасения фрагментации глобальной экономики и замедления темпов экономического развития с перспективой погружения в общемировую стагнацию и рецессию.

Однако реальность оказалась несколько иной. По итогам 2025 г. прирост мирового ВВП был несколько выше тех оценок, которые давались в разгар тарифной активности Белого дома. Более того, улучшился прогноз динамики мировой экономики на 2026 г., причем практически по всем группам развитых и развивающихся стран (таблица 3).

Таблица 3

Прогнозы роста мирового ВВП (%)

Страны и регионы	Апрель 2025 г.		Январь 2026 г.	
	2025 г.	2026 г.	2025 г.	2026 г.
Мировой ВВП	2,8	3,0	3,3	3,3
Развитые государства	1,4	1,5	1,7	1,8
США	1,8	1,7	2,4	2,0
Япония	0,6	0,6	1,1	0,7
Великобритания	1,1	1,4	1,4	1,3
Канада	1,4	1,6	1,6	1,6
Страны зоны евро	0,8	1,2	1,4	1,3
Германия	0,0	0,9	0,2	1,1
Франция	0,6	1,0	0,8	1,0
Италия	0,4	0,8	0,5	0,7
Испания	2,5	1,8	2,9	2,3
Развивающиеся страны	3,7	3,9	4,4	4,2
Китай	4,0	4,0	5,0	4,5
Индия	6,2	6,3	7,3	6,4
Бразилия	2,0	2,0	2,5	1,6
Мексика	-0,3	1,4	0,6	1,5
Саудовская Аравия	3,0	3,7	4,3	4,5
Нигерия	3,0	2,7	4,2	4,4
Южная Африка	1,0	1,3	1,3	1,4

Источник: IMF. World Economic Outlook Growth Projections. – URL: [imf.org/-/media/files/publications/weo/2026/january/english/text.pdf](https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2026/january/english/text.pdf) (date of access: 15.02.2026)

В исследованиях МВФ отмечено, что глобальная экономика преодолела шок повышения торговых тарифов во многом благодаря технологическому буму — в частности, колоссальным инвестициям в искусственный интеллект (ИИ), которые, по оценкам, должны к 2030 г. составить только у стран-лидеров (США, Китай, Южная Корея, Япония, Евросоюз и Россия) порядка 2,8 трлн долларов [Adrian, Gourinchas]. В этой связи видный аргентинский специалист в области информатики Хорхе Сакканини ввел в оборот термин «технократическая глобализация» для определения нынешнего этапа развития геоэкономических отношений, а ИИ международные эксперты стали нередко именовать «новой нефтью» [Zaccagnini].

Отмеченное, разумеется, не означает, что «пересборка» системы мирохозяйственных связей на основе широкого внедрения новых научных достижений и прорывных технологических решений гарантирует бесперебойный рост мирового ВВП и успешное преодоление всех накопившихся проблем. Насаждаемая Трампом–2.0 «новая реальность» глобальной экономики — существенно более сложное и неоднозначное международное явление, а потому заслуживает дальнейшего всестороннего обсуждения и глубокого научного анализа.

Глобализация и мировой порядок в фокусе дискуссии

Главные из перечисленных выше проблем стали предметами острых обменов мнениями на очередном, 56-м по счету Всемирном экономическом форуме, по традиции прошедшем в швейцарском Давосе 19–23 января текущего года под лозунгом «Дух диалога» (A Spirit of Dialogue) [World Economic...].

По первоначальному замыслу участники форума должны были сконцентрироваться на таких традиционных для Давосских форумов темах, как международное сотрудничество и экономический рост, инвестиции в человеческий капитал, развитие передовых технологий и инноваций, достижение всеобщего процветания. Однако сама жизнь внесла жесткие коррективы в эту повестку, и в центре дискуссий оказались кризисные проблемы мировой экономики, в том числе вызванные политикой администрации Трампа–2.0 и перебоями процесса глобализации. Вполне понятно, что на форуме с нетерпением ждали намеченную на 21 января речь хозяина Белого дома. Но на день раньше состоялось выступление премьер-министра Канады Марка Карни, ставшее настоящей сенсацией.

Канадский премьер заявил, что созданный после окончания холодной войны и «основанный на правилах» мировой порядок де-факто прекратил свое существование. Причем речь идет не о переходном периоде, подчеркнул М. Карни, а о «разломе», о конце «красивой сказки и воцарении жестокой реальности, начале геополитики, в условиях которой ведущие крупные державы в своих действиях не знают пределов, не подчиняются никаким ограничениям». Эти державы «используют экономическую интеграцию как оружие, торговые тарифы как рычаги давления, финансовую инфраструктуру для принуждения, а цепочки поставок в качестве уязвимых мест, которые можно исполь-

зовать в своих интересах» [Principal and pragmatic...]. По мнению канадского лидера, противовесом такой политике великих держав могут стать согласованные действия средних стран, обладающих, подобно Канаде, значительным промышленным потенциалом, обширными запасами критически важных энергосырьевых ресурсов, развитыми и диверсифицированными системами внешнеэкономических связей.

М. Карни прямо не указал на Д. Трампа и не назвал Соединенные Штаты, но было предельно ясно, в чей огород брошены камни. Как отмечал сотрудник американского Института ответственного государственного управления Куинси (Quincy Institute for Responsible Statecraft) Захари Пэйкин, заслуга канадского премьера состояла в том, что он в концентрированном виде и с изрядной откровенностью охарактеризовал текущую геоэкономическую ситуацию и ясно дал понять, что его страна «не собирается лизать ботинки хозяина Белого дома» [Paikin]. Другими словами, провозглашенная в Давосе «доктрина Карни» являет собой попытку «средних государств» совместными действиями несколько ограничить резкие и трудно предсказуемые действия Вашингтона в международной торгово-экономической сфере.

Совершенно иной характер носило выступление в Давосе американского президента. По сути, оно сфокусировалось на трех главных темах. Во-первых, Д. Трамп подробно перечислил собственные «выдающиеся экономические достижения», обеспечившие, по его словам, улучшение условий жизни простых американцев. В частности, хозяин Белого дома отметил рекордное увеличение добычи в США природного газа и нефти, что позволило снизить цены на горючее. Во-вторых, Д. Трамп подчеркнул исключительную роль Соединенных Штатов в мировой экономике. «США, — заявил президент, — экономический мотор планеты. Когда мы переживаем бум, то весь мир охватывает хозяйственный подъем». В-третьих, Д. Трамп в очередной раз раскритиковал проводимую Западом (прежде всего Евросоюзом и администрацией Джозефа Байдена) глобалистскую политику, которая, по его мнению, сводилась к «постоянно растущим государственным расходам, массовой иммиграции и бесконечному импорту». Исходя из этого, Трамп призвал европейских партнеров активизировать трансатлантическое сотрудничество в таких сферах, как энергетика, международная торговля, иммиграция и обеспечение экономического роста [In Davos...].

Максимально жестко в адрес глобализации высказался в Давосе министр торговли США Говард Лютник. По его оценке, «глобализация провалилась», ее результаты противоречили интересам Запада, поскольку за прошедшие десятилетия США и Европа экономически отстали от вырвавшейся вперед группы развивающихся государств во главе с Китаем. Более того, Г. Лютник подверг критике Всемирный экономический форум, длительное время продвигавший глобалистскую повестку и одобрявший перевод западными компаниями производственных мощностей в страны Глобального Юга. В противовес этому подходу, подчеркнул министр, концепция Д. Трампа «Америка прежде всего» предлагает другую модель международной экономики. А именно, концентрацию в США наиболее перспективных производств и защиту американского рынка и местных производителей от наплыва иностранных товаров. Европейским партнерам

Г. Лютник рекомендовал проводить такой же курс, а не критиковать торговую политику Белого дома [Christenson].

По существу, представители вашингтонской администрации ратовали за «сжатие глобализации» и нащупывали, путем проб и ошибок, более эффективные, по их мнению, варианты адаптации к развивающимся в современном мире геоэкономическим процессам.

«Политика разрушительного тарана»

На фоне (и под непосредственным влиянием) глубоких изменений в глобальной экономике и торговле достаточно отчетливо проступают контуры нового мирового многополярного политического устройства. Между геоэкономикой и геополитикой наблюдается все более тесная взаимозависимость: противоречия и меняющиеся форматы международного взаимодействия в экономической области преобразуют политические отношения между странами, а длинная цепь геополитических шоков (как, например, вооруженный конфликт на Украине, череда кризисов на Ближнем Востоке, пограничные столкновения в Азии, реанимация в Западном полушарии «дипломатии канонерок» и политики «большой дубинки») способны почти полностью изменить алгоритм сложившихся торгово-экономических связей. Как подчеркнул заместитель главы администрации Белого дома Стивен Миллер, человечество возвращается во времена «господства силы». Американские политологи Стейси Годдард и Абрахам Ньюмен определили формирующийся миропорядок как «неороялистский мир», в котором 47-й президент США займет «положенное ему место» монарха по аналогии с Тюдорами или Габсбургами [Goddard, Newman].

Нельзя не признать, что во многом благодаря трансграничной гиперактивности Д. Трампа военная сила (и сила в более широком понимании) не просто вернулась в мировую политику, но заняла в ней доминирующее место, критически ослабив роль и влияние международного права. В своей внешней политике хозяин Белого дома переносит акцент на так называемую транзакционную дипломатию — специфическую форму дипломатической работы, основанную на взаимном обмене («ты мне, я тебе»), при котором участники переговоров преследуют цель получения немедленной и конкретной выгоды. В этом транзакционная дипломатия похожа на торговые сделки и отличается от нормативной дипломатии, которая, как правило, фокусируется на выстраивании долгосрочных партнерств и зачастую базируется на общих ценностях [Scenarios...]. Подчеркнем, что во многом благодаря транзакционной дипломатии в настоящее время трудно сказать, где кончается геополитика и начинается транснациональный бизнес.

Внешнеполитическая тактика Трампа–2.0, с которой уже вплотную познакомились многие страны на разных континентах, включает в себя широкий круг методов воздействия: регулярные ультимативные требования, экономический буллинг, заранее невыполнимые обещания («прекращу конфликт на Украине за 24 часа») [Dale], голословные обвинения в адрес противников и союзников, жесткий дипломатический прессинг на

границы флага, публичное давление, внезапные уступки и вслед за этим — новые угрозы. Словом, внешняя политика ведется по правилам боев без правил. В этом состоит фирменный стиль нынешнего американского президента, которого зарубежные политологи окрестили глобальным «разрушительным тараном» (Global 'Wrecking Ball') старого миропорядка [Tankersley].

Для продвижения американских интересов Д. Трамп готов использовать те сложности, с которыми сталкиваются международные организации, включая учреждения системы ООН, созданные в условиях прежнего миропорядка. В частности, не секрет, подчеркивал С.В. Лавров, что «сегодня ООН переживает непростые времена и испытывает на себе всю тяжесть глубоких противоречий, которые существуют между ведущими мировыми державами» [Выступление...].

Уже 4 февраля 2025 г., через две недели после инаугурации, Д. Трамп подписал исполнительный указ о выходе США из Всемирной организации здравоохранения, Парижского соглашения по климату, Совета ООН по правам человека и Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам. В июле 2025 г. было объявлено о выходе из ЮНЕСКО, по причине ее «пропалестинских и прокитайских» настроений. Еще через полгода, в начале января 2026 г., Белый дом принял решение о прекращении финансирования и участия в 66 международных организациях, включая 31 учреждение системы ООН. В их числе: Экономический и социальный совет — ЭКОСОС, Международный торговый центр, Конференция ООН по торговле и развитию — ЮНКТАД и т. д. Главным аргументом в пользу выхода из международных структур было утверждение, что их деятельность «противоречит интересам Соединенных Штатов». Примечательно также, что во многих случаях США остались крупными должниками этих и других организаций [Withdrawing...].

Обнуляя участие США в десятках международно признанных организациях, Д. Трамп в рамках плана по урегулированию конфликта в секторе Газа инициировал создание «Совета мира» (Board of Peace), к участию в котором пригласил представителей около 60 государств, а сам стал пожизненным председателем Исполнительного совета [Regan, Fox]. Церемония подписания устава «Совета мира» (СМ) состоялась 22 января 2026 г. на полях Давосского форума, а в тексте документа не было упоминания сектора Газа, что было воспринято как свидетельство вероятного распространения деятельности СМ на другие конфликтные ситуации. Показательно и то, что первое заседание «Совета мира» прошло 19 февраля 2026 г. в штаб-квартире вашингтонского Института мира Соединенных Штатов (United States Institute of Peace), которому незадолго до этого было присвоено, по заявлению Государственного департамента, имя «величайшего переговорщика в истории» — Дональда Трампа [Metz, Magdy].

Учредив «Совет мира», Трамп-2.0 сделал заявку на формирование принципиально новой (по сравнению с существующими) системы многонациональных институтов. В этом отношении «Совет мира» представляет собой вызов не только низкоэффективным учреждениям ООН, но и объединению БРИКС, перед которым встает задача актуа-

лизировать собственную международную повестку в направлении достижения эффективной и сбалансированной многополярности.

Тенденции самого последнего времени свидетельствуют, что формирование нового геополитического миропорядка — сложная системная работа, которую большинству государств мира во многом еще предстоит проделать. Ключевой задачей представляется реальное образование максимально широкого международного пространства взаимовыгодных отношений между различными глобальными и региональными центрами силы, а также создание действенных внешнеполитических инструментов, отвечающих требованиям многополярности и многовекторности.

Кризис трансатлантического партнерства

Одним из самых значимых явлений на геополитическом треке с возвращением в Белый дом Д. Трампа стал разлом в отношениях между США и их многолетними европейскими союзниками из числа стран-членов ЕС и НАТО. Оценивая сложившуюся ситуацию в некогда «нерушимом» трансатлантическом альянсе, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен констатировала: «Запада, каким мы его знали, больше не существует» [EC President...]. С лидером ЕС согласилась и The New York Times, которая написала о «головокружительном распаде дружбы, объединявшей Запад три четверти века со времен Второй мировой войны». И добавила: «Дипломаты и главы государств по всему европейскому континенту говорят, что они не ждут возвращения отношений с Америкой к дотрамповской нормальности даже после того, как Трамп покинет свой пост» [Erlanger, Tankersley].

Фронтальное выяснение состояния американско-европейского взаимодействия имело место в ходе Мюнхенской конференции по безопасности (МКБ), состоявшейся 13–15 февраля 2026 г. Эти форумы, проходящие с 1963 г., являются, по определению канцлера ФРГ Фридриха Мерца, «сейсмографом отношений между Америкой и Европой», а потому их результаты представляют существенный интерес. И тот же Ф. Мерц, выступая на МКБ-2026, вынужден был признать, что «трансатлантическое партнерство, по видимому, утратило свою самодостаточность. Сначала в Соединенных Штатах, затем здесь в Европе...» [Nienaber].

По традиции, накануне форума был представлен аналитический доклад под характерным названием «Под угрозой разрушения» (Under Destruction), содержащий беспрецедентно пессимистический взгляд на происходящие в мире процессы. Максимальную тревогу у авторов этого документа вызвала политика администрации Д. Трампа, разрушающая тот мировой порядок, который был создан отчасти после Второй мировой войны и затем после холодной войны при активном участии (если не под руководством) самих США. Теперь, подчеркнуто в докладе, Белый дом возглавил те международные силы, которые ликвидируют сложившееся глобальное геоэкономическое и геополитическое устройство с помощью «бульдозеров, разрушительных таранов и бензопил». Причем «вашингтонская бульдозерная политика», по мнению мюнхен-

ских авторов, может привести к такому «постпоствоенному (бес)порядку», в котором великие державы (прежде всего США, Россия и Китай) поделят мир на региональные сферы влияния. И самое главное: в формирующемся миропорядке Европа, утратившая в последние десятилетия многие экономические и политические позиции, не сможет претендовать на достойное «место под солнцем» без наращивания своей мощи, включая военную, и достижения реальной стратегической автономии. Но до этого момента, отмечено в докладе, европейцы будут нуждаться в американской помощи и защите [Bunde, Eisentraut, p. 122].

Однако в Европе существуют серьезные сомнения относительно поддержки Соединенных Штатов. В частности, у участников Мюнхенской конференции 2026 г. (порядка 60 мировых лидеров, 50 руководителей международных организаций, сотни высокопоставленных дипломатов, законодателей и бизнесменов) еще было свежо в памяти сенсационное выступление на предыдущем форуме 2025 г. вице-президента США Джей Ди Вэнса. В нем он подверг беспрецедентной критике европейские страны за их внутреннюю и внешнюю политику, заявив (во многом справедливо), что самая большая угроза безопасности Европе исходит не извне, а изнутри континента и связана с системными ошибками европейских правящих элит, такими как деиндустриализация экономики или бесконтрольная иммиграция, меняющая цивилизационное лицо европейских социумов [The Guardian...]. По свидетельству международных наблюдателей, речь американского вице-президента, воздействие которой получило наименование «эффект Вэнса», буквально ошеломила аудиторию и, наряду с неоднократными заявлениями самого Д. Трампа, явилась точкой отсчета нового политического времени в рамках партнерства между Соединенными Штатами и Объединенной Европой. Неприятное для европейцев изменение характера трансатлантических отношений оценил председатель Мюнхенской конференции немецкий дипломат Вольфганг Ишингер, заметив, что континент оказался «полностью на обочине» важнейших геополитических процессов, в том числе в деле урегулирования российско-украинского конфликта [Между Европой и США...].

Большинство выступлений европейских деятелей на МКБ-2026 содержали призывы «вернуть Европе субъектность», сделать приоритетом политики «укрепление обороны», не переходить «красные линии» и не допустить аннексии Гренландии Соединенными Штатами, «сосредоточиться на европейском плане обеспечения безопасности» и т. д.

Стоит заметить, что критические замечания в адрес Белого дома учитывали, помимо других факторов, негативные оценки деятельности Д. Трампа, распространенные среди населения европейских стран. Так, опросы общественного мнения, проведенные незадолго до МКБ-2026, показали, что «решительным образом не согласны» с политикой Д. Трампа 53% британцев, 60% итальянцев и французов и 69% немцев [Bunde, Eisentraut, p. 25].

Подобного рода данные, свидетельствующие о сокращении внешнеполитического капитала Д. Трампа в ключевых странах Европы, были учтены американской админис-

трацией при подготовке к форуму 2026 г. и нашли свое отражение в речи государственного секретаря Марко Рубио.

В своем выступлении в Мюнхене М. Рубио был не столь агрессивен, как Дж. Д. Вэнс, и сделал акцент на том, что могло бы сплотить Запад и реанимировать трансатлантическое партнерство. В частности, глава американской дипломатической службы заявил: «Мы (американцы и европейцы. — П.Я) принадлежим к одной цивилизации — западной цивилизации». Вместе с тем М. Рубио также подверг критике глобализацию и деиндустриализацию экономик США и Европы, не обошел вниманием другие серьезные ошибки, сделанные Западом в недавнем прошлом, и призвал действовать совместно для их исправления. Соединенные Штаты, подчеркнул госсекретарь, могут проводить новый курс в одиночку, но предпочитают действовать вместе с Европой [Secretary of State...].

Возможно, выступление М. Рубио и сгладило отдельные острые углы в трансатлантических отношениях, но накопленный объем проблем и взаимных претензий слишком велик, чтобы в одночасье уступить место более бесконфликтному взаимодействию.

* * *

Международные торгово-экономические, политико-дипломатические и военно-стратегические отношения в формирующемся многополярном мире становятся ощутимо более сложными (если не сказать — запутанными) по сравнению с отношениями в периоды двух- и однополярных мироустройств. Отмеченные в статье тренды указывают на то, что разлом сложившегося в условиях неолиберальной глобализации мирового порядка рождает новые вызовы как для отдельных стран и регионов, так и для международного сообщества в целом. Роль в этих процессах Трампа–2.0 трудно переоценить. Идеи неолиберального глобализма и трансатлантической солидарности фактически отвергнуты в пользу интересов той части американских элит, которую олицетворяет сам Д. Трамп.

Геоэкономические и геополитические шаги нынешней вашингтонской администрации выглядят импровизацией и нередко носят конъюнктурный характер. Однако по мере реализации внешняя политика Белого дома не только становится все более напористой, но и приобретает системный характер, что увеличивает степень ее воздействия на сферу международных отношений.

Все еще весьма расплывчатые очертания нового мирового порядка порождают немало вопросов, а главное — способствуют разворачиванию многоуровневой глобальной конкурентной борьбы, в условиях которой особенно востребованным становится сопряжение международных усилий стран-членов БРИКС по защите их законных прав и интересов.

Литература

- Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на «правительственном часе» в ходе пленарного заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 11 февраля 2026 года // Сайт МИД РФ. 11.02.2026. — URL: mid.ru/ru/foreign_policy/news/2079930/ (дата обращения: 16.02.2026).
- «Между Европой и США пропасть». Заявления мировых лидеров в Мюнхене // РБК. 15.02.2026. — URL: rbc.ru/politics/15/02/2026/6991a8419a794703a293699c?ysclid=mlod1vhpgf581571128 (дата обращения: 18.02.2026).
- Товарооборот Китая и США в 2025 году упал на 18,7% // ТАСС. 14.01.2026. — URL: tass.ru/ekonomika/26141141 (дата обращения: 16.02.2026).
- Adrian T., Gourinchas P-O.* Global Economy Shakes Off Tariff Shock Amid Tech-Driven Boom // IMF Blog. 19.01.2026. — URL: imf.org/en/blogs/articles/2026/01/19/global-economy-shakes-off-tariff-shock-amid-tech-driven-boom (date of access: 15.02.2026).
- Bunde T., Eisentraut S.* (eds.). Munich Security Report 2026: Under Destruction. Munich: Munich Security Conference, February 2026.
- Checks and Balance newsletter: The view as “Liberation Day” unfolded // The Economist. 05.04.2025. — URL: economist.com/united-states/2025/04/05/checks-and-balance-newsletter-the-view-as-liberation-day-unfolded (date of access: 16.02.2026).
- Christenson J.* Commerce Secretary Howard Lutnick tells Davos forum: ‘Globalization has failed’ // New York Post. 20.01.2026.
- Dale D.* Fact check: It wasn’t ‘in jest’. Here are 53 times Trump said he’d end Ukraine war within 24 hours or before taking office // CNN. 25.04.2025. — URL: edition.cnn.com/2025/04/25/politics/fact-check-trump-ukraine-war (date of access: 14.02.2026).
- EC President von der Leyen: The West, as it was known, no longer exists // EurAsiaDaily. 16.04.2025. — URL: easaily.com/en/news/2025/04/16/ec-president-von-der-leyen-the-west-as-it-was-known-no-longer-exists?ysclid=mll1pzluvb664177413 (date of access: 16.02.2026).
- Erlanger S., Tankersley J.* In Munich, Europe’s Leaders Wonder if They Can Ever Trust America Again // The New York Times. 12.02.2026.
- Fact Sheet: The United States and European Union Reach Massive Trade Deal // The White House. 28.07.2025. — URL: whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-the-united-states-and-european-union-reach-massive-trade-deal/ (date of access: 13.02.2026).
- Fact Sheet: The United States and India Announce Historic Trade Deal // The White House. 09.02.2026. — URL: whitehouse.gov/fact-sheets/2026/02/fact-sheet-the-united-states-and-india-announce-historic-trade-deal/ (date of access: 15.02.2026).
- Gensler G., Johnson S., Panizza U., Mauro di B.* The economics of the second Trump administration // CEPR. 04.12.2025. — URL: cepr.org/voxeu/columns/economics-second-trump-administration (date of access: 13.02.2026).
- Global Trade Outlook and Statistics. Geneva: WTO Publications, April 2025. P. 31.
- Goddard S., Newman A.* This Theory Explains Trump’s Baffling Foreign Policy // The New York Times. 26.01.2026.
- The Guardian view on JD Vance in Munich: Europe must stand up for its values // The Guardian. 16.02.2025.
- In Davos, President Trump Outlines Bold Vision for American Prosperity, Transatlantic Strength // The White House. 21.01.2026. — URL: whitehouse.gov/articles/2026/01/in-davos-president-trump-outlines-bold-vision-for-america... (date of access: 16.02.2026).

- Metz S., Magdy S.* Trump wants his Board of Peace to solve world conflicts. It still has a lot of work to do in Gaza // The Washington Post. 18.02.2026.
- Nienaber M.* Mertz Puts Europe' Nuclear Arms at Heart of Transatlantic Reboot // Bloomberg. 13.02.2026. — URL: [bloomberg.com/news/articles/2026-02-13/merz-says-transatlantic-alliance-must-evolve-to-respond-to-trump](https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-02-13/merz-says-transatlantic-alliance-must-evolve-to-respond-to-trump) (date of access: 19.02.2026).
- Paikin Z.* Canada is not interested in White House boot licking. So what? // Responsible Statecraft. 30.01.2026. — URL: responsiblestatecraft.org/trump-carny-canada/ (date of access: 15.02.2026).
- "Principal and pragmatic: Canada's path". Prime Minister Carney addresses the World Economic Forum Annual Meeting // Prime Minister of Canada. 20.01.2026. — URL: pm.gc.ca/en/news/speeches/2026/01/20/principled-and-pragmatic-canadas-path-prime-minister-carney-addresses (date of access: 11.02.2026).
- Regan H., Fox K.* What is Trump's 'Board of Peace' and who is joining/ Here's what to know // CNN. 23.01.2026. — URL: edition.cnn.com/2026/01/22/world/trump-board-of-peace-explainer-intl-hnk (date of access: 17.02.2026).
- Romm T., Gamio L., Chang A.* Here's the Latest Trump Tariffs on Countries and Products // The New York Times. 02.02.2026.
- Scenarios of trajectory of foreign policy under incoming US Trump administration and its global impact // MAX. 16.01.2025. — URL: max-security.com/resources/global-forecast/trump-foreign-policy-2025/ (date of access: 16.02.2026).
- Secretary of State Calls on European Leaders to Defend Western Civilization in Munich Security Speech // U.S. Department of State. 14.02.2026. — URL: state.gov/releases/2026/02/secretary-of-state-calls-on-european-leaders-to-defend-western-civilization-in-munich-security-conference-speech-2/ (date of access: 17.02.2026).
- Tankersley J.* Trump Is a Global 'Wrecking Ball', Europea Security Experts Say // The New York Times. 09.02.2026.
- Trade statistics for international business development // ITC. Trade map. — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (date of access: 12.02.2026).
- What is Pax Silica? // U.S. Department of State. — URL: state.gov/pax-silica (date of access: 16.02.2026).
- What is the QUAD, and how did it come about? // The Guardian. 24.05.2022. — URL: [theguardian.com/world/2022/may/24/what-is-the-quad-and-how-did-it-come-about](https://www.theguardian.com/world/2022/may/24/what-is-the-quad-and-how-did-it-come-about) (date of access: 10.02.2026).
- Withdrawing the United States from International Organizations, Conventions, and Treaties that Are Contrary to the Interests of the United States // The White House. 07.01.2026. — URL: whitehouse.gov/presidential-actions/2026/01/withdrawing-the-united-states-from-international-organizations-conventions-and-treaties-that-are-contrary-to-the-interests-of-the-united-states/ (date of access: 14.02.2026).
- World Economic Forum 2026 // ESG News. — URL: esgnews.com/event/world-economic-forum-2026/ (date of access: 16.02.2026).
- World Motor Vehicle Production 2024 // OICA. — URL: oica.net/production_statistic/total-2024/ (date of access: 11.02.2026).
- Zaccagnini J.* La globalización tecnocrática sepulta el orden mundial que nació en 1945 // Perfil. 03.02.2026. — URL: perfil.com/noticias/opinion/la-globalizacion-tecnocratica-sepulta-el-orden-mundial-que-nacio-en-1945.phtml (date of access: 16.02.2026).

РОССИЯ И МИР

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-25-37

УДК 327; 94

Екатерина Лабецкая

БРИКС+ в контексте «анкориджского духа» гибридной войны

Аннотация. Статья посвящена анализу геополитически турбулентного контекста обновленной гибридной войны коллективного Запада против BRICS+. Поначалу она камуфлировалась «анкориджским духом» во внешнеполитической риторике 47-го президента США Д. Трампа. Ныне же, в силу психологических особенностей этого американского лидера, гибридная война проявляется все отчетливее. Особое внимание уделено перспективам и вызовам, встающим в этой связи перед ядром БРИКС+ — РИК, концепция которого была обоснована в конце 90-х годов XX века академиком Е.М. Примаковым, акцентировавшим перспективное политическое партнерство России, Индии и Китая. В раскрытии темы автор опиралась на методологию системного анализа международных отношений, пространственный подход и концепцию гибридной войны.

Ключевые слова: БРИКС, РИК, Россия, США, КНР, «Совет мира», Венесуэла, геополитика, гибридная война, «доктрина Донро», транснациональные пространства.

«Гроссмейстеры геополитики»

2026 г. в мировой политике начался с неожиданных ходов в геополитической «шахматной партии» Дональд Трамп vs Владимир Путин. Впрочем, политика — это отнюдь не шахматная партия. И циничный геополитик Белого дома XX в. Збигнев Бжезинский, советник по национальной безопасности 39-го президента США Джимми Картера (1977–1981), убедительно это показал, несмотря на метафорический заголовок своей знаменитой работы «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы», [Бжезинский. С. 256]. В политике «жертвы фигур» нередко проявляются в реальных кровавых потерях, а размены чреватые всевозможными катаклизмами, в том числе глобального масштаба.

При этом в международную «шахматную партию» внедряется обширный набор инструментария гибридной войны [см.: Лабецкая. Арктический фронт...]. И один из них — мощные пропагандистские кампании, организуемые мировыми СМИ не без одобрения «геогроссмейстеров». Видный британский теоретик и историк Арчибальд Робертсон во времена, когда гибридная война еще не упоминалась в качестве средства противобор-

Сведения об авторе: ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, lbtskaya@imemo.ru.

ства, но велась де-факто, отмечал: «Самая действенная пропаганда фактически является правдой, но она никогда не бывает всей правдой... Но, будучи правдой или ложью, она [пропаганда] подобрана для определенной цели... В иностранных же делах она дает себе волю и может, в целом, делать все, что ей заблагорассудится» [Робертсон. С. 106]. Касаясь целей, которыми обычно оправдывают средства, А. Робертсон предостерегал: «Цель не оправдывает те средства, которые разрушают самую эту цель или вредят ей» [Там же. С. 91].

В контексте целей нынешнего интригующе затянутого российско-американского диалога по приоритетным международным политическим и экономическим проблемам, закономерно влияющего в том числе на ситуацию вокруг БРИКС+ [1], научная общественность уже ставит сакраментальный вопрос «доколе?». Так, генеральный директор Международного научно-исследовательского института проблем управления профессор Александр Агеев справедливо констатирует: «До какого предела можно и должно терпеть? Мадуро, танкеры, Майдан — это все туго сплелось в нечто одно, и в самом деле — создающее угрозу самому существованию России и мира тоже» [Агеев].

Между тем явно просматривается психологическое противоборство президентов РФ и США, за которым мир с особым интересом следит с момента их саммита в Анкоридже (15.08.2025, Аляска, США), ибо пребывает в интригующем неведении, что же реально на нем было достигнуто, не имели ли там место какие-либо «размены». Линия президента РФ В. Путина напоминает китайскую тактику, выраженную в тезисе председателя КНР Си Цзиньпина, прозвучавшем на январском (2026) саммите Республика Корея — КНР: «нужно стоять на правильной стороне истории и делать разумный стратегический выбор» [Давыдов]. Выбор будет зависеть от ответов на следующие вопросы:

1. Будут ли реальные дела президента США соответствовать декларируемому им миротворчеству или же это своего рода «анкориджские туры», призванные скрытно противодействовать достижению озвученных российским президентом целей СВО?
2. Действительно ли Вашингтон дистанцируется от антироссийской «коалиции желающих» с весьма нестабильным составом из представителей ЕС, НАТО и частично Британского Содружества?
3. Не кроются ли за завесой риторики и жестов Д. Трампа нежелание поиска компромиссов и целенаправленный блеф?
4. Возможно ли российско-американское взаимодействие в сфере глобальных проблем человечества? В частности, сохранит ли ООН свою центральную роль, или Д. Трамп настроен противопоставить всемирной организации амбициозный проект собственного лидерства, одним из выражений которого стало недавнее создание «Совета мира» (Board of Peace)?

Эта глобальная инициатива Д. Трампа была поддержана 17 ноября 2025 г. резолюцией СБ ООН 2803. РФ и КНР при голосовании не стали ее ветировать по просьбе Палестины и ряда других арабских стран (воздержались — прим. ред.). Официально «Совет мира» (СМ) институализировался 22.01.2026 г. на Всемирном экономическом форуме

в Давосе, где был подписан Устав СМ. Впрочем, на тот момент, помимо Д. Трампа, его подписали представители всего 19 государств (Азербайджан, Аргентина, Армения, Бахрейн, Болгария, Венгрия, Индонезия, Иордания, Казахстан, Катар, самопровозглашенное и частично признанное Косово, Марокко, Монголия, ОАЭ, Пакистан, Парагвай, Саудовская Аравия, Турция, Узбекистан). Стоит отметить, что до сих пор полной ясности о постоянном (для внесших 1 млрд долл.) и временном (трехгодичном) членстве в СМ нет. Так, президент Республики Беларусь Александр Лукашенко опроверг необходимость внесения денежного взноса за членство в СМ в течение первых трех лет [2].

Россия «предварительно» присоединилась к проекту в соответствии с целью, зафиксированной в резолюции СБ ООН, то есть для урегулирования конфликта в Газе. Ради этого В. Путин предложил Д. Трампу направить в фонд «Совета мира» 1 млрд долл. из замороженных в США российских активов. Позднее российский президент пояснил на заседании Совета безопасности РФ, что поручил МИД изучить вопрос и проконсультироваться со стратегическими партнерами РФ, после чего Россия сможет «дать ответ на переданное нам приглашение» о вступлении в организацию [Совещание с постоянными...]. На момент написания статьи окончательное решение по членству РФ в СМ принято не было, так как у МИД РФ появились вопросы к уставу и мандату СМ, не отвечающим замыслу упомянутой резолюции СБ ООН.

Резолюция СБ ООН в поддержку проекта Д. Трампа связывала его именно с решением палестинской проблемы в течение трех лет, но президент США интерпретировал резолюцию как одобрение своего бессрочного лидерства в решении мировых проблем. Соответственно, именно Д. Трампом приглашаются в постоянные члены СМ лидеры других государств. Он же может и отозвать свое приглашение, как это имело место в Давосе в отношении Канады. Напомним, что президента США возмутило выступление премьер-министра Канады Марка Карни, критиковавшего мандат СМ и введение миллиардных взносов. Сообщалось о приглашениях в постоянные члены СМ, направленных руководителям Белоруссии, Египта, Индии, Канады, Казахстана, Турции. Однако неизвестно, все ли их приняли. К примеру, наряду с руководством РФ, вопросы к мандату СМ, входящему в коллизию с Уставом ООН, возникли и у Лулы да Силва, президента Бразилии, председательствовавшей в БРИКС+ в 2025 г.

Список участников, как и повестка «Совета мира», определяется лично Д. Трампом. В СМИ фигурирует перечень примерно 60 государственных руководителей, в том числе из государств — членов либо партнеров БРИКС+. В исполнительный орган новой структуры Д. Трамп уже включил госсекретаря США Марко Рубио, своего зятя Джареда Кушнера, старшего советника Белого дома Джоша Грюнбаума и британского экс-премьера Тони Блэра. Учитывая объявленный состав СМ, можно предположить, что создание этой международной организации так или иначе затронет интересы БРИКС+, в том числе в плане представительства Глобального Юга в СБ ООН. Видимо, в контексте появления СМ придется столкнуться и с усилением стратегии Глобального Севера по «ослаблению» БРИКС+ через «выстраивание привилегированных отношений с отдельными членами» объединения [Яковлев].

Складывается впечатление, что избранная российским лидером тактика «отстраненного» наблюдения за геополитическими действиями импульсивного Д. Трампа вызывает у последнего дискомфорт. Это просматривалось в связи с «ходами» президента США в январе 2026 г., будь то похищение президента Венесуэлы Николаса Мадуро, захват «теневого танкера» *Bella 1/ Marinera*, шедшего в тот момент под флагом РФ и имевшего в экипаже двух россиян, нагнетание ситуации в Карибском и Северном морях или шумиха вокруг Гренландии с антироссийским и антикитайским подтекстом. Выведенный из себя демонстративным спокойствием российского лидера, Д. Трамп не сдержался и раздраженно заявил своему журналистскому пулу, что «ему надоел утомительный Путин, и он все больше в нем разочаровывается» [3]. Но затем, отвечая на провокационный вопрос о вероятности похищения российского президента по аналогии с Н. Мадуро, Трамп решительно акцентировал и свои дружеские чувства к российскому визави, и симпатию к народу РФ.

Между тем, воздерживаясь от громких публичных комментариев, президент России недвусмысленно донес до американской стороны свою позицию по официальным каналам — через выступления спикера МИД РФ Марии Захаровой, постпреда РФ при ООН Сергея Небензи, прочих лиц из своего ближайшего окружения. Важными элементами ответа России стали также мощные удары самых современных систем ВС РФ по критичным объектам инфраструктуры Киева и Львова, а также реакция российских партнеров, в том числе из БРИКС+.

Показательны в этом отношении январские совместные военно-морские учебные маневры «Воля к миру — 2026» (*Will For Peace 2026*) близ мыса Доброй Надежды, в которых участвовали корабли Ирана, КНР, ОАЭ, России, ЮАР. Новые члены БРИКС+ Эфиопия (с 2024 г.) и Индонезия (с 2025 г.) прислали на учения своих наблюдателей. Примечательны слова командующего объединенной оперативной группой ВМС ЮАР капитана Ндвакулу Томаса Тамаха, который после январских инцидентов «пиратства» США в акватории Атлантики прокомментировал учения стран-членов БРИКС так: «Это необходимость в условиях современной ситуации на просторах Мирового океана» [4].

Вместе с тем отсутствие на этих маневрах представителей стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) наводит на мысль, что провозглашенная Д. Трампом обновленная версия «доктрины Монро» (именуемая не без сарказма «доктриной «Донро») встречена Западным полушарием с вынужденной покорностью. Трудно не согласиться с политологом Константином Ремчуковым, отметившим, что провозглашенная Д. Трампом установка на вмешательство «вынуждает многие страны более ответственно посмотреть на свои внешнеполитические и внешнеэкономические проекты в Западном полушарии» [5]. Отстаивание Вашингтоном своего доминирования в этой части Земного шара от Южного до Северного полюса (символизируемое появлением на сайте Белого дома коллажа, изображающего Трампа с пингвином близ Гренландии [6]), судя по всему, неминуемо ослабит взаимодействие государств ЛАКБ с партнерами по БРИКС+.

В таком случае, России, возможно, стоило бы расширить ареал морских учений с коллегами по БРИКС+ и пригласить их в Арктическую зону (АЗ) РФ. В этом контексте актуально звучит призыв российского контр-адмирала Владимира Дудко «регулярно планировать и проводить в АЗ РФ как самостоятельные, так и интернациональные военные учения для демонстрации своей боеспособности и оперативной совместимости» [Дудко].

Дилеммы и перспективы БРИКС: путь осилит идущий

Путь БРИКС был и, видимо, останется тернистым [см., напр.: Лабецкая. Транснациональное...]. РИК, БРИК, БРИКС, БРИКС+... Выдвинутая в 1998 г. академиком РАН Е.М. Примаковым, тогдашним премьер-министром РФ, идея политического партнерства России, Индии и Китая поначалу была встречена экспертными кругами довольно критически. Оппоненты ссылались на территориальную неурегулированность индо-китайского соседства, а также склонность Дели к лавированию между англосаксами и Глобальным Югом. Но идея все же обрела развитие. Причем, по иронии судьбы, в том числе благодаря креативности финансового аналитика Goldman Sachs Джима О'Нилла, узревшего в лице Бразилии (B), России (R), Индии (I) и Китая (C) перспективный «кирпич» (brick) для «инвестиционной архитектуры» мира. Политэкономическим воплощением этого акронима стала встреча министров экономики России, Бразилии, Индии и Китая на полях Петербургского международного экономического форума в июне 2006 г. А 20 сентября 2006 г., в кулуарах 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, главы МИД РФ, Бразилии, КНР и министерства обороны Индии уже обсуждали разноплановые детали сотрудничества «четверки». С присоединением в декабре 2010 г. ЮАР (South Africa) к аббревиатуре BRIC добавилась S [Лабецкая. Новый азимут...].

Трансформация «дипломатического клуба» в представительный «хаб» глобализированного мира к 2011 г. характеризовалась уже солидными показателями: 1/4 мировой суши, население около 3 млрд человек, 1/5 мирового ВВП, 60% глобального роста экономики и 30% ежегодного прироста товарооборота [7]. Многопрофильное стратегическое партнерство «пятерки», в приоритетах которой стояли содействие формированию демократичного многополярного мира, а также укрепление глобальной безопасности и стабильности на основе соблюдения положений международного права и признания в мировых делах центральной роли ООН, закономерно притягивало неопытных. Важным принципом взаимодействия внутри БРИКС является невмешательство во внутренние дела друг друга.

На данный момент БРИКС+, официально объединяет 10 государств: Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопию, Индонезию. Однако объединение не имеет институциональной основы: отсутствуют устав и единая нормативно-правовая база, руководящая структура. Управленческие функции берет на себя в порядке ежегодной ротации страна-председатель. Отсюда несколько хаотичное сотрудничество, несущее на себе отпечаток разных национальных законодательств, обычаев и, что немаловажно, личностных качеств лидеров. (В этой связи отметим, что современная

политология, в международной сфере во многом сосредоточенная на геополитике, ошибочно недооценивает политическую психологию. Между тем еще один из основоположников теории геополитики Николас Спикман называл среди факторов формирования миропорядка «комплексы и любимые предрассудки министров иностранных дел, а также идеалы и ценности, которых придерживается народ» [Spykman. P.7].)

В 2026 г. страной-председателем БРИКС+, в соответствии с принципом ротации, является Индия. К новым участникам объединения председательство начнет переходить с 2028 г.

В 2024 г. саммит БРИКС в Казани под председательством РФ ввел новый статус, предшествующий членству потенциального кандидата, – «страна-партнер». Партнерами БРИКС+ стали Беларусь, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда и Узбекистан. Предоставление партнерского статуса Венесуэле заблокировала Бразилия. Турция и Алжир пока не определились со своими планами в отношении БРИКС+.

При этом Новый банк развития, обычно именуемый Банком БРИКС, насчитывает 11 членов: «пятерка» БРИКС плюс Бангладеш, ОАЭ, Египет, Алжир, Узбекистан и Колумбия. Ожидается прием в эту финансово-экономическую структуру Уругвая и Эфиопии.

Дилеммы бразильского председательства

Дальнейшее упрочение БРИКС+ связывалось с председательством Бразилии, которая в 2025 г. приняла эстафету от России. В июле 2025 г. в Рио-де Жанейро прошел XVII саммит объединения. На бразильское председательство, избравшее своим девизом «Укрепление сотрудничества Глобального Юга в целях более инклюзивного и устойчивого управления», выпала нелегкая доля «сгенерировать» увязку поставленной цели с нарастающей неопределенностью в мировой политике, обусловленной возвращением в Белый дом Д. Трампа. Пришлось отказаться от многих планов либо внести в них коррективы. К примеру, в подвешенном состоянии оказалась судьба поданной в 2024 г. заявки Кубы на вступление в БРИКС+. Выпала из повестки бразильского председательства и полярная проблематика. И это притом что Бразилия имеет более чем 40-летний опыт работы в Антарктике и интенсивно развивает исследования в Арктике [Вяхирева].

Между тем сотрудничество в транснациональном пространстве Трансарктики [8], где практически каждый участник БРИКС+ имеет сегодня геополитические и инвестиционные интересы, закономерно. Более того, анализ взаимодействия государств-членов объединения через призму Трансарктики весьма показателен и методологически перспективен. Такой подход позволяет вычлнить не только ключевые тренды арктического сотрудничества участников и партнеров БРИКС+, но и потенциальные направления масштабного международного взаимодействия государств, народов и локаль-

ных цивилизаций. Данный, циркумполярный, ракурс помогает выявить возможные области противостояния в геополитическом соперничестве с другими транснациональными объединениями и пространствами, то есть рассматривать БРИКС+ системно, через «сцепку» Трансатлантики, Трансарктики и Транстихоокеании (Trans-Atlantic, Trans-Arctic, Trans-Pacific).

Циркумполярную тематику в БРИКС+ курирует организованная в 2018 г. Рабочая группа (РГ) по океанической и полярной науке и технологиям. На бразильском саммите планировалась уже VII встреча этой структуры. Предыдущие заседания прошли в Бразилии в 2018 г., в РФ в 2019 г., в Индии в 2020 г. (online), в КНР в 2021 г. (online), в ЮАР в 2023 г. и в России, в Мурманске, в 2024 г. (последнее, VI заседание). Срыв VII встречи не афишировался, и в «Декларации Рио-де-Жанейро», принятой по итогам бразильского саммита БРИКС, упоминаются научные направления, относящиеся к деятельности РГ [Декларация Рио-де-Жанейро...]. Но арктические вопросы оказались незримо увязаны с объявленными циркумполярными планами Д. Трампа — возможно, в связи с негласно прорабатывавшейся на тот момент организацией российско-американского саммита в арктическом Анкоридже (Аляска, США).

Не желая, видимо, раздражать могущественного северного соседа, Бразилиа также объявила мораторий на предполагавшееся дальнейшее расширение БРИКС+ за счет стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Такое решение было изящно объяснено необходимостью заняться институциональными проблемами, возникшими в связи с расширением объединения в годы председательства ЮАР и РФ. Отпал вопрос о вступлении Аргентины, где в конце 2023 г. к власти пришло проамериканское руководство, что резонировало с «доктриной Донро». Вашингтон не скрывает свою заинтересованность в минимизации влияния России и Китая в ЛАКБ, которое осуществляется в том числе и через БРИКС+. Д. Трамп в беседе с аргентинским президентом Хавьером Милеем высказался на сей счет со свойственной ему бравадой: «И я сказал всем, кто хочет быть в БРИКС, что это нормально, но мы собираемся ввести пошлины против вас. Все отказались. Они все решили выйти из БРИКС» [9]. Отметим, что никто из БРИКС+ не вышел, но не всех прежних кандидатов там дождалось.

Впрочем, для российских экспертов неожиданностей на XVII саммите БРИКС+ не произошло. Ряд из них и ранее предсказывали возможную «политическую переориентацию» тех или иных членов объединения, включая Бразилию [см.: Сизов; Хорос, Потапова].

Возможное накопление критической массы разногласий между государствами, вовлеченными в орбиту БРИКС+, вновь выдвигает на авансцену «костяк» объединения — РИК. Не случайно этот формат был выведен из забвения в ходе пресс-конференции главы МИД РФ Сергея Лаврова, посвященной итогам 2025 г. «Треугольник «Россия–Индия–Китай» (РИК), который до сих пор существует (хоть давно и не собирался), но его никто не отменял — мы работаем над возобновлением его деятельности», — подчеркнул министр [Лавров].

При этом глава российского внешнеполитического ведомства позитивно оценил бразильское председательство в БРИКС+: «Наши бразильские друзья продолжили реализацию многих проектов, которые мы запустили на саммите БРИКС в г. Казани осенью 2024 г.» [Лавров].

Однако после событий января 2026 г. председательство Бразилии в 2025 г. воспринимается вовсе не столь однозначно. Выкристаллизовывается понимание того, почему Венесуэла так и не получила статус партнера БРИКС+, почему на саммите в Рио-де-Жанейро не прозвучала насущная арктическая тема и, наконец, что же обусловило проведение экстренного закрытого онлайн-саммита БРИКС+ 8 сентября 2025 г.

Инициатором онлайн-саммита БРИКС+, как и его закрытого характера, стала страна-председатель объединения. Поводом принято считать желание лидеров обсудить торговую политику Д. Трампа, ставшую одним из наиболее широко используемых им орудий из арсенала гибридной войны. Примечательно, что этому внеочередному форуму предшествовала широко разрекламированная, но, по сути, тоже закрытая российско-американская встреча в верхах в Анкоридже (15.08.2025).

Тем интереснее попавшие в СМИ выдержки из выступлений лидеров государств БРИКС+ на их внеочередном саммите. Выступление В.В. Путина было закрытым для прессы. По сообщению Кремля, «обсуждались вопросы сотрудничества стран — участниц БРИКС в торгово-экономической, финансовой, инвестиционной и других сферах с учетом нынешней ситуации в глобальной экономике» [Внеочередная встреча...].

Слоган выступления председателя КНР Си Цзиньпина: «Уверенно идти вперед во имя солидарности и сотрудничества». «Тарифные войны серьезно бьют по мировой экономике и подрывают международную торговлю. В ответ на торговое противостояние с некоторыми странами БРИКС должен отстаивать открытость и международный экономический порядок», — подчеркнул лидер Китая [10]. По китайским источникам, «на саммите была достигнута договоренность о поддержании контактов по таким актуальным темам, как украинский кризис и конфликт в секторе Газа, на основе, в частности, раскрытия потенциала группы “Друзей мира” по украинскому кризису, сохранения приверженности принципу “двух государств для двух народов” в урегулировании палестинской проблемы в интересах мира и стабильности на Ближнем Востоке» [Си Цзиньпин].

Исходя из этих и других попавших в прессу сведений создается впечатление, что итогом внеочередного онлайн-саммита БРИКС+ стало осознание участниками угроз общемировому развитию, эрозии международного права и тенденции к подрыву центральной роли ООН. Своеобразным «отражением» саммита можно считать и появление в 2026 г. военно-морской составляющей в БРИКС+. Речь не только об упомянутых выше маневрах «Воля к миру — 2026» (Will For Peace 2026), но и о военно-морских учениях в Ормузском проливе «Морской пояс безопасности — 2026» с участием России, Китая и Ирана. Как акцентировал помощник президента России, председатель Морской коллегии Николай Патрушев, БРИКС «пора придать полноценное стратегическое морское

измерение». Комментируя вышеупомянутые маневры, он заявил: «Флоты отработали взаимодействие по защите торговых путей, которые в настоящее время становятся всё более уязвимы, в том числе перед лицом западного пиратства» [Патрушев].

Главный из напрашивающихся выводов: участники организации осознали, что дистанцироваться от гибридной войны, объявленной России коллективным Западом, им не удастся. Поодиночке противостоять прессингу США им не под силу. Встала задача координации торговой стратегии стран БРИКС в этом противостоянии. На первый план выходят меры по расширению многопланового взаимодействия в рамках объединения, включая дедолларизацию, тарифные рычаги и военно-морские учения по отработке защиты морской логистики БРИКС+.

Примечательно, что онлайн-саммиту предшествовал близкий его участникам по духу 25-й юбилейный саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), состоявшийся в китайском Тяньцзине (31 августа — 1 сентября 2025 г.). Судя по всему, отголоски обоих мероприятий позже сказались на XII Сяншаньском форуме по вопросам безопасности (18.09.2025), проведенном в Пекине под девизом «Поддержание международного порядка и содействие мирному развитию».

Назад в будущее — к формату РИК?

Январские события 2026 г., включая очередной Всемирный экономический форум (WEF-2026) в Давосе, указывают на глобальный тренд турбулентности. 56-я ежегодная встреча ВЭФ, хотя и проходила под декларированным девизом «Дух диалога», но сосредоточилась вокруг пяти спорных и болезненных глобальных проблем: сотрудничество в условиях соперничества, поиск новых источников роста, инвестиции в людей, ответственное внедрение инноваций и обеспечение процветания в рамках планетарных границ. Выступления В. Зеленского, ряда других фигур, включая и представителей ЕС, высветили интересные метаморфозы. Налицо расшатывание квазиколлективных структур — НАТО, ЕС, ОБСЕ. Политическое пространство Трансатлантики конвульсирует; в Трансарктике трещат не только льды, но и многосторонние структуры; видимо, и в Транстихоокеании трансформации неизбежны...

Обойдет ли этот тренд БРИКС+? Есть ли повод опасаться, что дальнейшее развитие объединения застынет? Вряд ли. С одной стороны, согласно закону Паркинсона об «усложнении и упадке» системы, любое расширение чревато разбалансировкой структуры, ведет к неповоротливости, пробуксовке и, соответственно, к неэффективности. С другой стороны, по мере расширения структуры высвечиваются внутренние и внешние факторы противодействия ее стратегическому развитию, что способствует анализу и корректировке дальнейших планов организации. В этом контексте весьма показательными в истории БРИКС+ стал последний период (2025 г. и январь 2026 г.) Актуализируется вопрос, не сделать ли ставку на укрепление в БРИКС+ его «костяка» — РИК. Ведь не случайно академик Е.М. Примаков выделял значимость именно взаимодействия России, Индии и Китая.

Элементы консолидации формата РИК начинают просматриваться. В этом плане весьма примечательны экспертные оценки в зарубежных «мозговых центрах», собранные «Монитором зарубежной экспертизы» ИМЭМО РАН. Французский эксперт Гийом Делакура, сотрудник Геополитической обсерватории по Индо-Тихоокеанскому региону при Институте международных и стратегических отношений (IRIS), проанализировав итоги Тяньцзиньского саммита ШОС, констатировал, что он «создает исторический прецедент, демонстрируя единство Китая, России и Индии перед лицом Запада», и что «одним из главных событий саммита стало сближение Индии и Китая» [Монитор... С. 79]. Делакура также акцентировал, что «жесткая позиция Вашингтона в отношении Нью-Дели, похоже, демонстрирует пределы возможностей многовекторной политики Н. Моди: перед лицом американских тарифов он вынужден опереться на Москву и Пекин» [Монитор... С. 80]. Суджан Чиной, генеральный директор Института оборонных исследований и аналитики имени Манохара Паррикара (Индия), тоже отмечает «тренд на потепление в индийско-китайских отношениях» [Монитор... С. 82]. Эксперт из индийского Международного фонда Вивекананды увидел в Тяньцзиньском саммите ШОС важный шаг к «размораживанию индийско-китайских отношений», однако выразил мнение, что уровень сотрудничества в ШОС и существующие там внутренние разногласия «не позволяют ШОС превратиться в основу постзападного миропорядка» [Монитор... С. 86].

С оптимистическими прогнозами относительно будущего формата Россия — Индия — Китай, действительно, спешить не стоит. В этом плане убедительна точка зрения Алексея Маслова, известного китаевода, директора Института стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова: «Пока вообще о полноценном создании этого треугольника (РИК) или некоем возвращении к нему говорить рано. Ведь речь должна идти о ряде полноценных соглашений и совместных видениях по политике, экономике, трансграничному развитию. Тем не менее тенденция, конечно, начала складываться. Не будем забывать и о взаимодействии в рамках ШОС и БРИКС. Так что РИК становится значительно более возможным» [Маслов].

Говоря об укреплении РИК, не стоит абстрагироваться и от проявляющегося все сильнее фактора личности в истории. Сегодня на мировой арене доминируют лидеры ведущих государств Д. Трамп, В. Путин, Си Цзиньпин, Н. Моди. Напрашивается вопрос, насколько эффективны и необходимы многосторонние структуры с превалирующими в них ситуативными партнерствами. Не рациональнее ли делать ставку на личностную ипостась двусторонних взаимоотношений: РФ — Белоруссия, РФ — КНР, РФ — Индия, РФ — Иран, РФ — КНДР, РФ — Казахстан, РФ — США?

Анализ политического контекста вокруг РИК требует обновления самой концепции этого треугольника. В свете прошедших военно-морских маневров, в которых не участвовала председательствующая ныне в БРИКС+ Индия, но проявил активность Иран, встал вопрос о военно-морской ипостаси РИК, где буква «И» могла бы символизировать уже не Индию, а Иран.

Не менее интересна дилемма: соглашаться ли пассивно государствам БРИКС+ (прежде всего РИК), имеющим интересы в ЛАКБ, с диктатом преемника Монро в Западном полушарии или требовать «размен» на доминирование РИК в Восточном полушарии?

В контексте усиленной новым инструментарием гибридной войны между Глобальным Югом под эгидой РИК и Глобальным Севером под лидерством Вашингтона можно прогнозировать зарождение серьезного геополитического торга вокруг международных проливов и морской логистики в западных и восточных акваториях земного шара. Соответственно, для РИК возрастет стратегическая значимость противостояния Западного и Восточного полушарий по линии Курильских островов, Берингова пролива и акватории Арктической зоны РФ, Севморпути. Геоэкономически и стратегически перспективен для РИК контроль прохода из Атлантического океана в Индийский мимо мыса Доброй надежды, через Ормузский и Малаккский проливы. Естественно, при таком геополитическом раскладе навязываемая Москве Вашингтоном еще со времен Н.С. Хрущева идея строительства под Беринговым проливом тоннеля несет не только вызовы ВМФ РФ, но и явно противоречит геостратегическим интересам РИК. В этом свете более чем убедителен тезис председателя Морской коллегии РФ: «На основных морских направлениях, в том числе в удаленных от России регионах, на постоянной основе должны находиться внушительные силы, готовые охладить пыл западных корсаров» [Патрушев].

«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» гласит мудрая латинская поговорка (*Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*). Объясняет она и неизбежность обновления средств адаптации РИК к вызовам нарастающей турбулентности в мире XXI столетия.

Примечания

1. Автор использует обозначение БРИКС+/ BRICS+ как более соответствующее расширенному составу БРИКС без поименного уточнения его участников и партнеров — вне связи с дискуссионными концепциями BRICS+ и BRICS++, продвигаемыми в ряде стран-участниц. (Примечание редакции).
2. «Лукашенко объяснил сведения о миллиардном взносе в "Совет мира" Трампа» // РБК. 20.01.2026. — URL: rbc.ru/politics/20/01/2026/696fa9ba9a79474b15414475 (дата обращения 26.02.2026)
3. Crilly R. Trump sick of 'tiresome' Putin // The Telegraph. 09.1.2026. — URL: telegraph.co.uk/us/news/2026/01/09/donald-trump-tiresome-putin-ukraine-war-peace-deal/ (date of access: 10.01.2026).
4. ВМС стран БРИКС проводят совместные учения // Независимая газета. 11.01.2026. — URL: ng.ru/news/831621.html (дата обращения 11.01.2026).
5. Ремчуков К. «Доктрина Донро» и «Автобус Данелии» // Независимая газета. 11.01.2026. — URL: ng.ru/editorial/2026-01-11/2_9412_red.html (дата обращения 22.01.2016).
6. Коллаж с изображением Д. Трампа, приближающегося через арктические просторы к Гренландии в компании с пингвином, держащим флаг США, вызвал в мире шквал насмешек:

- мол, не знает Белый дом, что пингвины живут только в Южном полушарии. Но не склонный шутить Вашингтон счел необходимым вновь подчеркнуть свое доминирование в Западном полушарии от полюса до полюса.
7. VIP-Premier. № 9-10. 2011. С.19.
 8. Понятие Трансарктики как политического пространства введено в научный оборот автором данной статьи в 2014 г. См., в частн.: Лабецкая Е. Арктический контекст безопасности Тихоокеанской Азии // Проблемы и перспективы эволюции системы международной безопасности на транстихоокеанском пространстве. М. 2014. С. 66-76. — URL: imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_042.pdf (дата обращения: 18.01.2026).
 9. Политолог: как противодействует Трамп вступлению Аргентины в БРИКС // ВФокусе Mail. 15.10.2025.— URL: news.mail.ru/politics/68322869/?from=newsapp (дата обращения: 15.10.2025).
 10. Цит по: О чем говорили на внеочередном онлайн-саммите БРИКС // Ведомости. 08.09.2025. — URL: vedomosti.ru/politics/articles/2025/09/08/1137694-o-chem-govorili (дата обращения: 02.02.2026).

Литература

- Агеев А. Александр Агеев: Доколе? // Изборский клуб. 09.01.2026. — URL: izborsk-club.ru/27754 (дата обращения: 02.02.2026).
- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М. 1999.
- Внеочередная встреча БРИКС // Сайт президента России. 08.09.2025. — URL: kremlin.ru/events/president/news/77952 (дата обращения: 02.02.2026).
- Давыдов О.В. Китайско-южнокорейский саммит: Сеул и Пекин намечают дорожную карту для улучшения взаимных отношений // ИМЭМО. Актуальные комментарии. 10.01.2016. — URL: imemo.ru/publications/policy-briefs/text/china-south-korea-summit-seoul-and-beijing-outline-roadmap-for-improving-mutual-relations (дата обращения: 11.01.2026).
- Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» // Посольство Российской Федерации в ЮАР. 06.07.2025. — URL: russianembassyza.mid.ru/ru/press-centre/news/deklaratsiya_rio_de_zhaneyro_ukreplenie_sotrudnichestva_globalnogo_yuga_dlya_bole_inklyuzivnogo_i_u/ (дата обращения 24.01.2026).
- Дудко В. Особый район России // Аргументы недели. 28.01.2026. — URL: argumenti.ru/politics/2026/01/984465 (дата обращения: 28.01.2026).
- Вяхирева Н. Бразилия бороздит Арктику // РСМД. 11.12.2023. — URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/braziliya-borozdit-arktiku/ (дата обращения: 11.12.2023).
- Лабецкая Е. Трансарктика в контексте российских приоритетов // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 106-114.
- Лабецкая Е.О. Транснациональное политическое пространство Арктики (TRANS-ARCTIC): Проблемы и перспективы сотрудничества стран БРИКС // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире. Тр. I Международной научно-практической конференции. ИНИОН РАН. М. 2016. С. 249-253.
- Лабецкая Е.О. Новый азимут для BRICS: Арктика — Латинская Америка // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 25-33. DOI: 10.31857/S0044748X0000582-9.

- Лабецкая Е.О.* Арктический фронт мировой гибридной войны // Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. № 3. С. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.
- Лавров С.В.* Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности дипломатии в 2025 году. Москва // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.01.2026. — URL: mid.ru/ru/foreign_policy/news/2073858/ (дата обращения: 21.01.2026).
- Маслов А.* Алексей Маслов: треугольник Россия-Индия-Китай становится значительно более возможным // Интерфакс. 19.10.2025 — URL: interfax.ru/interview/1053126 (дата обращения: 20.01.2026).
- Монитор зарубежной экспертизы. М. 2025. — URL: imemo.ru/files/File/ru/publ/Monitor/Monitor-ZarubExpert-September2025.pdf (дата обращения: 26.01.2026).
- Патрушев Н.П.* «Блокаду прорвёт ВМФ». Патрушев — о защите судоходства и морских границ РФ // АиФ. 17.02.2026. — URL: aif.ru/politics/russia/-blokadu-prorvyot-vmf-patrushev-o-zashchite-sudohodstva-i-morskih-granic-rf (дата обращения: 26.02.2026).
- Робертсон А.* Рационализм в теории и на практике. М. 1958.
- Сизов Г.А.* Трехсторонний формат Россия — Индия — Китай набирает обороты // РИСИ. 17.07.2019. — URL: riss.ru/analitica/trehstoronniy-format-rossiya--indiya--kitay-nabirayet-oboroty/ (дата обращения: 20.01.2026).
- Си Цзиньпин* принял участие в онлайн-саммите БРИКС и выступил с важной речью // МИД КНР. 08.09.2025. — URL: fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202509/t20250909_11704940.html (дата обращения: 26.02.2026).
- Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Сайт Президента России. 21.01.2026. — URL: kremlin.ru/events/president/news/79025 (дата обращения: 02.02.2026).
- Хорос В.Г., Потапова Е.Ю.* От БРИКС к БРИКС+: на пути к новому миропорядку // Полицентричный мир. 2024. № 1–2 (1). С. 64–76.
- Яковлев П.П.* Расширение БРИКС и новый этап борьбы глобальных альтернатив // Перспективы. Электронный журнал. 2023. №4. С. 7–20. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/068/sucbdo93ymlrb6oazgaq5b2sdsq5gbdp/4_2023_7_20.pdf (дата обращения: 26.02.2026).
- Spykman N.J.* The Geography of the Peace. Ed.by Helen R. Nichol, introduction by Frederick Sherwood Dunn. N.Y. 1944. P.66.

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-39-52

УДК 94

Екатерина Нарочницкая

Вторая мировая война в исторической памяти и мемориальной политике Франции: призрак Виши и патриотическая мифология Сопротивления (1944–1960-е годы)

Аннотация. *Образ Второй мировой войны в исторической памяти французов имеет ярко выраженную специфику, связанную прежде всего с бинарностью места Франции в этом планетарном конфликте, но также и с целым рядом других факторов. Травмы капитуляции и коллаборации, внутренний разлом между режимом Виши и Сопротивлением, непростая история вишизма, капитальные повороты в политическом контексте второй половины XX в. обрекли Францию на мучительные конфликты памяти о военном периоде и разительные метаморфозы в его символической презентации. Основное внимание в статье уделяется первой фазе этого процесса, которая прошла под знаком двух доминант: вытеснения из публичного дискурса темы коллаборации и становления так называемого сопротивленческого мифа — редуцированной и героизированной версии памяти о Второй мировой войне в ее голлистском патриотическом наполнении.*

Ключевые слова: Франция, Вторая мировая война, историческая память, политика памяти, режим Виши, коллаборация, Сопротивление, де Голль, сопротивленческий миф, коммеморация 8 мая.

Историческая память как важнейшая часть исторического сознания по определению избирательна, фрагментарна, в разной степени субъективна и в этом смысле мифологична. В современном обществе она неизбежно испытывает влияние научного знания о прошлом и, в свою очередь, влияет на направленность исторических исследований. При этом в еще большей степени, чем профессиональная историография, историческая память переплетена с меняющимся социальным, политическим, идейным контекстом и подвержена инструментализации, возможности которой резко расширились в эпоху масс-культуры и медийно-цифровых технологий.

Представления о Второй мировой войне превратились в наше время в одну из самых политизированных областей исторического сознания, где в глобальном масштабе ведутся настоящие «войны памяти». В умах современных поколений европейцев и американцев прочно укоренились определенные мифы или доминанты памяти,

Сведения об авторе: Нарочницкая Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, кандидат исторических наук, ye_naroch@inbox.ru

заданные идеологией и геополитикой. Основные западные нарративы о той войне хорошо известны: прославление США как главного освободителя Европы, минимизация (если не отрицание) роли СССР в разгроме нацизма, уравнивание гитлеризма и сталинизма, представление крупнейшего планетарного конфликта через призму борьбы «демократии и тоталитаризма», эксклюзивная концентрация внимания на теме Холокоста...

Все эти общие для Запада мотивы, усилившиеся в последние 30–40 лет, типичны в том числе и для Франции. Вместе с тем память французов о 1939–1945 гг. имеет ярко выраженную национальную специфику, обусловленную прежде всего принципиальной неоднозначностью — почти бинарностью — места Франции во Второй мировой войне и ее исторического опыта в этот судьбоносный для человечества период.

Французская специфика и конфликты памяти

Военное столкновение с Третьим рейхом вылилось для французов в едва ли не самую тяжелую травму в их истории, причем травму множественную. Великодержавная Франция, с ее идеологическим и культурным мессианизмом, не только испытала молниеносный разгром вековым врагом, фактическую капитуляцию и четырехлетнюю оккупацию. Республика, претендовавшая на воплощение девиза «Свобода, равенство, братство», сменила политический строй на режим личной власти во главе с маршалом Ф. Петеном (Французское Государство со столицей в Виши) и пошла по пути коллаборации с Третьим рейхом.

Однако часть французов (а также французских колониальных владений) либо сразу вслед за де Голлем не признали поражение и режим Виши, либо, в подавляющем большинстве случаев, примкнули к сопротивлению в дальнейшем. Вне метрополии и внутри нее возникли патриотическое движение и правительство в изгнании. Политические органы опиравшейся на колонии «Свободной Франции» (с 1942 г. — «Сражающейся Франции») были признаны партизанским подпольем на оккупированной территории, а ее регулярные вооруженные силы участвовали в боевых действиях против сил Оси в Северной Африке, на Ближнем Востоке и после открытия второго фронта в Европе. В итоге французское Сопротивление в его разных компонентах сумело не только консолидироваться, но и внести определенный вклад в борьбу антигитлеровской коалиции, а главное, утвердить себя в качестве легитимного представителя французского народа в глазах «большой тройки» и остальных союзников.

Благодаря этому, а также геополитической конъюнктуре, дипломатическим усилиям де Голля и, не в последнюю очередь, поддержке СССР Франция в 1945 г. оказалась в клубе держав-победительниц. На соответствующих привилегиях — постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладательницы особых прав и обязанностей в отношении Германии — в немалой мере зиждился ее неординарный статус в послевоенной международной системе. И все же из Второй мировой войны Франция вышла капитально ослабленной. Основы Ялтинско-Потсдамского порядка закладывались без

участия ее представителей (что среди прочего объясняет последующую фронду всех французских политических течений в отношении «Ялты»).

К травмам капитуляции и вишизма присоединилась травма внутреннего разлома по нескольким линиям: между пораженцами и сопротивленцами, коллаборантами и комбатантами, традиционалистами-петенистами и убежденными республиканцами, обывателями и носителями гражданского мышления... Трещины раскола, особенно чувствительного в драматическом контексте тех лет, и компрометирующий опыт оставили след во всех социальных группах, стратах, структурах, включая и правые, и левые политические партии, чиновничество и деловые круги, армию, церковь и проч.

Все это, во-первых, обрекло послевоенную Францию на фундаментальные конфликты исторической памяти о Второй мировой войны, а во-вторых, предопределило особую идеологическую и политическую нагруженность отражения периода оккупации в рефлексии и дискурсе, в политике, культуре, науке.

Кроме того, на образе войны 1939–1945 гг. в сознании французов особым образом сказалась память о других вооруженных конфликтах XX столетия. Прежде всего — о Первой мировой, или, как ее чаще называют во Франции, Великой войне, в которой они понесли гораздо бóльшие людские потери: около 1,4 млн погибших военнослужащих против 250 тыс. (плюс 350 тыс. гражданских жертв) в 1939–1945 гг. Поставленные после той войны бесчисленные мемориалы, имеющиеся в любом французском городе и селении, служат местом коммеморации погибших в обеих мировых схватках. Причем наложение двух пластов военно-исторической памяти в этом случае не могло обойтись без неразрешимых коллизий. Самый яркий, но не единственный пример — дилемма места в национальной истории Ф. Петена, героя 1914–1918 гг. и антигероя 1940–1944 гг. [см.: Бурлаков]. Споры вокруг правомерности церемоний в честь «победителя битвы при Вердене» до сих пор разгораются в каждую годовщину Компьенского перемирия [1].

Становление французской мифологии Второй мировой войны происходило на фоне деколонизации, которая в части французских владений приняла самую болезненную кровопролитную форму. Особенно травмирующий эффект имела Алжирская война. Как и Вторая мировая, она расколола французское общество и привела к смене государственного устройства. Более того, связанные с Алжиром (и колониальным прошлым в целом) травмы и конфликты памяти [см.: Канинская] со временем не только не сгладились, но и приобрели, в результате массовой иммиграции, новую актуальность и новые измерения. Сегодня для миллионов жителей Франции с алжирскими корнями дата 8 мая 1945 г. в не меньшей мере символизирует начало Алжирского восстания и его жестокого подавления, чем победу над нацистским рейхом [2]. Растущее воздействие колониального и миграционного факторов на коллективную память французов, включая образ Второй мировой войны, на историческую политику и полемику вокруг нее не вызывает сомнений [см., напр.: Blanchard, Veyrat-Masson; Аникин, Яровая], а разноплановые векторы этого воздействия требуют дальнейшего анализа.

Говоря о французской специфике, нельзя не отметить и такую особенность Пятой республики, как прямая роль политической власти в конструировании исторической памяти. Вслед за де Голлем все французские президенты (за исключением разве что Ж. Помпиду) лично задавали те или иные доминанты дискурса о Второй мировой войне. Франция наряду с Германией стояла у истоков международного тренда к законодательному регулированию исторических трактовок, причем сама серия французских «законов памяти» началась с введения уголовной ответственности за отрицание Холокоста.

За прошедшие более чем три четверти века репрезентация Второй мировой войны во Франции претерпела существенные, а в некоторых отношениях и кардинальные метаморфозы. В историографии встречаются разные варианты периодизации этой трансформации — более или менее дробные, выделяющие те или иные рубежные даты между этапами. Рассматривая эволюцию за восемь десятилетий и учитывая, что конкретные рубежи в многоаспектных процессах всегда условны, имеет смысл сложить отдельные этапы в три большие фазы, выделив их ключевые тенденции. Первая фаза, охватывающая период с момента освобождения летом 1944 г. по конец 1960-х годов, в целом прошла под знаком двух доминант: вытеснения памяти о коллаборации Виши и формирования патриотической мифологии Сопротивления.

Вытеснение «призрака» коллаборации

9 августа 1944 г., еще до полного освобождения метрополии Франции от оккупации, высший орган Сопротивления, переименованный во Временное правительство Французской Республики, принял декрет о «восстановлении республиканской законности», в котором объявил режим Виши «нелегитимным и недействительным» (*illégitime, nul et non avenue*). Данный законодательный вердикт, использовавший юридическое понятие недействительности, не только решал вопрос власти, но и фактически выводил просуществовавшее четыре года Французское государство за скобки национальной истории. На этом краеугольном тезисе и выстраивался в последующем «официальный» образ Франции во Второй мировой войне. Проблема заключалась в том, что такая оценка режима Виши плохо согласовалась с историческими фактами.

Самые разные течения научной историографии сходятся в том, что петеновское государство не было марионеточным, навязанным извне, несмотря на то что решающую роль в его возникновении сыграли чрезвычайные обстоятельства. Невозможно отрицать, что у режима Виши имелись почвенные корни в виде антиреспубликанской идейно-политической традиции и все признаки легитимности: легальная процедура конституирования, впечатляющая общественная поддержка как минимум до ноября 1942 г. и международное признание.

За изменение конституции, а затем передачу всей полноты власти Ф. Петену обе палаты парламента Третьей республики проголосовали подавляющим большинством [подр. см.: Канинская]. Заключение «перемирия», т.е. соглашения о коллаборации

с Гитлером, отвечало настрою французского общества, морально сломленного и желавшего мира любой ценой, что стократно подтверждено архивами и исследованиями. Неслучайно автор «Большой истории французов под оккупацией» А. Амуру назвал второй том этой серии «Сорок миллионов петенистов» [Amouroux; см. также: Бурлаков; Дувет; Канинская]. Сам глава Французского Государства оставался объектом поклонения сограждан даже весной 1944 г., да и во второй половине XX в. культ маршала имел многочисленных последователей. (Даже в 1993 г. всего 38% французов были согласны с тем, что Петен «предал Францию» [Le regard... P. 34].). Наконец, из примерно 50 существовавших тогда в мире государств 40 признали режим Виши и установили с ним дипломатические отношения, причем если СССР разорвал их через год, то многие другие, включая США и Канаду, — не ранее ноября 1942 г. или позже, а некоторые (например, участница антигитлеровской коалиции Австралия) формально поддерживали их до самого конца.

Однако лидер «Свободной Франции», глава Временного правительства, а затем основатель Пятой республики де Голль всегда неизменно настаивал на оценке коллаборационистского Французского государства как «нелегитимного и недействительного». В день освобождения Парижа он категорически отверг предложение провозгласить Республику: «Республика никогда не прекращала существовать... Виши всегда был и остается недействительным». Нередко цитируемая, эта реплика вошла в число реперных точек национальной памяти.

Вычеркивание «росчерком пера» вишизма из французской истории, несостоятельное с объективно-научной точки зрения, имело идеолого-политическое обоснование и оправдание. Эта позиция отвечала деголлевскому видению места Франции в истории и ее высших интересов в судьбоносный период послевоенного переустройства, когда на кону оказались выход из национальной катастрофы, восстановление суверенитета (далеко не гарантированное, с учетом планов США [3]), гражданское примирение и позиции страны в будущем миропорядке. Как бы то ни было, вишизм был безоговорочно выведен за рамки французской истории на уровне законодательства, а затем и государственной исторической политики.

За освобождением последовала неизбежная стадия сведения счетов и наказания коллаборантов. Но если начало чисток едва не переросло в гражданскую войну, сопровождаясь обвинениями против нескольких сотен тысяч человек и, на низовом уровне, внесудебными казнями [4], то затем официальное преследование приняло избирательный характер и в трех случаях из четырех завершилось оправданием либо амнистией. Пропорционально к численности населения количество осужденных за коллаборацию оказалось во Франции в разы меньше, чем, например, в Норвегии, Бельгии, Голландии или Дании.

Общий вектор быстро смещался в сторону национального примирения. К началу 1950-х годов тематика недавней войны, и прежде всего коллаборации, в основном ушла на периферию публичного дискурса, вытесняемая как потребностью перевернуть

темную страницу прошлого, так и бурной повесткой Четвертой республики, сосредоточенной на внутриполитических распрях, колониальных интервенциях и холодной войне с советским блоком.

Оборотной стороной формального «забвения» вишизма стало его (полу)оправдание в логике теории «меньшего зла», или «щита и меча». Суть теории состояла в следующем. Пойдя на компромиссы с Гитлером, петеновское государство уберегло французов, включая и французских евреев, от еще худшей участи, грозившей им под пятой нацистских оккупантов. Де Голль был мечом Франции, а Петен — щитом, защищавшим ее в ожидании момента, когда меч окрепнет и поразит врага. Эти тезисы в законченном виде впервые прозвучали в мае 1945 г. в ходе процесса над маршалом в речи его адвоката Ж. Изорни. И хотя суд отверг такую интерпретацию, она импонировала большинству французов и глубоко вошла в массовое сознание, надолго став еще одной реперной точкой памяти о периоде оккупации. Метафору «меча и щита» приписывали Петену и даже самому де Голлю (последнее — ошибочно, согласно последующим исследованиям). Почитатели маршала и бывшие функционеры вишистского режима, со своей стороны, принялись активно продвигать эту концепцию, подкрепляя ее версиями о «секретных миссиях» и настаивая на хотя бы частичной реабилитации Французского государства [5].

Ключевой вехой в формировании образа петеновской Франции считается вышедшая в 1954 г. семисотстраничная «История Виши» историка Робера Арона, насыщенная непубликованными на тот момент документальными материалами и многочисленными свидетельствами [Aron]. Сторонясь как апологии вишизма, так и его однозначного осуждения, книга проводила концепцию двойственной сущности петеновского режима. Вишисты предстали в ней разделенными на две принципиально разные категории: немногих реальных союзников гитлеровцев вроде П. Лавалья — и всех остальных, кто, как Ф. Петен, видел в соглашении с Гитлером временный щит для спасения французской нации. Цитируя крылатую фразу о Петене-щите и де Голле-мече, автор выразил согласие с ней, добавив от себя: «Оба были в равной степени необходимы Франции» [Aron. P. 528].

Книга Р. Арона, в 1974 г. избранного во Французскую академию, около 20 лет считалась главным трудом по истории Виши. Разошедшаяся за все годы тиражом порядка 100 тыс. экземпляров, она резонировала со стремлением переживших оккупацию поколений французов найти способ примирения с собственной историей и оправдать национального кумира Петена. Теория «щита и меча» позволила им смотреть на недавнее прошлое, говоря словами известного американского франковеда С. Хоффмана, «не вскрывая раны, которые события 1940–44 гг. оставили в национальном сознании и самоуважении французов» [Hoffman. P. 375].

Комплекс связанных с этими ранами мучительных метаний французской исторической памяти впоследствии получил наименование «синдром Виши» — понятие вошло в широкий научный и общественный оборот после выхода в свет в 1987 г. одноименной книги А. Руссо [Rousso].

До 1970-х годов внимание к самым темным страницам истории Виши находилось под негласным табу, исходившим как от власти, так и от самого общества, включая социoproфессиональные группы, вовлеченные по роду занятий в формирование исторических представлений. В тени оставались профашистские взгляды и роль таких фигур, как казненный П. Лаваль, М. Деа, Ж. Дорио с их сторонниками; антисемитские законы и участие Французской милиции в депортациях евреев; Легион французских добровольцев и дивизия СС «Шарлемань», воевавшие в нацистских войсках на восточном фронте; иные аспекты коллаборационизма и сам процесс трансформации петеновского режима от антиреспубликанского традиционализма 1940–1941 гг. к профашистскому тоталитаризму 1943–1944 гг.

Характерен казус с документальным фильмом «Ночь и туман», снятым в 1955–1956 гг. кинорежиссером А. Рене по заказу государственного Комитета истории Второй мировой войны к десятилетию освобождения нацистских концлагерей. По требованию заказчика создателям фильма пришлось закрыть часть архивного кадра, на котором зрители могли узнать по форменному кепи французского охранника концлагеря в Питивье, откуда евреев вывозили в Освенцим. Достоянием гласности этот факт стал спустя десятилетия.

Болезненные для французов темы периода оккупации вытеснялись не только из массового сознания и публичного дискурса. Французские академические историки до конца 1960-х годов тоже обходили их стороной, тем более что научные традиции того времени не предполагали обращения к недавнему прошлому. Вышеупомянутый Комитет истории Второй мировой войны, созданный в 1951 г., отдавал предпочтение составлению карт и публикации документов. Издаваемый им ежеквартальный журнал *Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale* крайне редко публиковал статьи о петеновском государстве, а немногие такие работы касались лишь узких вопросов [см.: Azema, Bedarida].

Подразумевало ли все это примирение с вишистским прошлым и тем более его оправдание, как нередко трактуют «синдром Виши»? С неангажированных позиций, для такой интерпретации нет достаточных оснований. Прежде всего, вычеркивание из национальной истории (голлисткая позиция) вовсе не равнозначно примирению и оправданию, а скорее противоположно. Кроме того, параллельно существовали и находили свое выражение обличительные версии памяти, о которых теперь в основном умалчивают или упоминают как о маргинальных явлениях. Часть голлистов, ассоциации комбатантов, сильный левый фланг политического спектра в лице коммунистов и части социалистов, — все эти круги решительно, хотя и безуспешно, протестовали против амнистий в отношении коллаборантов и вообще были далеки от реабилитации вишизма.

Французская коммунистическая партия (ФКП) характеризовала вишизм как разновидность фашизма и репрессивную диктатуру монополий, именуя себя «партией 75 тысяч расстрелянных». Вот цитата из переведенной в СССР книги Ж. Виллар, где

довольно подробно обосновывались тезисы о коллаборационизме Виши в экономике и политике: «...авторитарное государство, всемогущие финансовой олигархии, жестокие репрессии против наиболее последовательных врагов гитлеризма, социальная демагогия, антисемитские законы — все это доказывало, что Франция успешно осваивает фашистские методы» [Виллар. С. 159]. Учитывая масштабы послевоенной популярности французских коммунистов, за которых вплоть до конца 1970-х годов неизменно голосовало порядка 20–25% избирателей, влияние их нарративов вряд ли можно считать маргинальным, даже если оно было нишевым, замкнутым на леворадикальную среду. Со временем, начиная с 1960-х годов, в орбите ФКП и журнала *Cahiers d'histoire* сложилось и более свободное от партийной индоктринации (около)марксистское направление научного исследования истории Виши, делавшее упор на таких ее аспектах, как коллаборационизм крупного патроната, репрессии против борцов Сопротивления, антиеврейские преследования.

Участие режима Виши в преступлениях Холокоста изначально находилось в фокусе внимания целого ряда еврейских активистов и ассоциаций — например, основанного в 1945 г. в Париже (эмигрантами из России) Центра современной еврейской документации или Союза евреев за Сопротивление и взаимопомощь. Во второй половине 1950-х годов вышло трехтомное исследование Ж. Биллига о деятельности Генерального комиссариата по еврейским вопросам при правительстве Виши [см.: Joly]. Эту тему неоднократно поднимали отдельные интеллектуалы, деятели культуры, журналисты, в том числе А. Шварц-Барт, чей роман «Последний из праведников» получил в 1959 г. Гонкуровскую премию и стал одним из бестселлеров.

Таким образом, уже в первом послевоенном десятилетии проявились три существенно разных вектора исторической памяти о Виши: 1) исключение из национальной истории, рефлексии и — на этом основании — забвение; 2) «ревизионистская» (полу)реабилитация, с избирательным забвением очевидно компрометирующих фактов; 3) концентрированное осуждение в логике марксистско-классовой теории фашизма и/или темы антисемитизма и геноцида. Две первые парадигмы в том или ином соотношении (которое едва ли можно оценить) преобладали в общенациональном масштабе, третья доминировала в части левой среды, прежде всего ее коммунистическом сегменте.

Становление патриотической мифологии Сопротивления

Однако центральной доминантой французского дискурса о Второй мировой войне стала «другая Франция» — сражавшаяся на стороне победившей антигитлеровской коалиции, что с точки зрения психологии памяти было закономерно. Нарративы прославления Сопротивления, с преувеличением его масштабов, громко зазвучавшие сразу после освобождения, хорошо иллюстрирует фильм «Битва на рельсах», удостоенный нескольких призов Каннского кинофестиваля 1946 г. Воспроизводя с документальной точностью ряд реальных эпизодов и манипулируя кинематографическими приемами, создатели картины создали иллюзию нарастающего вовлечения в тайную борьбу с ок-

купантом всех французских железнодорожников — как примера коллективного героизма французского народа [анализ языка фильма см.: Bertin-Maghit].

Впрочем, с уходом де Голля в оппозицию, изгнанием коммунистов из правительства и сменой актуальной повестки резко ослабел и сопротивленческий дискурс. Четвертая республика, погрязшая в правительственных кризисах, в принципе не имела внятной мемориальной политики, а правившие в ней политические элиты не были заинтересованы подчеркивать вклад французских комбатантов и подпольщиков в исход войны.

Лишь в 1953 г. под давлением левых депутатов и ветеранских организаций 8 мая было сделано выходным днем. При этом в тексте соответствующего закона странным образом говорилось о праздновании не победы, а «перемирия», хотя в 1945 г., в отличие от 1918 г., Германия сразу подписала безоговорочную капитуляцию; подмена слов отражала взятый курс на франко-германское примирение и европейскую интеграцию [Dalisson].

На уровне общественных инициатив, а также в различных территориальных единицах ситуация с коммеморацией Второй мировой войны складывалась по-разному. Во многих коммунах, где мэрии возглавляли коммунисты, День победы праздновали не 8, а 9 мая, в других местах он порой вовсе не отмечался из-за близости ко Дню Жанны д'Арк и другим майским праздникам. Голлисты придавали наибольшее значение июньской церемонии, которую они ежегодно проводили в память об историческом воззвании своего лидера к продолжению борьбы, переданном по лондонскому радио 18 июня 1940 г.

Только с возвращением де Голля к власти и основанием Пятой республики формирование устойчивой доминанты памяти о Второй мировой войне вступило в решающую стадию. Государство перешло к целенаправленной и напористой мемориальной политике, вернув в центр дискурса Соппротивление, отождествляемое со всем французским народом и с Францией как субъектом истории.

Такое отождествление было принципиальной установкой де Голля, которую он со всей ясностью выразил еще в своей знаменитой речи 25 августа 1944 г. по случаю освобождения столицы: «...Париж освобожденный! Освобожденный своим народом, с помощью Вооруженных сил Франции, но также при поддержке всей Франции, Франции, ведущей бой, единственной Франции, подлинной Франции..» (курсив мой. — Е.Н.) [Discours...].

Состоявшееся в 1964 г. торжественное перенесение в Пантеон останков Ж. Мулена, замученного в застенках гестапо, символизировало капитальное значение, которое отныне придавалось теме Соппротивления в исторической памяти и мемориальной политике.

Министерство образования ввело постоянно действующий (до сих пор) «Национальный конкурс Соппротивления и депортаций», призванный «увековечить среди молоде-

жи память о Соппротивлении и депортациях в годы Второй мировой войны, с тем чтобы эта память служила гражданскому воспитанию» [Participer au concours...].

Как ни парадоксально, культ Соппротивления сопровождался понижением в статусе празднования победы 8 мая. Главным мероприятием официальной коммеморации войны в голлистский период стала ежегодная церемония 18 июня у возведенного в 1960 г. мемориала «Сражающейся Франции» на холме Мон-Валерьян под Парижем, где гитлеровцы казнили порядка тысячи участников Соппротивления и заложников. День победы был сочтен «слишком международным», заслоняющим приоритетные для Франции элементы памяти. (Возможно, свою роль сыграл ресентимент де Голля в отношении бывших союзников, в особенности антифранцузских проектов военной дипломатии Рузвельта). Из календаря выходных дней 8 мая вычеркнули уже в 1959 г., невзирая на поднявшийся шквал протестов, а для коммеморации победы вновь отвели второе воскресенье мая, как в 1946–1952 гг. Единственное исключение было сделано для 20-летнего юбилея окончания войны, отмеченного Францией с большим размахом и вызвавшего общественное воодушевление, которое показало, что французы придают победе 1945 г. колоссальное значение. Регулярное проведение 8 мая официальных памятных церемоний возобновилось с 1968 г., но День победы оставался рабочим.

Особо стоит отметить негативное отношение де Голля к коммеморации высадки союзников в Нормандии, тем более что оно выбивалось из общего ряда, контрастируя с позицией и ряда его министров, и последующих французских президентов. Торжества 1964 г., посвященные 20-летию англо-американской операции «Нептун», прошли в отсутствие высшего руководителя Франции. По свидетельству его доверенного лица, (в тот момент) министра информации А. Пейрефитта, де Голль, объясняя ему свое решение, с возмущением вспоминал о планах, которые вынашивали США перед открытием второго фронта: «Высадка 6 июня, это было дело англосаксов, из которого Францию исключили. Они были полны решимости устроиться во Франции как на вражеской территории! Так же, как они перед этим сделали в Италии и как собирались сделать в Германии! Они приготовили свой AMGOT [6], который должен был суверенно управлять Францией... напечатали свои псевдобанкноты.... И вы хотите, чтобы я поехал на коммеморацию их высадки... К тому же, это создавало бы впечатление, будто мы обязаны своим освобождением одним американцам...» [Peurefitte. P. 85].

Напротив, 20-летие высадки союзных войск в Провансе 15 августа 1944 г. (операция «Драгун»), где силы «Сражающейся Франции» играли важнейшую роль, было отмечено торжественным открытием национального некрополя в Булурисе и мемориала освобождения Прованса в Мон-Фароне — в обоих случаях лично первым президентом Пятой республики.

Голлистская политика героизации роли Франции во Второй мировой войне нашла отклик в обществе, травмированном капитуляцией 1940 г., оккупацией и деколонизацией. Ее успеху способствовало то, что главная сила оппозиции — ФКП продвигала созвучные нарративы, хотя и со своими акцентами. Отличия заключались в том, что

коммунисты больше прославляли внутреннее Сопротивление, поднимая на щит собственные жертвы («партия 75 тысяч расстрелянных»), подчеркивали решающий вклад СССР в победу и жестче осуждали вишизм, не вынося, впрочем, последний вопрос на первый план. Голлисты же культивировали в первую очередь коллективный образ борьбы французской нации за родину и свободу.

Французская профессиональная историография, со своей стороны, развивалась в направлениях, которые не создавали серьезного диссонанса с сопротивленческим дискурсом. Как позже утверждал А. Руссо, исследователи, работавшие под эгидой Комитета истории Второй мировой войны в 1950-1960-е годы, интересовались «довольно мало историей режима Виши, почти совсем не интересовались историей его антиеврейской политики, но зато уделяли много внимания истории Сопротивления, депортациям (вне связи с расизмом) и репрессиям со стороны немцев» [Roussou, Petit. P. 73].

Уже не раз было сказано, что во Франции послевоенных десятилетий «история выполняла терапевтическую и педагогическую функции», что «обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации» [Шеррер. С. 94]. Само по себе это в целом бесспорно, но оставляет за кадром главный вопрос — полезными с какой точки зрения, с позиций каких ценностей, интересов, задач? Кроме того, никакая интерпретация собственной истории в памяти народа и общества не сводима к утилитарным задачам. Коль скоро историческая память участвует в воспроизводстве и эволюции национальной идентичности, она неразрывно связана с фундаментальным измерением общественного сознания — мировоззрением, идеалами, целеполаганием.

Голлистская версия памяти, с ее героическим культом Сопротивления и отторжением Виши, конечно же, служила практическим задачам политики того времени, таким как легитимация институтов Пятой республики и самого де Голля во главе государства, внутренняя консолидация, преодоление травм вишизма и деколонизации, мобилизация общества на форсированное развитие страны, отстаивание международной роли Франции. В мировоззренческом плане она культивировала патриотические, гражданские, гуманистические ценности, принципы и идеалы, которые составляли неотъемлемую часть политической философии голлизма, национальной идеи де Голля, его убежденности в исторической субъектности и «величии» Франции, его видения потребностей и векторов как французской, так и мировой истории [подробнее см.: Нарочницкая, Ч. 1, 2].

Утвердившаяся в голлистский период редуцированная и героизированная версия памяти о Второй мировой войне вскоре подверглась интенсивной ревизии. Новые поколения заново открывали для себя вишистское прошлое Франции, а фокус памяти о войне сместился на темы Холокоста и соучастия Виши в нацистской программе уничтожения евреев. Одновременно нарративы, чествующие Сопротивление, стали предметом системной критики, именующей их сопротивленческим мифом в прямолинейно отрицательном смысле — как антитезы истины. А. Руссо, чья резонансная книга «Син-

дром Виши» сыграла заметную роль в смене системы координат, поднял эту критику на концептуальный уровень, дополнив ее негативно окрашенным концептом «сопротивленчество» и трактуя сопротивленческий миф прежде всего как маргинализацию в памяти всего связанного с вишистским режимом [Roussso. P. 21].

Анализ как этой, так и последующей, современной, фазы в процессе трансформации памяти о Второй мировой войне во Франции выходит за рамки данной статьи. Однако несколько общих замечаний будут нелишними.

Природа исторической памяти, как известно, подразумевает избирательность, символичность и в этом смысле — определенную мифологичность. Проблема сопротивленческого дискурса коренилась не в мифологичности и редуцированности как таковых, а в тех идеологических и геополитических смыслах, который несла в себе эта французская мифология, но также — в степени ее фактологической уязвимости. Смыслы все больше вступали в противоречие с постнациональной идейной парадигмой, возобладавшей на Западе к исходу XX столетия, с векторами французской и европейской политики и общественной мысли, с евроатлантистскими приоритетами французских элит. А уязвимость голлистского «сопротивленческого мифа» усиливалась тем, что он слишком сильно расходился с общей картиной крайне неоднозначной реальности, выдавая одну из ее граней за главную, единственно значимую часть.

Примечания

1. Очередной скандал разразился 15 ноября 2025 г., когда в Вердене, несмотря на запрет мэрии, состоялась месса в память маршала Петена, после чего на организаторов церемонии было заведено уголовное дело.
2. Показательно, что во франкоязычной Википедии дата 8 мая 1945 г. представлена именно в таком двойном значении (8 mai 1945 // Wikipedia. L'encyclopédie libre. — URL: fr.wikipedia.org/wiki/8_mai_1945 (РКН: сайт нарушает закон РФ). Материалы о протестах и убийствах 1945 г. в алжирских Сетифе, Гуэльме и Херрате непременно включаются 8 мая в программы ведущих французских СМИ.
3. В США планировали после освобождения материковой Франции подчинить ее Союзному военному управлению оккупированных территорий (AMGOT), как было сделано в Италии и ряде других стран. Кроме того, в 1942–1943 гг. Рузвельт и его дипломатические представители прорабатывали идеи перекройки политической карты Европы, с отделением от Франции нескольких частей ее территории [подробнее см.: Branca].
4. Масштабы внесудебных казней в период освобождения вызвали в стране острую полемику, которая, в свою очередь, стала неотрывной частью разгоревшейся партийно-политической борьбы. Подавляющее большинство таких расправ инкриминировали коммунистам, которые находились на пике своего влияния (28,6% на всеобщих выборах ноября 1946 г.). Число казненных по обвинению в коллаборационизме без суда и следствия, по официальным заключениям, составляло порядка 8–11 тыс., по другим данным — измерялось десятками или даже сотнями тысяч человек (см., напр.: Novick P. L'Épuration française (1944–1945). Paris. 1985; Aron R. Histoire de l'épuration. Paris. 1966–1975).

5. Философ Л. Ружье, вошедший в руководство Ассоциации по защите памяти маршала Петена, в 1946 г. издал в Бельгии книгу «Секретная миссия в Лондон», где утверждал, что в 1940 г. Петен якобы направлял через него предложения У. Черчиллю заключить секретное соглашение (*Rougier L. Mission secrete a Londres. Bruges. 1946*). Книга не поступала в продажу и распространялась по спискам.
6. AMGOT — Allied military government of occupied territories. См. примечание 3.

Литература

- Аникин Д.А., Яровая И.А. Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // *Власть*. 2020. № 4. С. 131-137.
- Бурлаков А.Н. «Казус Петэна» в политической жизни современной Франции // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2019. №2. С. 115-131. — URL: j-locus.ru/wp-content/uploads/2020/05/2019-2-115.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
- Виллар Ж. Странная война и предательство Виши. М. 1962.
- Дувет Д. Восстановить историю ее подлинном измерении // *Перспективы*. 14.11.2008. — URL: https://www.perspektivy.info/history/vosstanovit_istoriju_v_jejo_podlinnom_izmerenii_2008-11-14.htm (дата обращения: 26.03.2026).
- Канинская Г.Н. Две войны в зеркале французской истории // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2014. № 6. С. 361-394.
- Нарочницкая Е.А. Идеиное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма. Часть 1. Понимание национальных реальностей // *Перспективы. Электронный журнал*. 2021. №2/3. С. 7-24. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/9ea/2_3_2021_0_7_24.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
- Нарочницкая Е.А. Идеиное наследие Шарля де Голля. II. Национальная парадигма. Часть 2. Концепт величия Франции // *Перспективы. Электронный журнал*. 2021. №2/3. С. 25-33. — URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/260/2_3_2021_0_25_33.pdf (дата обращения: 26.03.2026).
- Шерпер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // *Pro et Contra*. 2009. № 3-4 (Май-Август). С. 89-108.
- Amouroux H. Quarante millions de pétainistes : Juin 1940 — Juin 1941. Paris. 1978.*
- Aron R. Histoire de Vichy (1940-1944). Paris. 1954.*
- Azéma J.-P., Bédarida F. Vichy et ses historiens // Esprit. 1992. №. 181 (5). Pp. 43-51*
- Bertin-Maghit J.-P. «La bataille du rail » : de l'authenticité à la chanson de geste // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Avril-juin 1986. T. 33 N°2. Pp. 280-300.*
- Blanchard P., Veyrat-Masson I. Les guerres de mémoires : un objet d'étude ? // Tracés. Revue de Sciences humaines. 2009. № 9. P. 43-52. — URL: journals.openedition.org/traces/4319 (date of access: 26.03.2026).*
- Branca E. L'ami américain. Paris. 2022.*
- Dalisson R. Célébration de la fin de la Seconde Guerre mondiale : quelles évolutions depuis 1945? // Vie Publique. 04.03.2025. — URL: vie-publique.fr/questions-reponses/274242-quatre-questions-sur-le-8-mai-1945 (date of access: 26.03.2026).*
- Discours du général de Gaulle le 25 août 1944 // *Fondation Charles de Gaulle*. — URL: share.google/ApaKU6ullzloXufIQ (date of access: 26.03.2026).

Hoffman S. Collaborationism in France during World War II // *The Journal of Modern History*. V.40. 1968. №3. sept. P. 375-395. — URL: [jstor.org/stable/i332244](https://www.jstor.org/stable/i332244) (date of access: 26.03.2026).

Joly L. Le savoir des victimes. Comment on a écrit l'histoire de Vichy et du génocide des juifs de 1945 à nos jours. Paris. 2025.

Le regard des Français sur la collaboration. Ifop pour l'Observatoire Histoire & Vie publique. IFOP. Janvier 2026. — URL: [ifop.com/wp-content/uploads/2026/02/122186-rapport-ifop.pdf](https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2026/02/122186-rapport-ifop.pdf) (date of access: 26.03.2026).

Participer au concours national de la Résistance et de la Déportation // France Archives. 21.10.2025. — URL: francearchives.gouv.fr/fr/article/82509171 (date of access: 26.03.2026).

Peyrefitte A. C'était de. Paris. T. 2. 1997.

Rouso H. Le syndrome de Vichy (1944-1987). Paris. 1987.

Rouso H., Petit F. La hantise du passé. Paris. 1998.

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-54-66

УДК 327; 94

Петр Яковлев

США — Венесуэла: причины и последствия операции «Абсолютная решимость»

Аннотация. *Анализируются контекст, значение и последствия спецоперации США по похищению президента Венесуэлы Н. Мадуро и его супруги С. Флорес. Произведенная в ночь на 3 января 2026 г. операция «Абсолютная решимость» готовилась длительное время и имела целью не только смену политического режима в Венесуэле, но и демонстрацию твердого намерения восстановить доминирование Вашингтона в Латинской Америке и Западном полушарии в целом. Идеологическим обрамлением этой политики стала «доктрина Донро», воспринимаемая как современная версия доктрины Монро. Действия администрации Д. Трампа были осуждены многими государствами, включая ряд союзников Соединенных Штатов по НАТО, а представитель генерального секретаря ООН характеризовал их как «опасный прецедент». Вместе с тем нашлось немало стран, в том числе в Латинской Америке, чьи правительства одобрили действия вооруженных сил США. Все указывает на то, что выдвигание на передний идеологический план «доктрины Донро» знаменует наступление новой эры американской внешней политики.*

Ключевые слова: *США, администрация Трампа 2.0, «доктрина Донро», Венесуэла, политика давления, нефтяная блокада, захват президента Мадуро, международная реакция.*

От доктрины Монро к «доктрине Донро»

С самого начала своего второго президентского срока Дональд Трамп сфокусировал внешнеполитическое внимание на интересах и стратегических приоритетах Соединенных Штатов в Западном полушарии. В ряде случаев такой подход хозяина Белого дома носил беспрецедентный характер и заметно осложнил отношения Вашингтона с традиционными государствами-партнерами и соседними странами. Напомним, что в числе наиболее резонансных демаршей президента-республиканца фигурировали: намерение «отобрать» у Дании Гренландию, идея превратить Канаду в 51-й штат США, неоднократный призыв к Оттаве и Мехико пересмотреть в интересах американского бизнеса условия соглашения о североамериканской интеграции (ЮСМКА), ультимативное требование к правительству Панамы предоставить Вашингтону особые права

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, petrp.yakovlev@yandex.ru.

пользования межокеанским каналом и контроля над ним, а также радикально снизить уровень сотрудничества с Пекином. Канаде и странам Латинской Америки выдвигались жесткие требования, связанные с такими болезненными вопросами современных межамериканских отношений, как торговля наркотиками, незаконная иммиграция в США, растущее взаимодействие большинства латиноамериканских государств с Китаем и другими внеконтинентальными державами. Причем практически повсеместно Д. Трамп прибегал не только к торгово-экономическому шантажу (возможности введения высоких импортных тарифов), но и к угрозам применения силовых акций в отношении «несговорчивых» партнеров, вплоть до проведения военных операций. Не случайно орган деловых кругов — газета *The Wall Street Journal* писала, что с приходом в Белый дом Трампа 2.0 наступила новая эра «дипломатии канонерок» [Gordon, Cloud].

Идеологическим обоснованием «особых прав» Соединенных Штатов на влияние (а точнее — торгово-экономическое и политико-стратегическое доминирование) в Западном полушарии послужила провозглашенная в 1823 г. доктрина Монро. Именно она оставила печальный след в истории межамериканских отношений, поскольку периодически использовалась для оправдания вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских стран, включая экономические санкции, прямые военные интервенции и специальные операции. И именно на нее многократно ссылался Д. Трамп, провозглашая откровенно гегемонистские претензии Вашингтона на ведущую роль на огромном пространстве от Гренландии до Огненной Земли. Данное обстоятельство дало повод американским средствам массовой информации (в частности, влиятельной газете *The New York Times*) определить подход 47-го президента США к политике в Западном полушарии, прежде всего в Латинской Америке, как «доктрину Донро» (*Donroe Doctrine*) [Bennhold].

Новая внешнеполитическая парадигма Белого дома стала одним из ключевых элементов Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки, принятой «с подачи» Д. Трампа в ноябре 2025 г. В этом основополагающем документе прямо указано, что после многих лет невнимания Соединенные Штаты, руководствуясь принципами доктрины Монро, «восстановят свое превосходство в Западном полушарии». Более того, в Стратегии подробно перечисляются торгово-экономические и военно-политические шаги, которые предпримет Вашингтон для вытеснения иностранных конкурентов из этого района мира [National Security Strategy]. Сам Д. Трамп, со свойственной ему «непосредственностью», по этому поводу заявил: «Доктрина Монро была большой сделкой, но мы намного ее превзошли. Теперь говорят о доктрине Донро, и благодаря нашей новой стратегии национальной безопасности американское доминирование в Западном полушарии больше никогда не будет под вопросом» [Nicas. Maduro's...].

Можно констатировать, что президент-республиканец подверг глубокой ревизии латиноамериканскую политику своих предшественников — демократических администраций Барака Обамы и Джозефа Байдена, которые, руководствуясь постулатами нелиберальной глобализации и проповедуя преимущества режимов представительной демократии, в приоритетном порядке укрепляли всесторонние хозяйственные и поли-

тические связи с Канадой и старались по возможности сглаживать самые острые углы в отношениях с южными соседями, в том числе с режимами левой ориентации. При этом предшественники Д. Трампа широко использовали созданные в рамках межамериканской системы (Организации американских государств, Межамериканского банка развития, Межамериканской комиссии по правам человека и др.) механизмы многосторонней дипломатии [Яковлев].

Выстраивая латиноамериканский курс Вашингтона в духе «доктрины Донро» (или, если угодно, доктрины Монро 2.0), Д. Трамп, по меткому замечанию известного обозревателя Джека Никаса, «усилил хватку» в отношении южных соседей, четко разделил страны региона на союзников и противников и, предпочитая выстраивать взаимодействие на двусторонней основе, фактически отказался от использования многосторонних внешнеполитических инструментов. При этом, подчеркивает аналитик, Белый дом видит в Латинской Америке уникальную возможность доступа к колоссальным природным ресурсам, востребованным американской и мировой экономикой на нынешнем этапе технологической трансформации, а также обретения ключевых (с точки зрения национальной безопасности США) стратегических позиций [Nicas. The 'Donroe Doctrine'...].

В границах Западного полушария зоной повышенной военно-политической активности Вашингтона стал Карибский бассейн, а первоочередной целью стратегии Белого дома в этом районе явилось свержение правительства Николаса Мадуро. Администрация Д. Трампа обвинила венесуэльского лидера в «крышевании» организованной преступной группировки «Поезд Арагуа» (El Tren de Aragua), организации наркокартеля «Картель солнц» (Cartel de los soles), причастности к поставкам наркотиков на американский рынок, а также предъявила ему длинный список других претензий, главными из которых были тесные отношения Каракаса с Пекином, Москвой, Гаваной и Тегераном. В результате, как заявлял государственный секретарь Марко Рубио, для США Н. Мадуро стал «нетерпимым» [Hansler, Iyer].

Предыстория конфликта и цели администрации Трампа 2.0

Отношения США и Венесуэлы имеют давнюю и непростую историю, отмеченную как периодами тесного торгово-экономического сотрудничества, так и временами острых противоречий и политических столкновений. И всегда в центре американо-венесуэльских отношений была нефть, крупнейшие в мире запасы которой уже в первой четверти XX столетия превратили изначально бедную страну в ведущего мирового экспортера «черного золота». В конце 1930-х годов Венесуэла по объемам нефтедобычи уступала лишь Соединенным Штатам и Советскому Союзу. При этом 98% производства нефти находилось в руках трех иностранных компаний: американских Standard Oil (предшественница ExxonMobil) и Gulf (впоследствии вошла в Chevron) и англо-голландской Royal Dutch Shell (сейчас — Shell) [Sacks].

Как это не раз случалось со странами Латинской Америки (и не только с ними), сырьевое богатство сыграло с Венесуэлой злую шутку: она «подсела на сырьевую иглу».

Экономическое и социально-политическое развитие этого сравнительно крупного южноамериканского государства стало определяться состоянием дел в нефтяной промышленности и уровнем цен на нефть на мировых рынках. Достаточно заметить, что в 1920–1935 гг. доля «черного золота» в национальном экспорте выросла с 2 до 90%, что означало практически нулевое развитие других отраслей экономики (индустрии и сельского хозяйства). Большинство необходимых товаров ввозилось из-за рубежа и оплачивалось из доходов от нефтяного экспорта, он же служил фактически единственным источником государственных доходов.

Последнее обстоятельство (известное как «голландская болезнь») обусловило два явления, с начала 1940-х годов приобретших постоянный характер и критически повлиявших на ход внутривнутриполитической борьбы и состояние международных связей Каракаса. Во-первых, все без исключения венесуэльские правительства искали возможности увеличить долю нефтяных доходов, направляемую в государственную казну. Во-вторых (и как следствие первого), стремление нарастить объем поступлений от экспорта нефти в венесуэльский бюджет вызывало трения с иностранными компаниями и поддерживавшими их западными державами, прежде всего США. Вопрос перераспределения нефтяных доходов в пользу венесуэльского государства на долгие десятилетия создал точки напряжения в отношениях между Каракасом и Вашингтоном, что периодически транслировалось на политическую обстановку в самой Венесуэле. Далеко не случайно, считают историки, в 1940-х годах были свергнуты президенты Исаяс Медина Ангарита и Ромуло Гальегос, пытавшиеся установить национальный контроль над нефтяной отраслью [Venezuela's 'Black Gold'...].

Впрочем, бурные внутривнутриполитические события не остановили быстрый рост нефтедобычи, поскольку в ней были заинтересованы могущественные международные игроки. В результате в 1943–1958 гг. производство нефти увеличилось более чем в пять раз и достигло 2,6 млн баррелей в сутки, что составило свыше 14% мирового показателя и закрепило Каракас в качестве одного из главных акторов мирового рынка жидких углеводородов. Подтверждением этому стало предложение в начале октября 1960 г. министра нефти и горнодобывающей промышленности Венесуэлы Хуана Пабло Переса Альфонсо создать Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК). Инициатива венесуэльского министра была с энтузиазмом поддержана Саудовской Аравией, Ираном, Ираком и Кувейтом. Уже 17 октября 1960 г. в Бейруте (Ливан) была учреждена ОПЕК, сыгравшая, без преувеличения, выдающуюся роль в изменении расстановки сил на мировом нефтяном рынке в пользу стран-производителей [Trapani].

Фактором дальнейшего укрепления международных позиций стран-экспортеров нефти стали итоги арабо-израильской войны Судного дня 1973 г. — в первую очередь, четырехкратный (с 3 до 12 долл. за баррель) рост цен на нефть, что привело к беспрецедентному увеличению поступлений в бюджет Венесуэлы. На волне геополитического и геоэкономического успеха правительство Карлоса Андреса Переса в 1976 г. осуществило национализацию нефтяной промышленности Венесуэлы и создало государст-

венную нефтяную компанию *Petróleos de Venezuela S.A. (PDVSA)*, ставшую владельцем основных сырьевых и производственных активов отрасли.

Первоначально казалось, что страна благодаря возросшим нефтяным доходам вышла на траекторию устойчивого социально-экономического развития. В 1976 г. ВВП вырос на 7,7%, в 1977 г. — на 6,3%. Однако уже в 1979 г. этот показатель снизился до 0,8%, а в 1980 г. ВВП сократился на 4,9% [*PIB de Venezuela...*]. Почему так произошло?

В очередной раз дала о себе знать «голландская болезнь» венесуэльской экономики — ее гиперзависимость от размеров нефтяных доходов. В 1980-е годы в мире имело место перепроизводство нефти и связанное с этим падение цен на «черное золото». Венесуэла (так же как Советский Союз) оказалась в числе пострадавших, что пагубно отразилось на ее экономическом положении: в 1989 г. было зафиксировано рекордное к тому времени падение ВВП — 13,9%. Это вынудило правительство пересмотреть условия национализации нефтяной промышленности и открыть рынок для иностранных компаний. В страну пришли 22 транснациональные корпорации (ТНК), согласившиеся работать на условиях соглашений о разделе продукции. Одновременно власти (по рекомендации Международного валютного фонда) провели либеральные рыночные реформы, восстановившие рост экономики, но ощутимо ухудшившие материальное положение большинства жителей страны. Если в 1975 г. за чертой бедности находилось 33% венесуэльцев, то в 1995 г. — уже 70%. Именно относительное и абсолютное обнищание широких слоев населения в тот период заложило социальную базу массового недовольства, чем не преминули воспользоваться национал-популистские деятели левого толка [*Wolfe*].

Дальнейшее общественно-политическое развитие Венесуэлы проходило в условиях доминирования левых режимов Уго Чавеса (1999–2013 гг.) и его преемника Николаса Мадуро (2013–2026 гг.), которые установили тесные всесторонние связи с Кубой, а на мировой арене стали выстраивать отношения стратегического сотрудничества с Китаем, Россией и Ираном. В результате венесуэльские власти вошли в долгий геополитический клинч с правящим истеблишментом Соединенных Штатов, расценившим поворот во внешней политике Каракаса как вызов и угрозу своим национальным интересам.

Венесуэльско-американские противоречия с каждым годом усугублялись, но до определенного момента между двумя странами поддерживались сравнительно интенсивные торгово-экономические связи. В частности, в 2008 г. США, несмотря на острые политические разногласия с правительством У. Чавеса, ввезли рекордный объем венесуэльской нефти на сумму свыше 50 млрд долл. По этому показателю Венесуэла занимала третье место в мире, уступая лишь Канаде (113,1 млрд долл.) и Саудовской Аравии (56,3 млрд долл.) [*Bilateral trade...*].

Характерно, что крупные (хотя и в меньших масштабах) закупки венесуэльской нефти американскими ТНК продолжались еще в течение ряда лет, хотя в 2007 г. правительст-

во У. Чавеса принял закон, обязывающий иностранные компании передать 60% своих активов под контроль PDVSA. В ответ из страны ушли крупнейшие компании, включая ExxonMobil и ConocoPhillips, собственность которых была национализирована, а требования выплатить компенсацию, превышавшую 10 млрд долл., были удовлетворены лишь частично [Ponce]. Это явилось спусковым крючком того политического и экономического конфликта, который с разной степенью интенсивности продолжался почти два десятилетия вплоть до захвата Н. Мадуро спецназом США 3 января 2026 г.

Со стороны Вашингтона в отношении Каракаса в эти годы был применен самый широкий набор санкций и других мер межгосударственного давления, которые серьезно осложнили социально-экономическое положение Венесуэлы — в частности, привели к резкому падению нефтедобычи (с 2,8 млн баррелей в сутки в 2007 г. до 750 тыс. в 2023 г.). Особенно много различного рода санкционных решений было принято в период первого президентства Д. Трампа (2017–2020 гг.), когда американо-венесуэльская торговля была фактически сведена к нулю. Отмечая этот факт, многие эксперты усматривают в нынешней политике Трампа 2.0 в отношении Венесуэлы преимущественно предпринимательский подход — стремление поставить Каракас на колени и вновь сделать страну источником доходов для частного американского бизнеса, прежде всего нефтяных компаний. Подтверждением этому служат как неоднократные заявления самого президента о том, что компании США «извлекут из недр Венесуэлы огромные богатства», так и конкретные действия вашингтонской администрации [Morrow].

Но мало кто из международных наблюдателей мог поверить, что ради достижения этой цели Д. Трамп пойдет на крайние меры и санкционирует военную операцию по захвату президента Венесуэлы.

Подготовка и ход операции

Согласно заявлению председателя Объединенного комитета начальников штабов Дэна Кейна, практическая подготовка акции против Н. Мадуро стартовала в середине 2025 г. и потребовала тесной координации действий всех родов вооруженных сил США и основных разведывательных служб, включая ЦРУ, Агентство национальной безопасности и Национальное агентство геопространственной разведки. Кроме того, американские политические и военные власти осуществили значительные логистические и инфраструктурные приготовления, необходимые для проведения масштабных боевых действий за рубежом.

В частности, Пентагон реанимировал огромную военно-морскую и военно-воздушную базу Roosevelt Roads на восточном побережье Пуэрто-Рико, закрытую за ненадобностью в 2004 г. после шести десятилетий ее использования вооруженными силами США. Открытию базы предшествовали визит в Пуэрто-Рико министра обороны Пита Хэгсета и его встреча с губернатором острова Дженнифер Гонсалес, которая заверила вашингтонского чиновника в своей готовности содействовать борьбе с наркотрафи-

ком и поддержать действия американских военных против Венесуэлы. Вскоре вслед за этим на аэродром базы Roosevelt Roads прибыла эскадрилья истребителей F-35, что не без оснований было расценено международными наблюдателями как усиление боевой группировки, нацеленной на свержение главы венесуэльского государства [Rivera, Zegarra].

К середине ноября 2025 г. сердцевину этой группировки составил отряд боевых кораблей ВМС США во главе с крупнейшим в мире атомным авианосцем Gerald R. Ford, на борту которого находилось порядка 4 тыс. морских пехотинцев. Кроме того, в отряд входили: большой амфибийный штурмовой корабль Iwo Jima, ракетный крейсер Lake Erie, ракетные эскадренные миноносцы Gravelly и Jason Dunham, атомная подводная лодка и военные транспортные суда. По оценке военных специалистов, это была крупнейшая концентрация кораблей ВМС США в данном районе мира со времен Карибского кризиса 1962 г. [Villareal].

Подготовительным этапом дальнейших боевых действий явилась военная и разведывательная кампания под названием «Южное копьё» (Southern Spear), составной частью которой стала фактическая охота военно-морских сил США за гражданскими судами в Карибском море под предлогом борьбы с наркотрафиком. В период со 2 сентября по 31 декабря 2025 г. американцы в международных водах потопили 34 судна, в результате чего погибли по меньшей мере 110 человек [Zegarra G., et al].

Наряду с этим военные корабли Соединенных Штатов установили морскую блокаду Венесуэлы и приступили к преследованию и задержанию танкеров, перевозивших нефть. В ряде случаев захваченные танкеры перегонялись в американские порты и там разгружались, что явилось сильнейшим ударом по экономическим интересам Каракаса. В Белом доме не скрывали, что целью нефтяной блокады было лишить Венесуэлу финансовых поступлений от экспорта, ослабить политические позиции Н. Мадуро и вынудить его покинуть страну.

Одновременно началась подготовка к наземным действиям на территории Венесуэлы, прежде всего — операции по захвату и депортации в США Н. Мадуро, получившей впоследствии наименование «Абсолютная решимость» (Operation Absolute Resolve). С этой целью в августе в Каракас была заброшена группа сотрудников ЦРУ, которые, что называется, на месте готовили конкретный план операции и вербовали сообщников, располагавших необходимой информацией. Агенты разведки детально отследили местопребывание, распорядок дня и обычные передвижения венесуэльского президента. Специальное внимание было уделено всесторонней оценке организации службы безопасности главы государства и изучению близлежащих пунктов дислокации подразделений венесуэльской армии и полиции. На основании собранных сведений на военном объекте в штате Кентукки была построена копия основной резиденции Н. Мадуро, ставшая местом репетиции будущего штурма специальными подразделениями Delta Force [Barnes, Pager, Schmitt].

По сведениям из осведомленных источников, подготовка операции по захвату Н. Мадуро была завершена во второй половине декабря 2025 г., и 25 числа этого месяца Д. Трамп дал военному командованию «окончательное добро» на проведение рейда при благоприятных погодных условиях.

Такие условия сложились в ночь на 3 января 2026 г., и под покровом темноты бойцы Delta Force, поддержанные находившимися в Каракасе агентами ЦРУ, были переброшены на территорию резиденции Н. Мадуро в Форте Тиуна (Fuerte Tiuna) — крупнейшем в Венесуэле военном комплексе. Вертолеты, перевозившие штурмовой отряд американских военных, летели на минимальной высоте (30 м над уровнем моря), что существенно затруднило их обнаружение венесуэльскими средствами противовоздушной обороны (ПВО). После непродолжительного по времени, но ожесточенного боевого столкновения членов Delta Force с охраной Н. Мадуро, в значительной степени состоявшей из кубинских воннослужащих, американскому спецназу удалось захватить венесуэльского главу государства и его супругу Силию Флорес. Сначала президентская чета была на вертолете переправлена на корабль Iwo Jima, который доставил их на базу Гуантанамо, а оттуда президент Венесуэлы и его жена были самолетом привезены в Нью-Йорк [Hill].

Всего в операции «Абсолютная решимость» были задействованы около 150 боевых самолетов и вертолетов, базировавшихся на кораблях и на суше, включая территорию ряда карибских стран, предоставивших свои порты и аэродромы американским ВМС и ВВС. Как считается, существенную роль в проведении операции сыграло использование палубного самолета радиоэлектронной борьбы Boeing EA-18G Growler для оперативного подавления объектов венесуэльской ПВО [MacDonald].

Как пишут международные внешнеполитические аналитики, на ряд технических вопросов, касающихся проведения операции «Абсолютная решимость», еще нет окончательных ответов. Например, речь идет о возможном применении американцами секретного звукового вооружения. «В ходе операции по захвату Мадуро военные США использовали мощное загадочное оружие», — писала газета «New York Post». Этим, в частности, объясняется быстрый исход операции (она от начала до конца заняла менее двух с половиной часов), а также соотношение потерь: около 100 убитых с венесуэльской стороны (из них — 32 кубинца) и менее десяти раненных бойцов Delta Force [Doombos].

Венесуэла под управлением США?

На следующий день после проведения операции по захвату Н. Мадуро госсекретарь М. Рубио принял участие в ряде новостных программ с изложением главных мотивов действий Вашингтона. Подчеркнув «железную решимость» Д. Трампа не допустить превращения Западного полушария в зону бесконтрольной активности «наркотрафикантов, иранских агентов, а также враждебных США политических режимов», М. Рубио заявил о готовности Белого дома «вырвать с корнем» эти и другие угрозы националь-

ной безопасности Соединенных Штатов «на их заднем дворе» [Rubio]. Одновременно администрация Белого дома предъявила новому венесуэльскому руководству (страну в отсутствие Н. Мадуро возглавила вице-президент Делси Родригес) ряд достаточно жестких требований, включая разрыв отношений с Китаем, Россией, Кубой и Ираном (в частности, в таких сферах, как безопасность). Причем Д. Трамп угрожал венесуэльцам, в случае их несговорчивости, «второй волной» военной операции, более широкого масштаба.

План Белого дома по реализации американского доминирования в Венесуэле в общих чертах также обрисовал М. Рубио, ставший знаковой фигурой в проведении политики Вашингтона в Латинской Америке. Госсекретарь определил три фазы процесса трансформации положения в Венесуэле: стабилизацию, восстановление и транзит. Ключевым элементом первого этапа «управления США Венесуэлой» объявлялось соглашение по нефти, предусматривающее установление американского контроля над экспортом венесуэльского «черного золота». Причем Соединенные Штаты брали на себя функцию дальнейшего распоряжения доходами от нефтяного экспорта. На этапе «восстановления» центральное место должны занять твердые гарантии предоставления компаниям США и других стран благоприятных условий для бизнеса на венесуэльском рынке. Наконец, в фазе «транзита» должна произойти трансформация общественной системы Венесуэлы, предусматривающая активное участие в политической жизни сил, оппозиционных режиму Чавеса — Мадуро [Marco Rubio...].

Предельно откровенно механизм такого контроля раскрыл министр энергетики США Крис Райт 7 января на конференции в Майами. Он заявил: «Мы разрешим вывоз венесуэльской нефти для нужд американских нефтеперерабатывающих заводов и в другие страны. Но эти поставки и доходы от них будет осуществлять и контролировать правительство США». Согласно объяснениям К. Райта и других вашингтонских чиновников, на первом этапе речь шла о 30–50 млн баррелей нефти, значительная часть доходов от продажи которых должна направляться исключительно на импорт американских товаров, включая оборудование для модернизации нефтяной промышленности. Тем самым, считают в Белом доме, будут создаваться благоприятные условия для привлечения в Венесуэлу капиталов американских корпораций [Blandón Ramírez].

Стремясь «ковать железо, пока горячо», Д. Трамп 9 января провел встречу с руководителями крупнейших транснациональных нефтяных компаний. В том числе: американских ExxonMobil, ConocoPhillips, Chevron, Halliburton, Valero, британской Shell, испанской Repsol, итальянской Eni, сингапурской Trafigura и ряда других. Учитывая плачевное состояние венесуэльской нефтяной промышленности, президент призвал международный бизнес действовать фактически «с нуля» и в течение ближайшего десятилетия инвестировать в отрасль порядка 100 млрд долл., что далеко не всеми участниками встречи было воспринято с энтузиазмом. В частности, генеральный директор ExxonMobil Даррен Вудс подчеркнул, что для создания благоприятного инвестиционного климата в Венесуэле необходимы глубокие изменения, в том числе в законодательстве [Halper].

Будущая роль Венесуэлы на мировом рынке нефти остается чрезвычайно спорной. Удастся ли стране в обозримой перспективе вернуться в число крупнейших экспортеров «черного золота», или проблемы венесуэльской нефтяной промышленности делают такой сценарий невозможным?

С одной стороны, крупнейшие месторождения, долгая история нефтяной добычи и экспорта, накопленный опыт говорят в пользу Венесуэлы. Это дает основания части экспертов утверждать, что менее чем за десятилетие страна может нарастить производство «черного золота» в четыре — пять раз (примерно до 4–5 млн баррелей в сутки) и вернуться в ряды мировых нефтяных тяжеловесов. Проблема в том, что подобный рост добычи потребует очень значительных инвестиций, и не факт, что в текущих нестабильных геополитических условиях Каракас сможет привлечь необходимые капиталовложения. Главный расчет основан на заинтересованности Вашингтона, которому выгодно усиление позиций на нефтяных рынках Венесуэлы, фактически находящейся под контролем США. Но верно и то, что геополитическая и геоэкономическая ситуация может измениться [Moreno, Nieves, Beredas].

Международная реакция

В экспертных кругах считают, что захват американскими военными президента Н. Мадуро стал переломным моментом не только во внешней политике Д. Трампа, но, учитывая экономический и политический вес и влияние США, в мировой политике в целом. На смену глобализации и вопреки нормам международного права, подчеркивает аргентинский аналитик Хуан Маркос Полио, приходит геополитическая и геоэкономическая борьба за сферы влияния и контроль над природными ресурсами [Marcos Pollio].

Сходную позицию занимает колумнист газеты «The Washington Post» Дэвид Игнейшес, который отмечает, что события в Венесуэле — лишь часть политики нынешнего хозяина Белого дома «по изменению сверху донизу положения в мировом масштабе». Вместе с тем автор пишет: «Трамп запустил процесс насильственного изменения ситуации в Венесуэле, который может иметь последствия, выходящие из-под контроля американского президента» [Ignatius].

В свою очередь, газета «The New York Times» в редакционной статье охарактеризовала операцию по захвату Н. Мадуро как «неправовую и неразумную», к тому же нарушающую не только принятые нормы международных отношений, но и законы самих Соединенных Штатов. По мнению этого авторитетного органа СМИ, рейд американских сил специального назначения на резиденцию президента Венесуэлы драматически эскалировал проводившуюся в течение ряда месяцев антивенесуэльскую политику, включавшую концентрацию военно-морских сил у берегов этой южноамериканской страны и по сути незаконные нападения на небольшие гражданские суда под предлогом их причастности к транспортировке наркотиков [Trump's Attack...].

При этом Вашингтон действовал не в одиночку. В числе государств латиноамериканского региона, тем или иным образом содействовавших проведению Вашингтоном антивенесуэльского курса, фигурировали: Гайана, Доминиканская Республика, Панама, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Тринидад и Тобаго. Кроме того, Аргентина, Парагвай и Эквадор выразили политическую поддержку действиям хозяина Белого дома [Zegarra]. Стратегия Д. Трампа на внесение раскола в ряды латиноамериканских стран принесла свои плоды и облегчила американской администрации реализацию плана по свержению неугодного венесуэльского руководителя.

Глубокие политические разногласия, существующие в латиноамериканском регионе, в полной мере проявились в ходе министерского совещания Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), объединяющего 33 страны этого района мира. Созванные в срочном порядке 4 января по инициативе Колумбии, являющейся (на ротационной основе) председателем организации, и Бразилии, министры иностранных дел и другие представители членов СЕЛАК в режиме онлайн неоднозначно отреагировали на предложение руководителя МИД Венесуэлы Ивана Хиля осудить действия США. Призыв венесуэльского дипломата поддержали Бразилия, Колумбия, Куба, Мексика, Уругвай и Чили, тогда как 10 стран приветствовали действия Вашингтона, что не позволило принять согласованное заявление по итогам встречи [La Celac...].

* * *

По мнению газеты «The Wall Street Journal», выдвижение на передний идеологический план «доктрины Донро» знаменует наступление «новой эры в американской внешней политике», что было отчетливо продемонстрировано в отношении стран Западного полушария [Trump's 'Donroe Doctrine'...]. А с точки зрения уже упомянутого Дж. Никаса, после операции в Венесуэле Соединенные Штаты вновь становятся «гравитационным центром политической обстановки в Латинской Америке» и готовятся восстановить свою прежнюю роль торгово-экономического гегемона в этом районе мира [Nicas. Maduro's...].

Разумеется, в уравнении нового внешнеполитического курса США остается еще немало неизвестных. В случае с Венесуэлой очевидно одно: Д. Трамп намерен «развязаться» с наиболее острыми проблемами этой страны максимально быстро и без большой крови. С этой целью хозяин Белого дома, по всей видимости, готов сотрудничать с бывшими ближайшими соратниками Н. Мадуро, а в экономическом плане будет опираться в первую очередь на транснациональные (преимущественно американские) нефтяные корпорации, побуждая их инвестировать в разработку природных богатств Венесуэлы. Но и этот подход может измениться в условиях геополитической «стабильной нестабильности», ставшей своеобразным знаменем нашего времени.

Литература

- Яковлев П.П. В Западном полушарии без перемен? (К итогам латиноамериканской политики Дж. Байдена) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69. № 1. С. 53-65.
- Barnes J., Pager T., Schmitt E. Inside 'Operation Absolute Resolve', the U.S. Effort to Capture Maduro // *The New York Times*. 03.01.2026.
- Bennhold K. Trump and the 'Donroe Doctrine' // *The New York Times*. 17.11.2025.
- Bilateral trade between Russian Federation and Venezuela, Bolivarian Republic of Product: TOTAL All products // ITC. Trade Map. — URL: clck.ru/3RJJBB (date of access: 12.01.2026).
- Blandón Ramírez D. "El dinero del petróleo venezolano será controlado por mí: ¿es viable un control indefinido de Trump? 7.01.2026. — france24.com/es/economía-y-tecnología/20260107-el-dinero-del-petróleo-venezolano-será-controlado-por-mí-qué-tan-viable-es-el-plan-de-trump (date of access: 12.01.2026).
- Dombos C. US used powerful mystery weapon that brought Venezuelan soldiers to their knees during Maduro raid: witness account // *New York Post*. 10.01.2026.
- Gordon M., Cloud D. A New Trump Game Plan Takes Shape: Strike and Coerce // *The Wall Street Journal*. 04.01.2026.
- Halper E. Exxon CEO calls Venezuela 'uninvestable' without 'significant changers' // *The Washington Post*. 09.01.2026.
- Hansler J., Iyer K. Marco Rubio afirma que el Gobierno venezolano es "intolerable para Estados Unidos" // *CNN*. 19.12.2025. — cnnespanol.cnn.com/2025/12/19/eeuu/rubio-gobierno-venezuela-intolerable-trump-trax (date of access: 12.01.2026).
- Hill E., et. al. How the military operation to capture Maduro unfolded // *The Washington Post*. 03.01.2026.
- Ignatius D. Trump might have his hubris checked in Venezuela // *The Washington Post*. 05.01.2026.
- LaCelac, sin consenso por Venezuela // *Página12*. 05.01.2026. — URL: pagina12.com.ar/2026/01/05/la-celac-sin-consenso-por-venezuela/ (date of access: 12.01.2026).
- MacDonald A. The 'Growler' Signal-Jamming Jet That Helped Capture Nicolas Maduro // *The Wall Street Journal*. 06.01.2026.
- Marco Rubio describe tres fases del plan de EE.UU. para intervenir Venezuela // *CNN*. 07.01.2026. — URL: cnnespanol.cnn.com/2026/01/07/eeuu/video/rubio-venezuela-opcion-militar-petroleo-sot (date of access: 12.01.2026).
- Marcos Pollio J. Intervención de EEUU en Venezuela y ¿el fin de la globalización?: petróleo, puja con China y reparto regional // *Ámbito*. 06.01.2026.
- Moreno Á., Nieves V., Beredas M. Venezuela inundará el mundo de petróleo tras el fin de Maduro, pero antes sufrirá una larga travesía por el desierto // *El Economista*. 05.01.2026.
- Morrow A. Parece que Trump esta aplicando una estrategia de capital privado en Venezuela // *CNN*. 07.01.2026. — URL: cnnespanol.cnn.com/2026/01/07/venezuela/trump-estrategia-capital-privado-petroleo-venezuela-trax (date of access: 12.01.2026).
- National Security Strategy of the United States of America. The White House. Wash. November 2025. — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (date of access: 12.01.2026).
- Nicas J. Maduro's Capture Shows Trump's Goal to Dominate the Americas // *The New York Times*. 04.01.2026.

- Nicas J.* The 'Donroe Doctrine': Trump's Bid to Control the Western Hemisphere // The New York Times. 17.11.2025.
- PIB de Venezuela // Expansión / Datosmacro.com. — URL: datosmacro.expansion.com/pib/venezuela (date of access: 12.01.2026).
- Ponce J.C.* Five keys to understanding Venezuela's oil history // Yale climate connections. 09.01.2026. — URL: yaleclimateconnections.org/2026/01/five-keys-to-understanding-venezuelas-oil-history/ (date of access: 12.01.2026).
- Rivera R., Zegarra G.* Esta base militar no se usó en décadas. Ahora EE.UU. la reactivó en plena tensión con Venezuela // CNN. 18.09.2025. — URL: cnnespanol.cnn.com/2025/09/18/latinoamerica/base-militar-puerto-rico-ceiba-roosevelt-orix (date of access: 12.01.2026).
- Rubio: This is Our Hemisphere — and President Trump Will Not Allow Our Security to be Threatened // The White House. 04.01.2026. — URL: whitehouse.gov/articles/2026/01/rubio-this-is-our-hemisphere-and-president-trump-will-not-allow-our-security-to-be-threatened/ (date of access: 12.01.2026).
- Sacks D.* Trump's Strikes on Venezuela Will Not Embolden China to Invade Taiwan // Council on foreign relation. 05.01.2026. — URL: cfr.org/blog/trumps-strikes-venezuela-will-not-embolden-china-invade-taiwan (date of access: 12.01.2026).
- Trapani J.* From Latin America's richest country 100 years ago to a founding member of OPEC, the long history of Venezuela's oil and U.S. ties, explained // Fortune. 06.01.2026. — URL: fortune.com/2026/01/06/what-is-history-of-venezuela-oil-opec-america-chavez/ (date of access: 12.01.2026).
- Trump's Attack on Venezuela Is Illegal and Unwise // The New York Times. 03.01.2026.
- Trump's 'Donroe Doctrine' on Foreign Policy // The Wall Street Journal. 06.01.2026.
- Venezuela's 'Black Gold': a brief history of heavy oil in Venezuela // Energy Analytics Institute (EAI). — URL: energy-analytics-institute.org/2025/06/06/venezuelas-black-gold-a-brief-history-of-heavy-oil-in-venezuela/ (date of access: 12.01.2026).
- Villareal K.* See every ship the US Navy has sent to Latin America, including the world's largest aircraft carrier // Business insider. 25.10.2025. — URL: businessinsider.com/us-navy-ships-caribbean-deployment-2025-10 (date of access: 12.01.2026).
- Wolfe J.* The Century-Long Tug of War for Venezuela's Oil // DNYUZ. 09.01.2026. — dnyuz.com/2026/01/09/the-century-long-tug-of-war-for-venezuelas-oil/ (date of access: 12.01.2026).
- Zegarra G., et al.* 34 botes destruidos, al menos 110 muertos y una crisis que crece en Caribe y Pacífico: cronología de los ataques de EE.UU // CNN. 31.12.2025. — URL: cnnespanol.cnn.com/2025/12/29/latinoamerica/cronologia-ataques-eeuu-caribe-pacifico-venezuela-orix (date of access: 12.01.2026).
- Zegarra G.* Una lista que crece: estos son los países de América Latina que participan del despliegue militar de EE.UU // CNN. 19.11.2025. — cnnespanol.cnn.com/2025/11/19/latinoamerica/paises-despliegue-militar-eeuu-venezuela-orix (date of access: 12.01.2026).

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-68-83

УДК 94

Леонтий Ланник

Генезис Первой мировой войны. I. Вековое многообразие объяснений

Аннотация. *Историографическая традиция исходит из неизбежности Первой мировой войны, тщательно анализирует причины рокового исхода Июльского кризиса, отмечает тенденции к силовому переделу мира. Помимо множества объективных обоснований, сформулированных, в первую очередь, в рамках теории империализма, выдвигаются и иные версии, также доказывающие неотвратимость начала Великой войны из-за стечения обстоятельств и субъективных факторов. Сопоставление ряда процессов в международных отношениях в 1911–1914 г., оценка серии геополитических компромиссов и заблокированных конфликтов, отказ от предубеждений, заведомо приписывающих тем или иным акторам милитаризм и экспансию, позволяют поставить ряд привычных тезисов под сомнение. Многие из внешнеполитических шагов, позднее объявленных приоритетными в логике экспансии и соперничества, в действительности просчитывались европейскими элитами в иной плоскости, где обращали внимание на конфликты не глобального, а локального, а то и личного масштаба. Системный подход приводит к переоценке выводов, полученных при отдельном рассмотрении различных двусторонних конфликтов, открывая возможность к формированию новых версий негативного исхода Июльского кризиса и закономерных причин банкротства сложной Венской системы международной безопасности, выстроенной за столетие компромиссов между великими державами.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, геополитика, политические приоритеты, Германская империя, региональные конфликты, инфраструктура, милитаризация, системный подход, Июльский кризис 1914.*

I. Мнимая очевидность

Июльский кризис 1914 г. является, по-видимому, самым описываемым событием подобного масштаба в истории. Спектр оценок его причин и исхода включает всю доступную палитру: от объективистского диктата дискурсов о закономерных противоречиях империализма и нарастающем столкновении интересов держав — до субъективно-квазихаотических версий о роковом стечении недоразумений, различных обстоятельств, включая технические сбои и версии на грани теории заговора о чьих-то «кознях», страхах и самовнушении (заставивших действовать по принципу «семь бед — один ответ»

Сведения об авторе: *Ланник Леонтий Владимирович — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, leo-lannik@yandex.ru.*

либо равнодушно наблюдать надвигающуюся катастрофу в бессилии что-либо предотвратить). Опровергать субъективистские теории как домыслы необычайно легко, ведь доказательная база в этих случаях всегда менее строга, чем при оперировании экономической статистикой или верно подобранными цитатами из отчетов дипломатов и консультаций на высоком уровне. Однако сам факт бурного интереса к событиям более чем вековой давности и почти неистребимых — как очередной раз выяснилось на волне юбилеев в 2010-х годах — ревизионистских национально ориентированных подходов более чем наглядно диагностирует состояние историографии кануна Великой войны [1].

Между оценкой империалистической фазы с амплитудой статистики в несколько десятилетий и тщательными реконструкциями переписки и телеграфных запросов в почасовых, а то и поминутных интервалах [2], примерно посередине, находится попытка оценить баланс между великими державами в канун Сараевского убийства (или сразу после него, по меньшей мере до середины июля) вне эффекта постзнания и уверенности в безальтернативности военного варианта разрешения последующего кризиса. Подобный подход более всего отвечает направлению, связанному с изучением decision-making, переживавшему расцвет в конце XX — начале XXI вв. [3], однако указанная ниша пока не вполне заполнена. Историкам, как не только творцам, но и носителям базовых версий исторической памяти, подчас довольно трудно обойтись без убеждения в том, что столько раз вполне возможная война нескольких великих держав должна была разразиться именно летом 1914 г., а не на следующем витке обострения объективных противоречий и взаимных опасений.

Даже абстрагируясь от нарочито-обвинительных тезисов о стремлении крупного капитала к войне, исследователи неизменно искали и находили иного типа доказательства обреченности Европы, а потому и большей части планеты, на мировые войны, причем первый такой конфликт должен был начаться никак не позже 1914 г. [См., напр.: *Maschine zur Brutalisierung...*] Соглашаясь с тем, что Сараевского убийства следовало чуть ли не ожидать, причем в этом месте и в это время, а сам факт его был хотя и вызывающим, но далеко не уникальным инцидентом подобного рода, легко отделивались фразой о важности причин, а не повода, — причин, которые современники с тем же успехом обнаруживали на протяжении десятилетий, доказывая (в сочинениях памфлетного типа и политической фантастике) неизбежность войны «здесь и сейчас». Сохранение этой позаимствованной у публицистики тональности в историографии тем менее обоснованно, что постепенно накопились материалы и выводы, нюансирующие, а то и опровергающие прежние слишком прямолинейные концепции — например, о громадном демографическом давлении в успешно развивающихся великих державах [4].

У современников, невзирая на регулярно вспыхивавшую газетную истерию, были все основания для иной оценки европейской ситуации, противоположной той концепции, что позднее обрела статус канонической - о неуклонном нарастании и обострении конфликтов, со все более частым достижением порога боевых действий, по

меньшей мере со времен Боснийского кризиса. Плотность взаимодействия великих держав и вызванное этим инфраструктурное и геополитическое трение действительно устойчиво росли. Это было неизбежно хотя бы вследствие бурного технологического развития. Однако по-настоящему качественные перемены в международной расстановке сил к 1908 г. уже совершились, ведь «шарнирной эпохой» были предшествующие 12 лет [См., подр.: Brechtken]. В 1895–1907 гг. произошло резкое усложнение былой пентархии. В клуб великих, а не просто региональных держав сумели войти Япония и США, обозначила (пусть неудачно) подобное стремление и Италия. Болезненным испытаниям на прочность подверглись вооруженные силы и государственные машины Великобритании, Франции и России. Завершилась или стала откровенно «перезревшей» смена поколений во главе империй, началась финальная фаза демонстрация великих азиатских монархий, которую было принято «списывать» на эхо Первой русской революции. Предвоенное шестилетие (1908–1914) было отмечено главным образом очередными стадиями и новыми «афтершоками» конфликтов и процессов, начавшихся значительно ранее, включая Восточный вопрос. (Не менее примечательны были и эффекты второго порядка, перечисление которых потребовало бы отдельной статьи, а то и монографии.)

Всего за несколько месяцев до начала Великой войны, в памфлете с посвящением К. Либкнехту, где обличались стремления магнатов к военному варианту решения сразу всех проблем, британский автор констатировал: «Если Германии удастся усидеть на месте, то перед ней открываются отличные виды на будущее» [Ньюболд. С. 135]. Бурные потоки нортклиффовской пропаганды военных элит и столетие англосаксонской гегемонии в информационном пространстве до сих пор заслоняют реалии последних лет «долгого XIX века» [5], приписывая его трагическому финалу неотвратимость, а более чем флуктуационному ходу событий на мировой арене — прямолинейно-догматическую «очевидность». Вполне аргументированное мнение, что в 1908–1914 гг. не менее вероятной, чем столкновение основных великих держав, была своего рода «разрядка», известно в лучшем случае в профессиональной среде [6]. в исторической памяти же, несмотря на острые конфликты национальных традиций, царит редкое единодушие насчет «обязательности» мировой войны (и никак не позже лета 1914 г.), сопровождающееся теориями заговора и хорошо подобранными статистическими выкладками.

II. Специфика эпохи как условие анализа

Геополитические компромиссы обладают нелинейной и не «математизируемой» устойчивостью, которая связана не только с их материальными условиями, но и с динамикой отношения к ним как в обществе, так и в соответствующих инстанциях, а то и у отдельных представителей элит. Это обуславливает императивное требование постоянной «поправки» на специфику эпохи, на набор характерных черт и параметров, отличных от тех, в которых проводится историческое исследование. В XXI в. все чаще возникает необходимость напоминания о реалиях инфраструктурного развития и технических пределах начала прошлого столетия.

Начало 1910-х годов в этом отношении было кануном крупных перемен, ведь сравнительно недавно завершилось создание по-настоящему всемирной единой телеграфной сети — тогда лишь минимально необходимой. Готовились новые проекты существенного усовершенствования подводных кабелей, назревала попытка поколебать абсолютное доминирование Великобритании в этой сфере. Гибель «Титаника» в апреле 1912 г. резко активизировала разработку устойчивой постоянной трансатлантической радиосвязи, помимо проектов охвата радиостанциями основных континентов. Однако информация, необходимая для принятия решений, по-прежнему распространялась в основном со скоростью, диктуемой доступными тогда видами транспорта (по крайней мере те сведения, что были готовы верифицировать на высшем уровне). Заря авиационной эры и бурные надежды на воздухоплавание не отменяли того, что для дипломатов и военных базовыми носителями по-настоящему важных сведений оставались курьеры. Это означало горизонт решений в 2-3 дня даже в пределах Европы, не говоря о реагировании трансконтинентального размаха. Данный темп поступления информации считался максимально возможным и весьма высоким, а следовательно, решения о войне и мире не могли быть оформлены существенно быстрее, чем это происходило после активного внедрения телеграфа в середине XIX в., то есть чем за 5-7, а то и 10 дней.

После сравнительно благополучных — как казалось на геополитическом, но не на региональном уровне — итогов Балканских войн [7] окрепла логичная, но крайне опасная иллюзия возможности решения «местного» конфликта почти любой остроты за счет сложного компромисса нескольких великих держав. Эта иллюзия была тем устойчивее, что она восходила к основам Венской системы, подпитывалась все новыми версиями финансово-экономического детерминизма эпохи первой глобализации (именно в 1911 г. о себе громко заявил «норман-энджеллизм» во всех видах [8]) и потому казалась особенно убедительной. Огромный опыт деэскалации конфликтов, несмотря на шумные информационные войны и шантаж, сказывался на позиции всех деятелей более-менее зрелого возраста, которые могли без труда вспомнить (на личном опыте) пеструю вереницу трудных, но удачных решений [9].

Само лето 1914 г., несмотря на постоянные алармистские сообщения из все большего количества горячих точек, вовсе не воспринималось современниками, включая офицеров генеральных штабов [10] и многих политиков, как более непредсказуемое, чем предыдущие, и безусловно чреватое большой войной. Скорее наоборот: напряженные предшествующие годы (с лета 1911, если не 1908 г.) показали высочайшую устойчивость общего здания привычного миропорядка, и это представление сохранялось в обстановке, которая лишь позднее стала считаться «идеальным штормом». Устойчивость была оценена по достоинству современниками, в отличие от потомков, забывших за грохотом Великой войны реалии довоенных лет [11]. Отсюда многочисленные примеры пребывания в крайне несвоевременных отпусках многих акторов принятия ключевых решений (включая Г. фон Мольтке-младшего) и авантюрных попыток выбраться из внезапно оказавшихся враждебными стран (не всегда удачных, с последующим интернированием).

По-настоящему остро ожидали тогда не столько начала войны, сколько внутривнутриполитических кризисов. В Великобритании кризис назревал в связи с дебатами вокруг гомруля, перспектива которого надвигалась не только в Ирландии, но и в Индии. Во Франции победа левых партий на весенних парламентских выборах угрожала полевением правительства. В Германии «диагональ» Бетман-Гольвега давно превратилась в шпагат между ситуативными союзниками рейхсканцлера — на фоне шокирующего успеха социал-демократов на выборах в рейхстаг [12]. Россия переживала очередную радикализацию рабочего движения. В США с 1912 г. предпринималась по-настоящему реальная попытка демонтировать двухпартийную систему. Японии, еще летом 1912 г. вступившей в «эпоху Тайсё», грозил радикальный пересмотр прежней модели политического компромисса элит; и т.д.

Почти суггестивным выглядит сохраняющееся убеждение в том, что Великая война оказалась неизбежна если не по вине принятых в предвоенные годы армейских и флотских программ великих держав, то уж точно из-за эпидемии взаимных подозрений и истерических опасений проиграть в новой гонке милитаризации, подогреваемых газетными кампаниями. Статистический анализ темпов и масштабов предпринятых «мер подготовки к войне» (ряд относительных показателей с учетом роста промышленного потенциала, доли военных производств и расходов в экономике, финансовых возможностей и мобилизационных ресурсов), особенно если он компаративный и по-настоящему многосторонний, проводится всегда с позиции аксиоматической неизбежности войны. Если бы он проводился в логике «чистоты эксперимента», это похоронило бы многие домыслы о «невиданной милитаризации» к лету 1914 г. в сравнении не только с последующими десятилетиями, но и со многими страницами европейского (да и азиатского) прошлого.

Кумулятивный эффект взаимных опасений сложно отрицать, однако многие радикальные военные меры были предприняты не в связи с агрессивными целями и даже не ради обороны от основного противника, а по другим соображениям. Так, введение трехлетнего срока военной службы во Франции [См., напр.: Krumeich] мотивировалось желанием сохранить достигнутое соотношение сил между метрополией и резко разросшейся за предыдущие десятилетия колониальной периферией. Это относится не только к Франции [13], но и к Великобритании, хотя последняя в полной мере столкнулась с данной проблемой уже по итогам якобы выигранной ею Великой войны [См.: Малкин].

Мощнейший миф о милитаризме Германии не выдерживает ни сопоставления с процентным ростом вооруженных сил других держав (например, Австро-Венгрии) или тяжестью военной нагрузки на население у потенциальных противников (Франции в первую очередь)[14], ни беспристрастного сравнения согласованного, но далеко не реализованного предвоенного плана военного строительства с минимальными параметрами армии, необходимой для великой державы, тем более обладавшей третьими по величине колониальными владениями [15]. Вопреки обширной литературе о военно-морской гонке между Лондоном и Берлином, не вызывает сомнений и тот факт, что

флотские программы в Германии были фактором не столько внешне-, сколько внутри-политических процессов, включая становление подлинной имперской идентичности, да и «золотой век» их миновал задолго до отставки А. фон Тирпица весной 1916 г., по меньшей мере к 1908–1910 гг. [См., напр.: Berghahn] Многое из сказанного относится и к вроде бы очевидной и давно установленной роли армии в Пруссии и объединенной ею Германии [См., подр.: Stein].

При постоянном подчеркивании в историографии «блоковости» внешней политики великих держав в предвоенное десятилетие, история их коалиционного взаимодействия, и прежде всего — внутрикоалиционная динамика, известна очень слабо [16]. Этот парадокс во многом объясняется тем, что ни Антанта, ни Тройственный союз не были вполне оформленными коалициями (о «предательстве» в рамках которых было бы корректно рассуждать) ни к августу 1914 г., ни даже некоторое время спустя. Оформление действительно жесткой архитектуры взаимных обязательств оставалось незавершенным чуть ли не до решающей кампании 1918 г. включительно [См., напр.: Ланник. После Российской... С. 35–39] [17]. Характерна попытка заключения сколько-нибудь обязывающей военно-морской конвенции между Великобританией и Россией, отсутствие которой являлось не только одним из ключевых «недостающих звеньев» в довольно аморфном Соглашении, но и примером очередного компромисса, достигнутого под давлением Германии (да и спровоцированного во многом ее действиями) незадолго до Сараевского убийства [18]. Важную роль в решении положить под сукно проект англо-русской морской конвенции — решении сложном для всех сторон — сыграли сравнительно конструктивный (даже летом 1914 г.) характер как германо-британских, так и германо-русских отношений.

Хотя альянс Вены, Рима и Берлина длился десятилетия, подготовка координации возможных военных усилий оставалась поверхностной, что впоследствии вызывало у историков плохо скрываемое удивление [См., напр.: Elze]. Да и мифологизированный план Шлиффена продолжал регулярно проверяться на предмет целесообразности его пересмотра и уточняться в каждой из ежегодных версий мобилизационного расписания [19]. То же касается дерзких планов кампании габсбургских войск, так и не реализованных в первой военной кампании ни в одном из вариантов (как против Сербии, так и против России), как и у германского союзника на Западном фронте, но еще более бесславно, чем у последнего [См. подр.: Angelow].

Версия о полной готовности и отточенности планов ожидаемой войны у обоих блоков, особенно у Центральных держав, восходит к газетным кампаниям 1910-х годов и последующему мифу об их односторонней виновности в войне, закрепленному версальским диктатом. Канун Великой войны был пиком иллюзий на тему «четвертой власти», веры в важнейшую роль СМИ, отдельных публицистов, издателей и медиа-магнатов в формировании внешней политики. Обоснованность таких представлений потом не раз опровергалась реалиями работы дипломатических и политических (не говоря уже о военных) ведомств. Однако влияние разнообразных посредников между миром медиа, салонов, спецслужбами и придворными кругами в 1910-х годах оставалось весьма

высоким, так что и в годы Первой мировой войны различные ходатаи присваивали себе широкие полномочия и выступали с инициативами, включая мирное посредничество, в тех или иных регионах, в контактах с некоторыми профессиональными и националистическими группировками, ошибочно полагая, что в условиях войны смогут не только продолжить довоенную активность, но и нарастить ее значимость [20]. В этом им способствовали как слабое, далеко не вышедшее на приемлемый уровень и к 1914 г. развитие органов военной разведки и контрразведки [См., подр.: Pöhlmann] [21], так и слишком быстро менявшиеся параметры информационной картины событий, вынуждавшие привлекать к их анализу вспомогательные «экспертные» силы.

III. Выбор угла зрения

Разнообразие, размах и напряженность многолетних, относившихся к разным регионам мира и очередной раз обострившихся к лету 1914 г. конфликтов на грани масштабной войны исключают трактовку причин мировой схватки, акцентирующую в основном их балканское или даже общесредиземноморское измерение, хотя именно эта версия преобладает вот уже более ста лет [22]. К тревоге исторического сообщества, публицистическая конъюнктурность, общая этика и степень глубины исследований, уместные разве что для политологии, все откровеннее проявляются в базовых исторических исследованиях событий вековой и более давности. Содействует этому сильная (особенно в России, но отчасти и в бывших странах социалистического лагеря [См., напр.: Rathmann]) традиция изобличения неуклонной экспансии в первую очередь Германии, а также в меньшей степени других стран, начиная с Великобритании и США.

Крайне сложная картина многостороннего и многоуровневого взаимодействия во все более плотной ткани международных отношений первых десятилетий XX в. едва ли может быть корректно реконструирована и изложена путем суммирования результатов анализа, сфокусированного на одном регионе или двусторонних отношениях, тем более с учетом количества региональных аспектов, набора участников компромиссов и множества (якобы) двусторонних связей. Это же относится и к любому общему полотну, посвященному «эпохе империализма», при всех несомненных заслугах подобных исследований [См., напр.: Хальгартен] [23] и огромной источниковой базе, опубликованной (в том числе в СССР) именно под концепцию империализма. При желании избежать сомнительных упрощений и детерминистских клише приходится искать иную призму рассмотрения последней фазы существования Венской системы международных отношений, принимая во внимание все пространство ее воздействия на планете.

Рамки не только статьи, но и монографии исключают даже самый поверхностный обзор «всех сторон многоугольника», поэтому неизбежен выбор одной из перспектив рассмотрения, с учетом важности поправок на иные приоритеты. Предпочтительный угол зрения призван гарантировать «равноудаленность», отказ от фиксации на лишь одном из регионов, а также причастность главного объекта анализа ко всем основным конфликтам (а не только евразийским, как у России). Кроме того, важно обеспечить рассмотрение с позиции активной и суверенной, но не откровенно гегемонистской (что

сразу исключает выводы за пределами перспективы «сверху»). Предстоит исследовать усилия, продиктованные стремлением не только удержать имеющиеся, даже сравнительно недавно оформленные позиции (как у Франции), но и направленные на динамичное воздействие на сложившийся расклад сил, отражающие амбиции, а не инерцию. При таком наборе требований к ракурсу можно было бы убедительно проиллюстрировать пределы возможного и приемлемого на примерах реально достигнутых накануне Великой войны компромиссов.

Всем этим признакам удовлетворяет из великих держав только Германская империя, ведь такой «претендентской» активностью, но одновременно и заинтересованностью в динамическом развитии прежней архитектуры обязательств и сфер влияния по всему миру, а также соответствующими ресурсами (а не только потенциалом, как у России и США) обладала только она. Это делает «германоцентричный» анализ совокупности финальных усилий по сохранению имевшегося мироустройства вплоть до августа 1914 г. более релевантным, чем, например, «франкоцентричный», «россиицентричный» и другие аналогичные углы зрения. Хотя и такой ракурс не гарантирован от специфических «национальных» искажений и недостатков.

По сложившейся, но не всегда аналитически оправданной традиции важнейшие линии напряжения в международной политике того времени часто сводят к динамике двусторонних германо-британских отношений [24], пытаясь через них описывать все происходившее, что не является по умолчанию корректным применительно к любому из упоминаемых при этом регионов. Еще менее адекватны требованиям системного анализа работы, исследующие курс той или иной великой державы в отдельном регионе, при всей их информативности и ценности детального анализа многих решений и инициатив [См., напр.: Adam; Агансон]. Нельзя не сказать и о том, что на определенном этапе в историографии возобладали публикации, отличавшиеся столь явной ангажированностью и обвинительным пафосом [25], что к их верификации перешли значительно позднее, по истечении эмоциональной фазы «спора историков» 1960–1980-х гг., порожденного бурными обвинениями Ф. Фишера и полемикой его сторонников и противников по обе стороны «железного занавеса» [26].

При желании детализировать «только» германо-британские отношения предвоенных лет [См., напр.: Романова] без труда обнаруживаются «особенности момента», в том числе кадровые. Сильнейшая психологическая, порой выходящая на грань патологии (главным образом лично у Вильгельма II) [27] связь германской внешней политики с британской, постоянная, иногда даже комическая оглядка на Лондон приобрели новые грани после отставки Б. фон Бюлова [28] и передачи (к лету 1909 г.) поста рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвегу, обеспечившему безраздельное доминирование англофилов (которых ошибочно полагали пацифистами) в правительственных и тем более в дипломатических кругах [См., подр.: Hildebrand. S. 290–303]. Едва ли можно говорить о зеркальной динамике в Великобритании, однако и там позиции сторонников прагматического компромисса с Берлином существенно окрепли [29]. По-настоящему

целостную персонифицированную картину сложного диалога Лондона и Берлина пока, как ни странно, не создали, возможно, из предубеждения относительно коллективных биографий дипломатов. Однако активные кадровые перестановки (особенно с германской стороны), которые после очередного этапа торга и не думали маскировать, требуют именно такого жанра в дополнение к имеющейся историографии. Знаменитая миссия британского военного министра лорда Р. Холдена в Германию в феврале 1912 г. сопровождалась отставкой графа П. Вольфа-Меттерниха после 11 лет работы послом в Лондоне — отставкой назревшей, но далеко не оптимальной в условиях отчаянного поиска не только взаимопонимания, но и доверия между двумя державами. Быстрая смерть его преемника, так и не начавшего работу в британской столице, влиятельнейшего А. Маршалла фон Биберштайна (бывшего 15 лет послом на Босфоре), до сих пор вызывает немало вопросов. Назначенный на внезапно освободившийся пост № 1 в посольской иерархии Германской империи князь К. Лихновский был представителем следующего поколения, однако его карьера прервалась еще 8 годами ранее, так что подобное назначение было очередным проявлением импульсивной природы кайзера Вильгельма II, но только не действительно необходимым для чаемого взаимопонимания шагом.

С некоторой долей допущения можно полагать, что частью цены за ряд компромиссов, как состоявшихся (сделка Марокко — Камерун осенью 1911 г.), так и упущенных (например, в ходе миссии Холдена), стала внезапная смерть 30 декабря 1912 г. главы германской дипломатии А. фон Кидерлен-Вехтера. Он упорно пытался взять реванш за свои неудачи, однако вызывал скорее сочувствие, нежели содействие. Последним его отчаянным усилием было очередное продление (5 декабря 1912 г.) Тройственного союза, что после итало-турецкой и в разгар Первой Балканской войны следовало считать лучшим из возможных вариантов. Сразу после состоялись мучительные для всех великих держав переговоры послов в Лондоне, где нервы и персональная лояльность дипломатов друг к другу были проверены на прочность как никогда с момента Берлинского конгресса.

Перечисление ряда иных факторов, связанных с фигурами второго и третьего планов, способно нюансировать, но не изменить базовый вывод: билатеральные отношения Британии и Германии не просто становились все более сложными по многообразию повестки, но и далеко не были оптимально обеспечены с кадровой точки зрения, хотя интенсивность контактов и надежды обеих сторон (да и партнеров каждой из империй) на достижение компромиссов неуклонно росли. Платформ для демонстрации взаимной гибкости и заключения сравнительно выгодных сделок становилось — по мере освоения планеты и включения внутриконтинентальных регионов в глобальную экономику — все больше, что требует отдельного рассмотрения предвоенной палитры спорных вопросов. Без системного и многофакторного погружения в эту нарастающую сложность искушение найти все необходимое для краха Венской системы в хитросплетениях исключительно балканских конфликтов (и отдельно — Июльского кризиса) вот уже более столетия оказывается слишком велико.

IV. Выводы

Усложнение расстановки сил и неуклонное размывание прежней модели дипломатии зашли к 1910-м годам столь далеко, что каждый новый компромисс все больше походил на карточный домик, а формулировки даже самых секретных соглашений становились все менее конкретными и обязательными к исполнению. Именно тайная дипломатия, столь ошельмованная впоследствии, долгое время служила главным средством гарантирования мира, а не только передела владений. Однако в эпоху триумфа СМИ и информационно-технической революции, с быстро развитием телеграфной сети, становлением межконтинентальной телефонной и радиосети [30], рассчитывать на *business as usual* в дипломатии было утопической надеждой. Происходившее на международной арене давно миновало предел управляемости на техническом, административном и даже этическом уровнях, а потому грозные «стечения обстоятельств» были не только частыми, но и неизбежными — без всякого «лунатизма» тех или иных государственных деятелей или целого поколения, который им приписывает самая популярная из работ, подготовленных к столетию Первой мировой войны, уже переведенная на многие языки [Clark]. Впрочем, психологические и иные субъективные особенности поколения, «погасившего огни над Европой», игнорировать не следует.

Диалектическая связь между сложным балансированием и искушением «простого» решения проблем, накопившихся под давлением мощной динамики индустриальной фазы развития, была вроде бы хорошо известна поколениям, получившим классическое образование, которое доминировало вплоть до Великой войны. Однако всякий раз считалось, что и действительно разрубить гордиев узел — как и во многие другие периоды истории «европейского концерта» — «невозможно в современных условиях».

«Аберрации близости», особенно типичные для эпохи бурных перемен — в данном случае «второй промышленной революции», «высокого империализма», — осложнялись массой субъективных факторов, значение которых было куда выше, чем готовы были признать объективистски настроенные аналитики, а тем более политики и дипломаты. Последние часто крайне ригидно воспринимали пределы вероятного, полагая незыблемой, в частности, роль Лондона как кризисного арбитра — ярким примером здесь может служить Австро-Венгрия [31].

Венская система международных отношений традиционно датируется 99-летним периодом общеевропейского «мира», несколько раз все же прерванного войнами между великими державами. Она реформировалась лишь под угрозой масштабного коалиционного противостояния «всех против всех», в 1854–1856 и в 1876–1878 гг. Едва ли приходится сомневаться в том, что время, истекшее после Берлинского конгресса требовало новой сущностной перезагрузки системы. Как минимум с конца XIX в. посредством ряда «свиданий», конференций под гуманитарными лозунгами и двусторонних (вопреки общеизвестным стратегическим союзам) соглашений была накоплена значимая надстройка над давно подорванным, но все еще соблюдаемым великими державами балансом сил хотя бы на территории Европы. Вынос амбиций за европейские

пределы неизбежно, но не вполне предсказуемо ударил по благим намерениям империй затяжной дестабилизацией наиболее уязвимого региона (Балкан), что затмило подлинную сложность международной повестки — и не столько для современников, сколько для потомков.

Маловероятно, что европейские элиты, особенно дипломатические, при всей их консервативности и ригидности в деловой этике не понимали остроту потребности в новом глобальном компромиссе. Но это не гарантировало готовности основных акторов к рискованным авантюрам и амбициозным претензиям на звание очередного «честного маклера». Возможно ли было повторить казавшуюся виртуозной балансировку, произведенную Бисмарком, в изменившихся за треть века международных параметрах — вопрос почти риторический. Однако огромную ответственность за неудачу любой подобной попытки, особенно после действий главы габсбургского МИД А. фон Эренталя в Боснийском кризисе, признавали прекрасно. На фоне сонма субъективных обстоятельств, технических особенностей и общего темпа событий именно это, помимо безволия, агрессии, накопленной усталости и недоверия, могло окончательно склонить чашу весов в пользу сознательного отказа от очередного дипломатического чуда, которое в ходе Июльского кризиса было более чем возможно, а после оглашения вечером 25 июля 1914 г. ответа Сербии на ультиматум из Вены даже показалось состоявшимся.

Примечания

1. Достаточно обратить внимание на сербскую позицию спустя 100 лет после убийства Франца-Фердинанда [Белаяц].
2. Помимо «цветных» книг родоначальником этого жанра следует считать неоднократно переиздававшуюся подборку [Переписка Вильгельма II...]
3. Есть и попытки провести не только суммирование, но и начать компаративное сравнение «решений вмешаться» на национальном уровне [Hamilton, Herwig]
4. Это не мешает появлению своего рода неомальтузианских работ [Winzen]. Однако демография, например, крупных городов того времени не дает никаких оснований для чрезмерного сгущения красок, ведь даже простого воспроизводства населения во многих из них не наблюдалось и в разгар индустриального бума, а бурный рост был почти исключительно миграционным. Давление аграрного населения к 1914 г. оставалось по-настоящему серьезной (но активно решавшейся) проблемой, если говорить о великих державах, только в России, Австро-Венгрии и Италии.
5. Искажения в его восприятии современниками были столь устойчивы, что не только породили мифологию *Belle Époque*, но и оказали значительное влияние на последующую традицию лакировки этого исторического периода [См., напр.: Tuchman; Hobsbawm].
6. В базовой германской работе о внешней политике «эпохи рейха» соответствующая глава так и называется: «Разрядка или война: внешнеполитические варианты на выбор у Бетман-Гольвега (1909–1914)» [Hildebrand. S. 290–351]. Минусом данного фундаментального труда является лишь почти не осознаваемая автором (западо)европоцентричность — там не нашлось места ни для П.А. Столыпина, ни для В.Н. Коковцова.

7. Это совершенно не подразумевало иллюзий в столицах великих держав относительно высокой вероятности скорого военного столкновения Греции и Османской империи или сразу всех соседей обозначенной, но так и не созданной Албании с неизбежным прямым участием Италии, Австро-Венгрии и Порты. О кризисе вокруг албанского престола весной 1914 г., лишь частично улаженном Корфским протоколом 17 мая 1914 г., и об общей обстановке в регионе между Второй Балканской и Первой мировой войнами [См.: Воескh; Искендеров].
8. Далекое не случайно не только то, что автор концепции Н. Энджелл был удостоен Нобелевской премии мира значительно позже, уже на пути ко Второй мировой войне, но и то, что его идеи вновь оказались востребованы в следующем цикле ожиданий «конца истории» и восторгов перед глобализацией как способом решить проблему вооруженных конфликтов [См.: Энджелл].
9. Как показывает специальное исследование, в далеко не полном списке из 33 конфликтов, имевших место за почти 60 лет существования последней версии Венской системы, то есть после Крымской войны, лишь четыре (!) относились к периоду 1908–1914 [Vermiedene Kriege...].
10. О положении в генеральных штабах в канун Великой войны см. [Gehirne der Armeen?.. S. 3–201]. Рецензия и критика данного обзора: [Ланник. Рец. на Gehirne der Armeen?]
11. Своего рода попыткой напомнить об успехах в деэскалации годы, предшествовавшие Первой мировой войне, однако без внятной гипотезы о причинах провала кризисного менеджмента в ходе Июльского кризиса стала монография Ф. Кислинга [Kießling].
12. Сильным импульсом к радикализации и расколу между реформистами и ультралевыми даже вне связи с вопросом об отношении к войне могла стать смерть А. Бебеля летом 1913 г.
13. Весьма показательным уже само название работы о (вроде бы) выигранной Третьей республикой войне, с подчеркиванием нараставшего перед 1914 г. скепсиса и равнодушия к любым новым приобретениям [Andrew, Kanya-Forstner]. О предвоенной французской внешней политике также см.: [Keiger].
14. Идеиная сторона милитаризации и военной истерии в общественных кругах великих держав уже не раз подвергалась компаративному анализу, хотя на его результатах сказывается эмоциональный флер итогов обеих мировых войн с предубеждением в адрес именно Германии [См., напр.: Vogel]. Весьма показательным и сопоставлением наиболее вероятных противников в военных институтах на локальном уровне, как до Великой войны, так и в ходе нее [Meteling].
15. При темпах роста населения даже только метрополии, не говоря о почти не задействованном, в отличие от Великобритании и Франции, людском потенциале колоний, при полной реализации программ по наращиванию вооруженных сил 1911–1913 гг. (то есть где-то к весне 1915 г.) Германская империя на следующий 5–7-летний срок имела бы армию, приближающуюся по численности лишь к 1–1,2% населения, с постоянным понижением доли призываемого контингента [Ланник. «Вооруженная до зубов Германия»...]. Во многом схожие параметры между размерами вооруженных сил и реальным мобилизационным потенциалом Российской империи, даже по итогам полной реализации «больших программ» 1912–1917 гг., не дают основания отечественным (в отличие от зарубежных) специалистам полагать державу Романовых чрезвычайно милитаризованной страной.

16. Первое по-настоящему масштабное исследование о Тройственном союзе (с действительно сильным итальянским аспектом, а не откровенным редуцированием к связке Берлин — Вена) вышло лишь в начале XXI в. [Afflerbach]. Пример оперирования категориями Двойственного союза через откровенно зауженную рамку анализа даже относительно периода расцвета союза трех держав [Verosta].
17. Финальные, порой почти отчаянные, меры по координации военных усилий Антанты изучены куда лучше, но ряд успехов здесь достигнут лишь недавно [McCrae].
18. О динамике двухлетних переговоров, свернутых под давлением Германии в июне 1914 г., см.: [Schröder].
19. И все же он оставался определенным магнитом для западной историографии, упорно исследовавшей детали единственно верного «рецепта победы» [The Schlieffen Plan...].
20. Одним из ярких представителей этой категории, наряду с М. Эрцбергером, был Э. Йэкх, молодой журналист, сделавший себе имя на апологии османской армии в период катастрофических для нее месяцев Первой Балканской войны, а затем ставший важным каналом взаимодействия с младотурецкими (и не только) элитами. См. его далекие от скромности, но полные интересных деталей и политических интриг за несколько десятилетий мемуары: [Jäckh]. С оговорками к этой же категории можно отнести ряд крупных предпринимателей из различных великих держав, например, личного друга кайзера и претендента на господство в трансатлантических перевозках А. Баллина.
21. Именно взаимная уязвимость сделала возможными многие блестящие успехи и громкие скандалы довоенных десятилетий, от дела Дрейфуса до дела Редля, что гарантирует пищу для спекуляций публицистов известного рода по сей день [См., напр.: Фляйшхауэр].
22. См. одну из наиболее оригинальных попыток комплексного анализа тенденций, приведших к радикальному переформатированию ряда регионов, некогда входивших в Османскую империю [Улунян].
23. Сравнительно компактный обзор историографии проблемы по состоянию на начало XXI в. [Schöllgen, Kießling].
24. Источниковая база по этой проблематике пополняется со времен Великой войны и по сей день [См., напр.: Eccardstein; Lichnowsky; Widenmann; Schöllgen; Otte].
25. Крупнейшей такой работой, написанной на материалах кануна войны и преследующей цель доказать, что путь к войне стал необратимым по итогам совещания руководства Германской империи 8 декабря 1912 г., является третья монография Ф. Фишера [Fischer]. Наиболее авторитетным противником обвинений в адрес исключительно Германии выступил Г. Риттер [Ritter].
26. См. обзор итогов полемики до ее нового витка на волне юбилеев в 2010-х гг. [Mombauer].
27. Особую нервозность эпохи подчеркивали не раз [См., напр.: Radkau].
28. Отставка фон Бюлова ни в коем случае не воспринималась как окончательная (особенно им самим) и уж тем более как полная утрата бывшим рейхсканцлером влияния на дипломатию Германской империи. Это показывают, несмотря на крайнюю пристрастность, его мемуары, русский перевод которых значительно сокращен [См.: Bülow]. Так и не став «новым Бисмарком», Бюлов после 1909 г. походил на него как никогда особенностями своей оппозиции, все более радикальной благодаря затянувшейся отставке.
29. В качестве компактного обзора британской внешней политики см. [Капитонова, Романова]. Базовым трудом по теме полвека остается монография З. Стайнер [Steiner].

30. Тем болезненнее и неожиданнее оказался резкий обрыв выстроенного за десятки лет информационного полотна в связи с жесткой блокадой Антанты Центральных держав [См., подр.: Barth].
31. Характерно, что в историографии явно преобладает внимание к якобы исключительно агрессивно мыслившим военным двуединой монархии во главе с эрцгерцогом Францем-Фердинандом и, особенно, Ф. Конрадом фон Гетцендорфом, однако анализ их планов вокруг превентивной войны нуждается в широком контекстном осмыслении, а не только в цитировании оперативных документов, выглядящих крайне радикальными в силу особенностей данного «жанра» [Kronenbitter].

Литература

- Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903-1914 гг. СПб. 2022.
- Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М. 2015.
- Искендеров П.А. Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб. 2013.
- Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М. 2016.
- Ланник Л.В. «Вооруженная до зубов Германия»: потенциал кайзеровских вооруженных сил к началу Великой войны // ЭНОЖ. История. 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). — URL: history.jes.su/S207987840023775-1-1 (дата обращения: 16.03.2026).
- Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб. 2020.
- Ланник Л.В. Рец. на *Gehirne der Armeen?* // Территория. Т. 1 (2025). № 4. С. 233-255.
- Малкин С.Г. Патрулируя Империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху интербеллума. М. 2025.
- Ньюбольд В. Как Европа вооружалась к войне (1871-1914). М. 1923.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг. 1923.
- Романова Е.В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898-1914 гг. М. 2008.
- Улунян А.А. Балказия и Россия. Структура угроз национальной безопасности Российской империи на Балканах, Кавказе, в Центральной и Передней Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900-1914 гг.). М. 2002.
- Фляйшхауэр Е.И. Русская революция. Ленин и Людендорф (1905-1917). М. 2020.
- Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М, 1961.
- Энджелл Н. Великая иллюзия. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск. 2009.
- Adam H.K. Großbritanniens Balkandilemma: die britische Balkanpolitik von der bosnischen Krise bis zu den Balkankriegen 1908–1913. Hamburg. 2009.
- Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien u. a. 2002.
- Andrew C.M., Kanya-Forstner A.S. France Overseas. The Great War and the Climax of French Imperial Expansion. L. 1981.
- Angelow J. Der „Kriegsfall Serbien“ als Willenstherapie. Operative Planung, politische Mentalitäten und Visionen vor und zu Beginn des Ersten Weltkrieges // Militärgeschichtliche Zeitschrift. Bd. 61 (2002). S. 315-336.

- Barth V.* Wa(h)re Fakten. Wissensproduktionen globaler Nachrichtenagenturen 1835-1939. Göttingen. 2020.
- Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innerpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf. 1971.
- Boeckh K.* Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg: Kleinstaatenpolitik und ethnische Selbstbestimmung auf dem Balkan. München. 1996.
- Brechtken M.* Scharnierzeit 1895-1907: Persönlichkeitsnetze und internationale Politik in den deutsch-britisch-amerikanischen Beziehungen vor dem Ersten Weltkrieg. Mainz. 2006.
- Bülow B.v.* Denkwürdigkeiten: 4 Bde. B. 1930-1931.
- Clark C.M.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. L. 2012.
- Eccardstein H. von.* Die Isolierung Deutschlands. Leipzig. 1921.
- Elze W.* Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzüge und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront. Breslau. 1928.
- Fischer F.* Krieg der Illusionen: die deutsche Politik von 1911-1914. Düsseldorf. 1970.
- Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege / hrsg. von L. Grawe. Paderborn. 2023.
- Hamilton R.F., Herwig H.H.* Decisions for War, 1914-1917. Cambridge. 2004.
- Hildebrand K.* Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. B. 1999.
- Hobsbawm E.* Age of Empire, 1875-1914. L. 1987.
- Jäckh E.* Der goldene Pflug: Lebensernte eines Weltbürgers. Stuttgart. 1954.
- Keiger J.F.V.* France and the Origins of the First World War. L.; Basingstoke. 1983.
- Kießling F.* Gegen den „großen“ Krieg?: Entspannung in den internationalen Beziehungen 1911-1914. München. 2002.
- Kronenbitter G.* „Krieg im Frieden“. Die Führung der k.u.k. Armee and die Großmachtpolitik Österreichs-Ungarns 1906-1914. München. 2003.
- Krumeich G.* Aufrüstung und Innenpolitik in Frankreich vor dem ersten Weltkrieg: die Einführung der dreijährigen Dienstpflicht 1913-1914. Wiesbaden. 1980.
- Lichnowsky Fürst K.M.* Auf dem Wege zum Abgrund. Londoner Berichte, Erinnerungen und sonstige Schriften. Dresden. 1927.
- „Maschine zur Brutalisierung der Welt“? Der Erste Weltkrieg — Deutungen und Haltungen 1914 bis heute / hrsg. von A. Weipert, S. Oberhaus, D. Nakath, B. Hüttner. Münster. 2017.
- McCrae M.* Coalition Strategy and the End of the First World War. The Supreme War Council and War Planning, 1917-1918. Cambridge. 2019.
- Meteling W.* Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Kriege 1870/71 und 1914-1919. Baden-Baden. 2010.
- Mombauer A.* The Origins of the First World War. Controversies and consensus. L. 2002.
- Otte T.G.* Détente 1914: Sir William Tyrrell's Secret Mission to Germany // Historical Journal. Vol. 56 (2013). № 1. P. 175-204.
- Pöhlmann M.* Geheimnis und Sicherheit: der Aufstieg militärischer Nachrichtendienste in Deutschland, Frankreich und Großbritannien 1871-1914. B. 2024.
- Radkau J.* Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler. München; Wien. 1998.
- Rathmann L.* Stoßrichtung Nahost 1914-1918: Zur Expansionspolitik der deutschen Imperialismus im 1. Weltkrieg. B. 1963.

- Richard von Kühlmann. Memoiren und politische Korrespondenz 1904-1918 / hrsg. von M. Bußmann, W. Baumgart. B. 2024.
- Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk: 4 Bde. Bd. 2. Die Hauptmächte Europas und wilhelminisches Reich (1890-1914). München. 1965.
- Schöllgen G. Richard von Kühlmann und das deutsch-englische Verhältnis 1912-1914. Zur Bedeutung der Peripherie in der europäischen Vorkriegspolitik // Historische Zeitschrift. Bd. 230 (1980). S. 293-337.
- Schöllgen G., Kießling F. Das Zeitalter des Imperialismus. 5. Aufl. München. 2009.
- Schröder S. Die englisch-russische Marinekonvention; das Deutsche Reich und die Flottenverhandlungen der Tripleentente am Vorabend des Ersten Weltkriegs. Göttingen. 2006.
- Stein O. Die deutsche Heeresrüstungspolitik 1890-1914; das Militär und der Primat der Politik. Paderborn. 2007.
- Steiner Z.S. The Foreign Office and foreign policy, 1898-1914. Cambridge. 1969.
- The Schlieffen Plan: International Perspectives on the German Strategy for World War I / ed. by H. Ehlert, M. Epkenhans, G.P. Gross, D.T. Zabecki. Lexington. 2014.
- Tuchman B.W. The proud tower. A Portrait of the World Before the War, 1890-1914. N.Y. 1966.
- Vermiedene Kriege: Deeskalation von Konflikten der Grossmächte zwischen Krimkrieg und Erstem Weltkrieg, 1865-1914 / hrsg. von J. Dülffer, M. Kröger, R.-H. Wippich. München. 1997.
- Verosta S. Theorie und Realität von Bündnissen. Heinrich Lammasch, Karl Renner und der Zweibund (1897-1914). Wien. 1971.
- Vogel J. Nationen im Gleichschritt: der Kult der „Nation in Waffen“ in Deutschland und Frankreich, 1871-1914. Göttingen. 1997.
- Widenmann W. Marine-Attaché an der kaiserlich-deutschen Botschaft in London 1907-1912. Göttingen. 1952.
- Winzen P. Bevölkerungsexplosion in Europa und Kalter Krieg 1904-1914. Zu den Ursachen des Weltkriegsausbruchs. Göttingen. 2024.

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-84-104

УДК 94

Антон Крутиков

Русская революция в воспоминаниях минского губернатора В.А. Друцкого-Соколинского. II. Гражданская война

Аннотация. *Статья посвящена воспоминаниям князя В.А. Друцкого-Соколинского, занимавшего до марта 1917 г. пост минского губернатора, и охватывает период 1917–1920 гг. После перехода на военную службу и недолгой работы в советско-германской пограничной комиссии он оказался свидетелем последних дней режима гетмана П.П. Скоропадского в Киеве в декабре 1918 г., а в дальнейшем, служа в администрации Вооруженных сил Юга России под руководством генерала А.И. Деникина, был очевидцем и участником многих ключевых событий Гражданской войны. Друцкой-Соколинский оставил ценные размышления о роли российской интеллигенции, представителей бывшей имперской бюрократической элиты, дворянства и офицерства в поражении гетманского режима, обернувшимся катастрофой для местных консервативных сил. В своих мемуарах он подчеркивал значимую роль бывшей имперской бюрократии в организации административного аппарата на территориях, подконтрольных Добровольческой армии. Среди ключевых причин поражения Белого движения на Юге России были, по его мнению, ошибки в организации центральной и местной власти. В статье использованы неопубликованная рукопись воспоминаний за 1918–1919 гг. и уникальные документы из семейного архива, предоставленные автору потомками В.А. Друцкого-Соколинского.*

Ключевые слова: *В.А. Друцкой-Соколинский, П.П. Скоропадский, А.И. Деникин, Русская революция, Гражданская война, Добровольческая армия, русская эмиграция.*

От Февраля к Октябрю

Новая революционная власть не нуждалась в представителях российского губернаторского корпуса, что нашло отражение уже в первых распоряжениях Временного правительства, последовавших за отречением Николая II и великого князя Михаила Александровича. Постановлением правительства от 4 марта 1917 г. и циркулярным распоряжением премьера Г.Е. Львова от 5 марта губернаторы и вице-губернаторы были отстранены от должности, на их место были назначены губернские комиссары, подчиненные министерству внутренних дел [Революционное движение... С. 422]. Бывший минский губернатор В.А. Друцкой-Соколинский 7 марта передал дела председателю

Сведения об авторе: *КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorz1000@gmail.com.*

губернской земской управы Б.Н. Самойленко и принял решение о переходе с гражданской на военную службу. Для убежденного консерватора и сторонника монархических взглядов «состоять агентом новой власти» казалось невозможным, между тем его административный опыт мог оказаться полезным в военном ведомстве. Профессиональные компетенции Владимира Андреевича и его принадлежность к корпоративной среде бывшей имперской бюрократии указывали на единственно возможный путь — продолжение служения родине.

«Несмотря на отречение Государя и Великого Князя Михаила и уничтожение отсюда присяги, я сознавал явную несовместимость моей дальнейшей службы Временному правительству с моими личными взглядами и воззрениями. Поступление на военную службу, тем более во время войны, представлялось мне достойным выходом из сложного и тяжелого положения» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 227].

Из-за подозрительного отношения к представителям старой элиты и по соображениям личной безопасности В.А. Друцкой-Соколинский был вынужден покинуть Минск уже в марте 1917 г. После недолгого пребывания в Могилеве среди знакомых ему чинов Ставки он выехал в Петроград. Формально бывший губернатор еще оставался в штате министерства внутренних дел, и ему необходимо было выяснить вопрос о своей отставке и зачислении на военную службу. Владимир Андреевич считал своим долгом представиться новому министру внутренних дел (и одновременно главе правительства) князю Г.Е. Львову. Эта формальная встреча продлилась менее минуты и убедительно показала невозможность сотрудничества новой власти и чинов прежнего губернаторского корпуса. О «бывших людях» в Петрограде еще не было принято окончательного решения: циркулировали слухи о намерении правительства отправить всех губернаторов рядовыми в войска, минуя запасной батальон, альтернативная точка зрения считала их «вредным элементом», который следовало вовсе отстранить от военной службы [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 252]. Лишь 25 апреля Друцкой-Соколинский получил циркулярное письмо товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина, уведомлявшего о решении Временного правительства предложить всем губернаторам и вице-губернаторам подать к 1 мая прошение об отставке [Там же].

Наблюдая перемены, произошедшие в министерстве внутренних дел, Друцкой-Соколинский с сожалением отмечал близорукость многих своих бывших коллег, с энтузиазмом воспринявших революционный переворот. По его свидетельству, в бюрократической среде были широко распространены идеи «официального либерализма», что не только подготовило ее к принятию февральского переворота, но и сделало в известной степени его социальной базой. В первые недели и даже месяцы революции значительные административные ресурсы министерства были потрачены на обработку и регистрацию «десятков тысяч телеграмм, главным образом поздравительных, поступивших на имя Временного правительства от его поклонников со всех концов России» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 235]. На фоне этой бесполезной работы демонтаж старого государственного порядка, который последовательно осуществляло Временное правительство, оставлял после себя управленческий вакуум, немедленно

заполняемый революционной стихией. Государственная власть отдала Россию в руки «революционной демократии» и, «не имея веры в саму себя, не доверяя своей силе и не чувствуя корней, соединяющих ее с народом, боялась сделать решительный шаг, принять меры для своей личной безопасности и самого существования» [Там же. С. 254].

В таких обстоятельствах для бывшего губернатора и юриста не оставалось иного пути, как выполнить требование закона о воинской обязанности и явиться к ближайшему воинскому начальнику. 2 мая 1917 г. В.А. Друцкой-Соколинский был зачислен рядовым на военную службу и определен в штаб Минского военного округа, прекрасно знакомый ему по прежней губернаторской деятельности. 5 мая он навсегда покинул Петроград. Радикальное изменение в его карьере находилось в полном соответствии с новыми формами «социальной мобильности», принесенными революцией. От других нижних чинов его отличала только английская униформа, заранее приобретенная в Петрограде, с «золотым правоведским знаком с императорской короной на одной стороне груди и со знаком Красного Креста с такой же короной — на другой» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 260].

Генерал А.Е. Эверт, узнав о необычной истории назначения бывшего губернатора и камергера рядовым в штаб округа, предложил направить Владимира Андреевича, как профессионального юриста, в Минский военно-окружной суд (расположенный в Смоленске), где могли быть эффективно использованы его знания. С июля 1917 г. В.А. Друцкой-Соколинский занимал должность помощника военного прокурора Минского военно-окружного суда. В своих воспоминаниях Владимир Андреевич отмечал не только неуклонное разрушение военной дисциплины и показную мягкость судебных приговоров (большая часть судебных дел касалась случаев дезертирства), но и проникновение революционных порядков в российскую провинцию. Смоленск в период между февралем и октябрём 1917-го пытался жить обыденной жизнью, хотя революционная действительность все более расходилась с представлениями самых убежденных сторонников Временного правительства. По словам Друцкого-Соколинского, обыватели «не учитывали и не понимали всей глубины и всего действительного значения произошедшего государственного переворота и легкомысленно полагали, что последовавшее в течение двух месяцев изменение многовековой русской истории закончилось окончательно и новых дальнейших эволюций, а тем более революционных потрясений не произойдет. Некоторые, правда, смущались черным знаменем с Адамовой головой, развевавшимся на здании одной гостиницы на Благовещенской улице, где расположился штаб анархистов, но на это явление смотрели как на революционную накипь, как на неизжитое еще последствие минувшего революционного угара» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 272].

В Смоленске бывший губернатор часто беседовал с генералами А.Е. Эвертом и М.В. Алексеевым, которые лишь после своей отставки и удаления с фронта пришли к осознанию глубины произошедшей национальной катастрофы. Согласно мнению генерала Алексеева, высказанному в письме новому военному министру А.Ф. Керенскому в мае 1917 г., в первые два месяца революции дисциплина на фронте и в тылу исчезла:

«Лишение власти начальников всех степеней, отсутствие какого-либо суда, а тем более скорого, полная безнаказанность виновных солдат делают свое разрушительное дело» [Письмо генерала Алексеева... Л. 1]. Генерал указывал на важную социально-психологическую особенность поведения солдатской массы, в основном состоявшей из бывших крестьян, привыкших к коллективной власти общины и не признававшей индивидуальной ответственности. В армейской среде как в огромном коллективе в полной мере сохранились социальные механизмы, присущие российской общинной организации, одним из которых было коллективное действие: «Голоса лучших солдат тонут в этом омуте беспорядка. Готовые повиноваться терроризируются массой» [Там же]. М.В. Алексеев бросал серьезные обвинения новой власти, считая временное торжество «революционной демократии» несовместимым с задачами национальной обороны. «Все это — неизбежный результат законоположений последнего времени, разрушивших основы дисциплины в армии, и вмешательства во все отрасли службы и деятельности войск безответственных комитетов, советов и т.п.» [Там же].

В июле 1917 г., на фоне провала летнего наступления, М.В. Алексеев информировал А.Ф. Керенского, только что возглавившего Временное правительство, о проведенных им «беседах с представителями союзных армий» в штабе Верховного главнокомандующего: «В силу ранее установившихся отношений я имел возможность выслушать их откровенное слово, их опасения за пригодность нашей армии, вследствие печальной утраты дисциплины, к какой-либо боевой деятельности и за возможную утрату Россией всякой ценности в качестве союзника, если не будут приняты меры к возрождению армии» [Письмо генерала Алексеева... Л. 5].

Фактически в Смоленске оказались сосредоточены значительные интеллектуальные силы российской военной элиты, тщетно стремившиеся развернуть политику Петрограда в сторону восстановления порядка и боеспособности армии. Выступая теперь в качестве «экспертов», находившиеся в Смоленске генералы, сыгравшие ранее заметную роль в отречении Николая II, призывали Временное правительство немедленно предпринять шаги к восстановлению дисциплины на фронте, прежде всего путем отмены пресловутой «декларации прав солдата» [Керенский. С. 1]. Однако осознание разрушительных последствий революции пришло к российскому генералитету слишком поздно, а после поражения выступления генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. каста высших военачальников в глазах революционных кругов была окончательно скомпрометирована.

«С ликвидацией корниловской эпопеи обывательская жизнь в провинции потекла вновь тихо и серо. Столичные газеты не переставали отмечать быстрый рост влияния сидевшего в Смольном совета солдатских и рабочих депутатов, и было очевидным, что открытое выступление Смольного против Временного правительства является лишь вопросом времени» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 276].

В Смоленске захват власти большевиками произошел практически одновременно с переворотом в Петрограде. Владимир Андреевич принял решение оставаться на службе в военно-окружном суде до последней возможности, несмотря на чрезвычай-

ные обстоятельства. «Эта служба прикрывала меня и мое дореволюционное прошлое и если и не скрывала его окончательно от бдительных большевистских глаз, то легализовала мое проживание именно в Смоленске, позволяя ходить по улицам, имея официальные личные документы в кармане. Кроме того, моя служба продолжала снабжать меня обильными пайками, а этим в те времена пренебрегать не приходилось» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 276].

Большевистский переворот и заключение Брестского мира в марте 1918 г. поставили перед «бывшими людьми» вопрос об организации сопротивления. Углубление «классовой борьбы» в большинстве регионов России постепенно принимало характер гражданской войны. Среди офицеров и бывших чиновников основные надежды сконцентрировались вокруг Добровольческой армии, но о ней в Смоленске почти не было никаких известий. В августе 1918 г. В.А. Друцкой-Соколинский решил посетить Москву и попытаться установить контакты с действовавшими в столице законспирированными группами «белых».

«Существовавшие тогда в Москве противобольшевистские центры, куда я проник без всякого затруднения, что убедило меня в плохой организации самой конспирации, находились в бесконечных переговорах между собой по поводу деталей и мельчайших частных своих программ и тактики. Короче говоря, в этот мой приезд в Москву я увидел картину, ставшую фатально характерною для российской политической жизни со дня государственного переворота 1917 года. Люди были в разговорном экстазе и с парализованной способностью к активной деятельности и работе» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 295].

Побег от революции

После ареста органами ВЧК в Смоленске по ложному доносу (Владимира Андреевича приняли за его предшественника на посту минского губернатора А.Ф. Гирса, в прошлом жестоко расправившегося с революционерами), Друцкой-Соколинский принял окончательное решение вместе с семьей покинуть контролируемую большевиками часть России. Для него было очевидно, что никакой защиты от «шемякиного суда», созданного революцией для борьбы с классовыми врагами, не существовало. Бывший губернатор планировал перейти проходившую под Оршей демаркационную линию и через германскую зону оккупации попасть на Дон, к генералу А.И. Деникину. Близость Смоленска к новой «границе», отделявшей подконтрольную советской власти территорию от оккупированных западных губерний, облегчала этот план.

«Замышляя побег свой из советской России, в которой, я знал, меня рано или поздно, но заставят служить коммунистической власти, я хотел воспользоваться германской оккупацией лишь как единственным путем, ведущим меня в белые организации, но я никогда не мыслил обосноваться в этой оккупации и найти в ней и в немецких штыках себе защиту и обеспечение личной безопасности от коммунистической власти» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 293].

Обязательным условием освобождения бывшего минского губернатора из ВЧК было его формальное трудоустройство в одном из советских учреждений. В октябре 1918 г. начался короткий период службы В.А. Друцкого-Соколинского в одной из советско-германских пограничных комиссий, учрежденной на участке демаркационной линии между Витебском и Полоцком. Целью подобных структур, организованных для реализации положений Брестского мира, было предотвращение «возможных столкновений между германскими оккупационными войсками, с одной стороны, и русскими войсками, должностными лицами и населением — с другой» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 307]. Для Владимира Андреевича с его знанием немецкого языка получить должность председателя такой комиссии оказалось несложным. Прибыв на линию разграничения, он был поражен практически полным отсутствием какой-либо организации пограничной охраны и таможенной службы. В приграничной полосе процветала контрабандная торговля, местное население целиком зависело от товаров, получаемых из германской оккупационной зоны. Местный комендант и другие носители большевистской власти не только не препятствовали планам побега, но, как представители «интеллигентного класса», сочувственно относились к бывшему губернатору и смогли оказать ему посильную помощь. Комендант лично указал Владимиру Андреевичу наиболее безопасный способ перевезти в германскую зону имущество и семью. «Разысканный мною затем агент контрразведки Петров изъявил полную готовность подыскать нужного человека для переправки моих вещей в немецкую оккупацию» [Там же. С. 314].

В.А. Друцкой-Соколинский описал порядки, царившие на подконтрольной большевикам территории и в значительной мере облегчившие его побег. Возможности революционной власти по идеологическому контролю даже среди ее сторонников, как оказалось, были далеко не безграничны. Владимир Андреевич говорил об «исключительном внимании и маскированном, но ясно выражавшемся покровительстве», которое демонстрировали некоторые местные чиновники «к отдельным представителям буржуазного класса» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 314]. По его мнению, это было следствием глубокого расхождения между декларируемыми целями и промежуточными итогами революции, разрушавшего доверие к ней в том числе среди советских и партийных работников.

«После овладения в октябре 1917 г. государством, по мере того как сама жизнь властно отрывала отдельные листочки от победного венка русского коммунизма и советская власть помимо своей воли, примеряясь к жизни, к обстановке и к окружавшим ее обстоятельствам, вынуждена была сама, по собственному почину последовательно отказываться от ряда краеугольных принципов программы своей партии (вернуться к обязательной военной службе, восстановить командный состав в армии по назначению, приостановить социализацию городских недвижимостей и т.д.). Так же постепенно и отдельные партийные работники [...] стали задумываться над жизнеспособностью исповедуемой ими идеи и постепенно терять веру в длительность царящего пока в некоторых кругах добросовестного увлечения этой идеей» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 314].

В конце октября 1918 г. В.А. Друцкой-Соколинский вместе с семьей навсегда покинул большевистскую Россию. После допроса в германской контрразведке, в ходе которого Владимир Андреевич отказался сообщить сведения о Красной армии, бывший минский губернатор вновь вернулся в город, который покинул ровно полтора года назад, в марте 1917 г. «Я застал Минск затопленным немецкими войсками, — вспоминал он, — все улицы, кафе, трамваи, кинематографы, все было забито пыльно-серыми мундирами. Обитатели растворились в этой однообразной массе, и Минска, милого русского Минска, не стало» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. В Минске Владимир Андреевич впервые получил подробные сведения о революции в Германии и скором уходе немцев из бывших губерний Западного края, что грозило разрушить его планы добраться на Дон напрямую через германскую зону оккупации. Эвакуация германских войск неизбежно означала расширение территории, охваченной Гражданской войной, и превращение соответствующих западных губерний в новый театр военных действий. «Между тем события шли с головокружительной быстротой, и к концу недели определенно выяснилось угрожающее положение железнодорожной линии Жлобин — Гомель, которую большевики старались перервать, чтобы тем самым лишить Минск главной артерии, соединявшей его с югом. Было ясно, что надо уезжать, и уезжать как можно скорее» [Там же].

Для получения разрешения на проезд в Киев В.А. Друцкой-Соколинский направился к командующему германской 10-й армией генералу Эриху фон Фалькенхайну, чья резиденция находилась в бывшем губернаторском доме. «Встретивший меня дежурный офицер, которому я передал мою визитную карточку, приписав на ней карандашом по-немецки *Ex-gouverneur von Minsk*, через минуту вернулся и, спросив меня, не хочу ли я предварительно изложить мое дело начальнику штаба, ввел меня затем в приемную комнату, куда сейчас же вышел ко мне высокий пожилой генерал с орденом на шее, кажется *Pour le Mérite*. С первых моих слов начальник штаба выразил свою полную готовность разрешить мне, в виде особого исключения, проезд до Киева через Лунинец — Сарны и тут же по телефону сделал необходимое распоряжение, попросив меня сейчас же отправиться к начальнику военных сообщений, который и выдаст мне необходимую бумагу и сообщит коменданту станции» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. В свою очередь, генерал Фалькенхайн просил бывшего минского губернатора сообщить сведения о большевистской России, которые могли быть полезны его штабу. Впрочем, Владимир Андреевич заметил, что германская контрразведка была хорошо осведомлена о происходящем по ту сторону границы [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 316-317].

Беседа с германскими генералами привела В.А. Друцкого-Соколинского к мысли об очевидных параллелях между революциями в России и Германии. Сходство сценариев крушения двух империй подчеркивали и его собеседники. Германия — противник в мировой войне — олицетворяла для бывших представителей российского правящего класса идею «европейской цивилизации» и гражданского порядка, утраченных в большевистской России. На германскую оккупацию, как на военный и политический фактор, возлагали надежды лидеры антибольшевистских правительств, возникших на

окраинах бывшей империи, — например, режим генерала П.П. Скоропадского в Киеве и правительство донского атамана П.Н. Краснова. Тем поразительнее выглядела скорость распада германской военной машины на оккупированных территориях, когда недавний грозный противник оказался в том же положении, что и Россия.

«Перед глазами этих генералов был яркий пример России, — отмечал Владимир Андреевич, — бившейся в смертельных судорогах в грязных большевистских руках и заболевшей между тем совершенно при тех же условиях и в тех же формах, при каких ныне занемогла Германия. И эти сильные типичные представители тевтонской расы, гордые своей культурой, привыкшие свысока третировать молодую славянскую народность, конфузливо, именно конфузливо опускали глаза от осознания, что их великая культура и несравненное национальное самосознание не спасли их народа от революционного вихря, ими же развитого в России, и трагично поставили их, старых культуртрегеров, на одну доску с нами — нищей, по их мнению, нацией. Как проклинали, вероятно, они своих близоруких политиков, не предусмотревших вероятия заразы Германии от привитой ими же России болезни и не предусмотревших возможное ослабление сопротивляемости народа революционному натиску партий, нашедших себе могущественную поддержку в огромной усталости от войны, охватившей Германию» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Бывший минский губернатор был далек от идеализации германской военной машины, однако, беседуя с высшими военачальниками 10-й армии в штабе генерала Фалькенхайна, он мог предвидеть разрушительные последствия эвакуации германских войск и неизбежного прихода большевиков. Его желание присоединиться к одному из общероссийских центров Белого движения стало главной мотивацией исключительного по сложности и длительности путешествия через охваченный Гражданской войной юг России. Пережив несколько последовательных «эвакуаций», Друцкой-Соколинский побывал в Киеве, Одессе, Севастополе, Новороссийске и достиг Екатеринодара в апреле 1919 г. Его воспоминания отразили важнейшие военно-политические и социальные потрясения революционного времени.

Последние дни гетманской Украины

Прибыв вместе с семьей в Киев в декабре 1918 г., В.А. Друцкой-Соколинский стал свидетелем последних дней режима гетмана П.П. Скоропадского и крушения проекта гетманской Украины, на которую возлагали надежды многие подобные ему беженцы из большевистской России. В 1918 г. на короткий период Киев стал уникальным государственным центром, объединившим тысячи представителей бывшей имперской элиты: петербургских сановников, политиков Думы и Государственного Совета, сенаторов, банкиров, генералов и офицеров, дворянство и интеллигенцию. Далеко не все из них поддерживали гетманское правительство, которому во многом были обязаны жизнью; обвинения в «сепаратизме» и критика сотрудничества с кайзеровской Германией преобладали среди общерусских партий и общественных союзов в Киеве.

В своих мемуарах Владимир Андреевич оставил ценные свидетельства о роли российской интеллигенции, представителей бывшей имперской бюрократии, дворянства и офицерства в поражении гетманского режима, ставшем катастрофой для местных консервативных антибольшевистских сил. По мнению Друцкого-Соколинского, благородная идея сохранения верности союзникам в быстро меняющихся условиях Гражданской войны выглядела проявлением политического идеализма. Именно кайзеровские войска до начала ноябрьской революции в Германии обеспечивали единственную реальную опору гетманской власти.

Режим гетмана представлял собой опыт социально-политической реставрации, он в значительно большей степени опирался на идеологию русского консерватизма, чем на национальные украинские начала [Артизов, Иванцова. С. 26]. Гетманат П.П. Скоропадского отменил все социальные новации, принесенные Временным правительством и украинской Центральной Радой; он воссоздавал правовой порядок и институты дореволюционной России и потому нуждался в консолидированной поддержке наиболее здоровой части общества. Между тем в кабинете гетмана не было ни одной крупной общероссийской политической фигуры. Пост премьера занимал «старосветский помещик» Ф.А. Лизогуб — землевладелец Черниговской губернии, бывший земский деятель и личный секретарь наместника Кавказа великого князя Николая Николаевича. По словам Скоропадского, достоинством главы кабинета было умение производить «благоприятное впечатление, особенно на иностранцев, тем более, что он хорошо говорил по-французски» [Скоропадский. С. 162]. Украинского языка октябрист Лизогуб не знал, для национальных украинских партий премьер был безнадежно «правым», а для общероссийских политических сил, особенно монархистов — недостаточно консервативным.

«Даже в период наибольшего расцвета гетманщины, — утверждает Друцкой-Соколинский, — русская интеллигенция отнюдь не явилась оплотом новой власти и теми естественными, казалось бы, деловыми кадрами, на которые гетман мог бы рассчитывать. [...] Все эти сотни и тысячи лиц бывшей имперской служилой аристократии, съехавшиеся тогда под крылышко украинского гетмана, отнюдь, как я уже сказал, не явились оплотом этой власти и не помышляли об укреплении ее, вливая в нее свой опыт и знания государственной механики, но всецело поглощены были устройством своих личных дел и обеспечением своего материального благополучия» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Из-за негативного отношения старой русской бюрократии к новому украинскому строю (несмотря на внешнюю реставрацию прежних имперских порядков) у власти в Киеве оказались лица «самых посредственных деловых качеств, а зачастую и сомнительной нравственной репутации» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. Это проявилось, в первую очередь, в дисфункции правительства — Совета министров, организованного на основе дореволюционных российских законов и управленческих практик.

Идея восстановления законности, которой было привержено гетманское правительство, в условиях Гражданской войны оказалась нереализуемой и опасной для самого

его существования. Освобождение из тюрьмы лидера украинских социалистов С.В. Петлюры 12 ноября 1918 г. при участии министра юстиции В.Е. Рейнбота стало первым в череде трагических событий, приведших к падению гетмана. Знакомый с подробностями этой истории В.А. Друцкой-Соколинский критиковал юридический формализм в действиях министерства юстиции, не нашедшего «законных оснований» для ареста главного политического оппонента Скоропадского. Характерно, что сам В.Е. Рейнбот объяснял слабость администрации гетмана теми же причинами: «Не могло Министерство воспользоваться некоторыми испытанными уже в дореволюционной России администраторами, ибо большинство из них все еще с опаскою смотрели, допустимо ли с точки зрения этики русского патриота принимать участие в укреплении объявившей себя самостоятельной гетманской Украины» [Воспоминания В.Е. Рейнбота... С. 74].

Противник гетмана С.В. Петлюра был освобожден, так как в гетманском законодательстве не существовало оснований для его ареста, и немедленно возглавил антигетманское восстание. В эмиграции В.Е. Рейнбот принял на себя всю ответственность за этот непродуманный шаг, цитируя известное изречение «*inter arma leges silent*» [1]. «Рейнбот уступил настояниям гетмана и премьера, — писал он о себе, — но не они несут ответственность, вся вина всю свою тяжесть остается лежать на Рейнботе. Если героические, волевые действия были ему не по плечу, он не смел принимать должности, требующей воли, решимости, самоуверенности и еще воли. Рейнбот точно забыл, до чего довели Великую Россию нерешительность, уступчивость и безволие Временного правительства. Наглядный, свежий, исторического масштаба урок для него пропал даром» [Воспоминания В.Е. Рейнбота... С. 104].

Однако решающую роль в успехе вооруженного восстания против власти П.П. Скоропадского играли элементы заговора, удивительным образом напоминающие обстоятельства падения российской монархии в феврале — марте 1917 г. в Петрограде. Быстрый крах гетманского режима стал возможен благодаря предательству высших военных. Ключевой фигурой заговора стал генерал А.В. Осецкий, начальник оперативного отдела Генерального штаба, обеспечивший тайную перевозку С.В. Петлюры в Белую Церковь, ставшую центром восстания. К восстанию присоединились также генерал А.П. Греков, подполковник Генерального штаба В.М. Куц, командующий Запорожским корпусом полковник П.Ф. Болбочан и другие высокопоставленные военные. Образование нового чрезвычайного органа украинского движения — Директории произошло в здании управления железных дорог в Киеве, где находился узел телеграфной и телефонной связи, что позволило заговорщикам легко координировать свои действия. Все это свидетельствовало об ошибках и ограниченных ресурсах кадровой политики гетмана, невозможности подобрать на ключевые посты лояльных сторонников.

На этом фоне позицию «невмешательства» русских деятелей, по мнению В.А. Друцкого-Соколинского, невозможно было оправдывать соображениями нравственно-этического характера. Обвинения в «сепаратизме» П.П. Скоропадского, крупнейшего «великорусского помещика, свитского генерала и коренного петербуржца», Владимир Андреевич решительно отвергал. 14 ноября 1918 г. гетман подписал «грамоту» (мани-

фест) о провозглашении федерации Украинской державы с будущей небольшеви́стской Россией. В этот же день новым премьером был назначен С.Н. Гербель, бывший имперский сановник и член Государственного Совета, хорошо знакомый В.А. Друцкому-Соколинскому по его губернаторской деятельности [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Правительство гетмана выступило с программой создания широкой коалиции антибольшеви́стских сил, которая включала бы Украину, Дон, Кубань, Терскую область, Грузию и другие государственные образования, возникшие на окраинах бывшей Российской империи. Представители этих образований и Добровольческой армии получили официальное приглашение министра иностранных дел Украинской державы Г.Е. Афанасьева прибыть на «конгресс» в Киев, запланированный на 5 декабря, а затем перенесенный на 18 декабря. В Киеве действовал неофициальный представитель главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал П.Н. Ломновский и открыто шла вербовка офицеров в добровольческие формирования.

Согласно воспоминаниям соратников гетмана и документам Совета министров, кабинет П.П. Скоропадского оказывал белым армиям и их правительствам материальную помощь, используя для этого оставшиеся на территории Украины военные арсеналы и материальные ресурсы бывшей российской армии. Такая поддержка — ее получали Кубань, Дон, Астраханская и Добровольческая армии — осуществлялась втайне от германских оккупационных властей. Противникам большевиков оказывалась и прямая финансовая помощь; так, постановлением Совета министров от 30 ноября 1918 г. Добровольческой армии было выделено 10 млн рублей [Артизов; Иванцова. С. 45]. Ранее такую же сумму получило правительство Дона, а Северная армия, организованная на территории Псковской губернии, в ноябре и декабре получила 3 млн рублей [Там же]. По словам нового премьер-министра Украинской державы С.Н. Гербеля, «ассигнование заимобразно Добровольческой армии и Дону было признано необходимым как для общей борьбы с большевиками, так и для отвлечения большеви́стских сил от границ Украины» [Там же. С. 41]. Согласно воспоминаниям министра внутренних дел и юстиции В.Е. Рейнбота, территория Украины рассматривалась в качестве возможного плацдарма будущего столкновения с большевиками и «похода на Москву». Особое значение имели стратегические запасы продовольствия, которыми гетманское правительство сознательно не спешило поделиться с немцами. Только в Харьковской губернии было предусмотрительно заготовлено более 60 млн пудов хлеба. «Вполне ясно сознавая, что будущее движение на Москву возможно только опираясь на Украину, на Харьковскую губернию, что идти в Москву должно не только с войсками, но и поездами продовольствия, гетманское правительство, выполняя свои договорные обязательства по снабжению оккупантов, не выпустило из названной выше губернии ни фунта сахара, ни пуда мяса, ни вагона муки или зерна». [Воспоминания В.Е. Рейнбота... С. 74]. [2]

Предпринимались попытки политического сближения гетманского режима с крупнейшими центрами белого сопротивления на Юге России. Возникший в Киеве в конце октября 1918 г. Совет государственного объединения предложил Добровольческой

армии организовать единый политический центр, который пользовался бы достаточным авторитетом у союзников и был представлен на будущей мирной конференции. Членами Совета были видные русские политики и государственные деятели, в том числе председатель барон В.В. Меллер-Закомельский, А.В. Кривошеин, П.Н. Милюков и С.Н. Третьяков. Правительство гетмана для установления связи с А.И. Деникиным отправило в Екатеринодар своего представителя — военного юриста полковника П.В. Шидловского, который предложил командующему Добровольческой армией «помощь оружием и снаряжением» [Деникин. Гетманство и Директория на Украине. С. 165].

В критический момент, после начала Ноябрьской революции в Германии и заключения перемирия на Западном фронте, гетманское правительство пыталось вывести Украину из дипломатической изоляции и приобрести новых союзников. В ноябре 1918 г. в Румынии состоялось Яское совещание, созванное с целью обсуждения вопросов о возможной помощи Антанты антибольшевистским силам на территории бывшей Российской империи и выработки общей программы для образования единого фронта. Оно представляло собой «совещание ведущих русских политических организаций, пытавшихся договориться между собой для представления союзникам общих пожеланий» [Артизов; Иванцова. С. 37]. Представители союзников, однако, не имели полномочий от своих правительств для принятия каких-либо решений. Российские представители вручили в Яссах союзным дипломатам свои меморандумы, требования которых не оставляли возможности для компромисса с П.П. Скоропадским и сводились к следующим пунктам: 1) единство России; «никаких независимых государств на ее территории в границах до большевистского переворота; 2) согласованные действия с союзниками в борьбе против большевиков; 3) немедленная помощь Добровольческой армии генерала А.И. Деникина; [...] 5) единое командование, вверенное русскому военному начальнику», под которым подразумевался А.И. Деникин [Там же]. Украинская держава на Яском совещании не была представлена, т.к. представитель гетмана М.М. Воронович не смог добраться до г. Яссы и по дороге, в Жмеринке, был убит петлюровцами. Изоляция Украинской державы, отсутствие поддержки стран Антанты и сил российских белых имели для ее судьбы трагические последствия.

В условиях восстания украинской Директории против гетмана, вспыхнувшего 14 ноября 1918 г., поддержка общерусских сил, сконцентрированных в Киеве, была П.П. Скоропадскому критически необходима. Однако до самой агонии гетманского режима существенной поддержки оказано не было. «Русская служилая аристократия, поступив на гетманскую службу, могла бы быть покойной за этическую сторону своего поступка, каковой никогда не мог бы быть квалифицирован как измена русской идее. Между тем, влившись в правительство гетмана, эти люди опыта и знания дали бы всем, если так можно выразиться, «предприятиям» гетмана ту солидность и вес, которых ему так вообще не хватало. [...] Этого, однако, сделано не было, и в том, по-моему, заключается крупная ошибка русской служилой интеллигенции, оказавшейся тогда во всей своей массе в Киеве» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Наладить конструктивное сотрудничество между Добровольческой армией и Украинской державой П.П. Скоропадского не удалось. Единый антибольшевистский фронт и единое командование, несмотря на наличие общего противника, не состоялись по политическим причинам. В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин писал об идейной пропасти, разделившей Украинскую державу и российские общественно-политические и военные силы, выступавшие под лозунгом «единой и неделимой России» [Деникин. Гетманство и Директория на Украине. С. 165]. Отсутствие координации между украинским гетманом, силами Антанты и командованием Добровольческой армии предопределило падение режима П.П. Скоропадского под напором левого националистического движения. Для российского антибольшевистского сопротивления это означало утрату доступа к экономическим и мобилизационным ресурсам украинских территорий, что существенно ослабило позиции Белого движения на Юге России и способствовало поражению в Гражданской войне.

Через два месяца после свержения П.П. Скоропадский без всякого оптимизма говорил о политическом будущем украинских территорий: «С падением гетманщины будут или Петлюра с Винниченко, с его галицийской ориентацией, совершенно нам, русским украинцам, не свойственной, с униатством, с крайней социалистической программой наших доморощенных демагогов, которая, несомненно, приведет к большевизму, или же настоящий большевизм со всеми его последствиями, окончательным разорением того прекрасного края, со страшным усилением российского большевизма!» [Скоропадский. С. 183].

Слова гетмана оказались пророческими: внешнеполитические просчеты руководства Украинской державы и Белого движения способствовали сначала радикализации политического процесса на Украине, открыв путь к власти представителям украинского левого националистического лагеря в лице С.В. Петлюры и В.В. Винниченко, а впоследствии — установлению большевистского режима.

Добровольческая армия

В апреле 1919 г. В.А. Друцкой-Соколинский вместе с семьей прибыл в Екатеринодар. Его путешествие из контролируемого большевиками Смоленска в центр Добровольческой армии заняло пять с половиной месяцев. «На второй же день прибытия моего в Екатеринодар, — писал Владимир Андреевич, — я поступил на службу армии и оставался на этой службе в различных должностях до февраля 1920 г., т.е. почти год. За это время я был свидетелем потрясающего и головокружительного успеха армии, а затем свидетелем столь же быстрого и полного отступления и поражения» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Весна 1919 г. стала для Добровольческой армии «затишьем перед бурей», это время характеризовалось завершением периода изнурительной маневренной обороны и переходом к подготовке масштабного стратегического наступления на север. После успешной ликвидации крупных сил красных на Северном Кавказе командование Воо-

руженных сил Юга России сумело перебросить наиболее боеспособные части в район каменноугольного бассейна, где под руководством генерала В.З. Май-Маевского добровольцы удерживали фронт на линии Мариуполь — Юзовка. Несмотря на численное превосходство большевистских войск, армия сохранила кадровое ядро и, опираясь на захваченные ранее ресурсы Кубани и Терека, а также на начавшиеся поставки снаряжения от стран Антанты через черноморские порты, создала условия для захвата оперативной инициативы. Строились планы глубокого прорыва в направлении Харькова и Царицына, чему способствовала дестабилизация подконтрольной большевикам территории из-за массовых восстаний в тылу Красной армии. К середине весны 1919 г. Добровольческая армия трансформировалась в мощную ударную силу, готовую к реализации «Московской директивы» А.И. Деникина и масштабному расширению подконтрольных территорий. [3]

Вместе с тем стратегическая ситуация ухудшилась из-за положения на Крымском полуострове, где под натиском войск Украинского фронта оборона белых и союзных контингентов в апреле потерпела крах. Согласно воспоминаниям соратника Деникина генерала А.С. Лукомского, «французское командование не присылало в Крым обещанных подкреплений» [Лукомский. С. 88]. Падение Перекопа и последующее занятие большевиками Крыма в течение месяца привело к поспешной эвакуации союзных войск и остатков крымской группировки белых. Этот прорыв спровоцировал масштабный гуманитарный кризис: через черноморские порты на Кубань хлынула волна беженцев, спасавшихся от наступающих большевистских частей. В Новороссийске скопилось несколько десятков тысяч гражданских лиц, что создало колоссальную нагрузку на тыловую инфраструктуру и потребовало от командования Добровольческой армии экстренных мер по организации логистики и снабжения. «Согласно новороссийской портовой статистике, в Новороссийский порт прибыло и осело в городе до 70 000 беженцев, положение коих, ввиду полного отсутствия помещений, малых запасов продовольствия и отчаянных санитарных условий, было поистине трагично. Десятки тысяч этих несчастных, среди коих было много, и даже подавляющее количество, вполне интеллигентных людей, заполняли все портовые эстакады, наполняли площади и улицы города» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Таким образом, к середине весны 1919 г. Добровольческая армия оказалась в ситуации вынужденного стратегического дуализма: готовясь совершить решительный рывок на север для захвата центрально-черноземного района и столицы, она была одновременно обременена необходимостью стабилизации дезорганизованного тыла и защиты линий снабжения. Для ВСЮР административные ресурсы и привлечение опыта профессиональной русской бюрократии были в данном случае критически необходимы. В.А. Друцкой-Соколинский сразу после прибытия в Екатеринодар получил предложение своего сослуживца и бывшего могилевского губернатора А.И. Пильца занять должность столоначальника главноуполномоченного по устройству беженцев из Крыма в г. Армавире [Письмо главноуполномоченного...]. «Эту последнюю должность, учрежденную генералом Деникиным временно, вплоть до ликвидации созданного падением Одессы и Крыма беженского бедствия, А.И. Пильц совмещал со сво-

ими прямыми обязанностями помощника начальника Управления внутренних дел» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. С 22 апреля Владимир Андреевич занимал должность помощника А.И. Пильца в Екатеринодаре, а позднее получил новые, более заметные назначения.

В конце мая 1919 г., в связи с наступлением Добровольческой армии на Астрахань, А.И. Деникин назначил главноначальствующим Астраханским краем генерала И.Г. Эрдели. Астрахань была для Белого движения важным стратегическим пунктом, ее занятие позволило бы установить связь с Уральским казачьим войском, а через него и с сибирским правительством А.В. Колчака. В.А. Друцкому-Соколинскому было предложено занять должность управляющего делами (начальника канцелярии) генерала И.Г. Эрдели (приказ А.И. Деникина о его назначении вышел 11 июня 1919 г.) [Выписка из приказа...]. Так Владимир Андреевич на короткий период снова вернулся на губернскую службу.

«Нами было немедленно приступлено к составлению штатов и положения управления краем, а затем я засел за изучение положения об инородцах — калмыков и киргизов, с каковым вопросом я был до того времени совершенно не знаком. Однако через две недели первоначальный проект моей дальнейшей службы существенно изменился: генерал Эрдели оказался назначенным главнокомандующим Терско-Дагестанского края, [...] я же временно должен был оставаться на своей прежней должности по Астраханской области» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Астраханский поход Добровольческой армии в июне 1919 г. оказался неудачным, вторая попытка занять город в июле-августе под командованием генерала Д.П. Драценко также не принесла результата. Крупные и наиболее боеспособные силы Добровольческой армии были сконцентрированы для захвата Царицына, который и был занят генералом П.Н. Врангелем 17 (30) июня. Астрахань признали менее важным, «провинциальным» направлением; большевики получили возможность укрепить астраханский фронт и не допустить захвата города белыми. В связи с этим Владимир Андреевич решил подать в отставку.

В июле 1919 г. Друцкой-Соколинский был назначен на должность начальника канцелярии главноуполномоченного юго-восточного района Красного Креста, находившегося тогда под руководством И.А. Уварова. Вспоминая это назначение, он особо отмечал «совершенно исключительный качественный состав чинов управления Креста.» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Летом 1919 г. значительное расширение территории, подконтрольной Добровольческой армии, привело к необходимости организации обширного аппарата управления на местах. Успехи генерала В.З. Май-Маевского под Харьковом и Кавказской армии барона П.Н. Врангеля под Царицыном, последующее занятие Воронежа, Орла, Киева и Одессы означали переход под контроль ВСЮР многомиллионного гражданского населения, которое нуждалось в восстановлении минимальных условий для мирной жизни.

ни. Командование ВСЮР стремилось максимально использовать профессиональные управленческие кадры дореволюционной России, что совпадало с желанием многих тысяч представителей образованного класса, бежавших от большевиков, поступить на государственную службу. Центром разработки нового законодательства о местном управлении стало Особое совещание — законосовещательный орган при главнокомандующем А.И. Деникине, выполнявший одновременно функции правительства [Деникин. Очерки... С. 276].

«В Управлении внутренних дел также шла особо нервная и напряженная работа: происходило комплектование кадров администрации для освобожденных от большевиков губерний, составлялись и проводились через Особое Совещание штаты, подбирались личный состав. Параллельно с этим разворачивалось новое положение о земских учреждениях, о волостном земстве и городское положение полиции, о гражданском управлении, о государственной страже и т.д.» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

В.А. Друцкой-Соколинский подчеркивает, что от успеха организации гражданского управления на территориях, подконтрольных ВСЮР, зависел без преувеличения успех всего добровольческого движения на Юге России. Но власть повторяла те же ошибки, что и гетманский режим на Украине. В законоположениях Добровольческой армии, с сожалением констатировал Владимир Андреевич, «определенно и очевидно отразилась спешность их начертания», из-за чего они носили эклектичный характер [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...]. Основу местного управления составила децентрализованная областная структура, где «главноначальствующий» (обязательно из числа генералитета) обладал полнотой власти, делавшей его сопоставимым с правителем автономной области, подчиняясь лично главнокомандующему. Изъяном данной модели была утопическая попытка законодателя совместить режим чрезвычайной военной диктатуры с институтами «нормальной» гражданской жизни имперского образца. Игнорировались специфика прифронтовой полосы и глубина социально-психологической трансформации общества, вызванной революцией. По мнению Друцкого-Соколинского, разработчики системы ошибочно полагали, что физическое вытеснение большевистских сил автоматически реставрирует старый правовой и хозяйственный уклад (суд, полицию, городское и земское самоуправление и т.д.), не учитывая фундаментальный конфликт между методами военной диктатуры и функционированием гражданских институтов.

«Положение как бы предусматривало возможность непосредственного следования за наступающей армией мирных условий жизни, защищенной сильной и даже неограниченной властью. Составители положения вообразили, что если батарея снялась с позиции и ушла вперед, то сейчас же, через 10 минут, на эту покинутую ею позицию явится крестьянин со своим плугом, придет пристав, чтобы обеспечить его личную и имущественную безопасность, судья откроет тут же действия своей камеры, чтобы разобрать все его жалобы и прошения и т.д. Законодатель ясно представлял себе идиллическую картину, в которой, в полуверсте от фронта, течет уже старая, спокойная

и нормальная жизнь, составленная из мелких повседневных хозяйственных интересов, мелких обывательских дрызг и сплетен. Законодатель совершенно не учел глубину полученного русским народом потрясения, и потрясения не только хозяйственного и экономического, но и морального, вообразив, что одно изъятие данной местности с театра непосредственных военных действий создает все необходимые условия для процветания нормальной гражданской жизни населения. Законодатель забыл азбучную истину, что нормальная, то есть старого русского имперского склада, гражданская жизнь и военная диктатура — вещи несовместимые» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

«По моему глубокому убеждению, – заключал Владимир Андреевич, — провал ген. Деникина произошел исключительно от слишком преждевременного введения в отторгнутых территориях аппарата гражданской власти мирного времени» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Там, где требовались чрезвычайные органы управления военного времени, белые правительства спешили воссоздать государственные институты дореволюционной России. Власть губернаторов («главноначальствующих»), городские думы и управы, земские учреждения вновь возникали в охваченной Гражданской войной стране, в аграрных районах, наиболее сильно пострадавших от крестьянских восстаний и обыкновенного бандитизма. По словам В.А. Друцкого-Соколинского, «призванная к действию гражданская власть, не имея в своем распоряжении достаточной силы, лишенная денежных средств, средств сообщений и окруженная страшным бандитизмом, развивавшимся в ближайшем тылу армии, была не в силах оберечь и обеспечить покой населения, не говоря уже о полной для нее невозможности приступить к воссозданию всех до фундамента разрушенных былых устоев и условий нормальной жизни» [Друцкой-Соколинский. Воспоминания...].

Идея воссоздания гражданской мирной жизни в ее дореволюционных формах оказалась нереализуемой, в то время как большевики, не имея необходимости следовать нормам формального права, повсеместно использовали в годы Гражданской войны чрезвычайные революционные органы (ревкомы) и соответствующие чрезвычайные методы. За организацию административного аппарата в армии Деникина отвечали представители того же образованного класса «бывших людей», что и в правительстве П.П. Скоропадского в Киеве, — класса, пропитанного идеями русского официального либерализма. Не до конца осознавая глубину произошедших в России социальных перемен, они с систематическим упорством стремились восстановить в прежних формах разрушенное государственное здание, которое неизбежно снова разрушалось.

В.А. Друцкой-Соколинский упоминает кадета Н.И. Астрова, члена Особого совещания, претендовавшего на роль одного из главных идеологов Белого движения на Юге России при А.И. Деникине. В конце 1919 г. он представил главнокомандующему записку «Тезисы о политическом курсе», где предложил официально объявить программу широких социальных преобразований и реорганизовать правительство. И снова речь

шла не о чрезвычайных обстоятельствах военной диктатуры (и не о фигуре диктатора), а о попытке добиться гражданской солидарности и демократических реформах.

«Власть должна неукоснительно принимать решительные меры в области социальных реформ на демократических основаниях, — писал Астров в записке Деникину. — Эти реформы, среди которых на первом месте должна стоять аграрная реформа, должны установить связь власти с разными слоями населения и по преимуществу с крестьянством, связанным с землей, со всеми элементами, занятыми производительным трудом в области промышленности и торговли, со служилым элементом, с городским населением, с его мещанством и мелким ремесленничеством. Опора на одну какую-либо часть населения и отбрасывание всего остального населения было бы непоправимой ошибкой, которую и использовали бы враги новой власти» [Деникин. Очерки... С. 277].

Идеальная для дореволюционной России, эта программа в 1919 г. была уже совершенно невыполнима. По словам А.И. Деникина, высказанным в «Очерках русской смуты», правительству Юга России предстоял выбор между либерализмом, консерватизмом или «левой политикой правыми руками» — политикой, «которая была испытана впоследствии в Крыму другими лицами без особого успеха» [Деникин. Очерки... С. 278]. Либеральные идеи доминировали в профессиональной бюрократической среде, их разделял и сам главнокомандующий ВСЮР. Однако «либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильным и, предлагая известный политический курс, в то же время не давала своих людей, которые могли бы проводить его в жизнь. Очевидно, и не могла дать, так как, по признанию видных ее деятелей, помимо внутренних расхождений, в этом лагере было очень мало людей, которые революционному разложению и распаду могли бы противопоставить понятную всем организующую силу» [Там же. С. 279]. Без авторитетных лидеров и эффективного аппарата принуждения на местах либеральная идея потерпела крах. Альтернативные мнения в Особом совещании в пользу изменения правительственного курса «вправо» и установления военного правления прозвучали лишь в декабре 1919 г., когда белое дело на Юге России было по существу проиграно.

Заключение

В мемуарах Владимира Андреевича Друцкого-Соколинского с документальной точностью запечатлены наиболее драматичные события переломного периода отечественной истории XX в., связанные с Русской революцией и Гражданской войной. Их ценность для исследователя заключена прежде всего в специфической оптике бывшего имперского администратора и профессионального юриста, уделившего пристальное внимание вопросам организации власти и функционирования государственных структур. Главную трагедию русской истории начала прошлого века Друцкой-Соколинский смог объяснить в простой и исчерпывающей формуле: февральский переворот 1917 г. стал возможен благодаря полному и быстрому захвату революционерами «всего правительственного аппарата» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 40]. В годы Гражданской войны, побывав в захваченном большевиками Смоленске, окку-

пированном немцами Минске, гетманской Украине и в центре добровольческого движения на Юге России, автор представил ценные выводы по поводу организации бюрократического аппарата и создал его живой социальный портрет. После эмиграции в Италию в феврале 1920 г. В.А. Друцкой-Соколинский подчеркивал в своих мемуарах ответственность бывшей имперской бюрократической элиты, разделявшей идеи официального либерализма, за несостоятельность административных учреждений на территориях, подконтрольных Добровольческой армии и другим белым правительствам. Ошибки, допущенные при организации центральной и, особенно, местной власти были, по его мнению, среди ключевых причин поражения Белого движения на Юге России.

Оценки В.А. Друцкого-Соколинского отразили очевидный многим современникам «кризис русского либерализма» и совпали с мнениями других видных свидетелей эпохи и участников белого движения. Генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» отмечал общее для всех белых режимов явление, независимо от их политической ориентации, официальных деклараций и состава участников: «Первые же шаги насаждения государственного строя на обломках прежнего, поросших большевизмом, различаясь внешними формами, большей или меньшей радикальностью и демократизмом содержания, худшей или лучшей организацией — имели везде одну, проникавшую существо их черту: они направляли народную жизнь в старое русло». Расчет лидеров белых на то, что «над страной пронеслась только буря, опрокинувшая, изломавшая реальные ценности, накопленные веками, трудом и разумом поколений, а не наступил глубокий процесс, переродивший духовную природу и психологию нации», оказался ложным [Деникин. Очерки... С. 287].

В.А. Друцкой-Соколинский сформулировал и свое видение будущего России, преодолевшей большевизм. Прекрасно осознавая отдаленность подобной перспективы в годы своей эмиграции, он, тем не менее, считал ее абсолютно неизбежной. Опираясь на собственный опыт русского администратора, он придавал решающее значение вопросам государственной организации в деле будущего социального обновления и возрождения страны. Основой будущей России в его представлении должна была стать не только властная «вертикаль», но и гражданская консолидация общества на низовом уровне. Идеальной моделью такой консолидации он видел церковный приход. По его словам, это подтвердил опыт Добровольческой армии, которая смогла установить наиболее прочную связь с гражданским населением и заручиться поддержкой в тех районах, где была восстановлена полноценная церковная жизнь. На более высоком уровне подлинным центром консолидации общественных сил и интересов должен был стать уезд, с возрождением действовавшей в России до революции земской системы самоуправления, наделенной достаточно широкими полномочиями. «Полагаю, что в будущей России весь центр тяжести должен будет, несомненно, лечь на уездную общественную организацию, скромную, экономную и неутомимо деятельную. И этой организации надо дать полную деловую свободу, полное доверие и поддержку национальной государственной власти. Губернскую же (или областную) общественную организацию надо будет терпеть как нечто неизбежное, как общественную трибуну, столь

необходимую для вечно мятущейся и кипящей русской души» [Друцкой-Соколинский. На службе отечеству. С. 142].

Что же касается представителей старой административной элиты, особенно деятелей кадетской ориентации, во множестве оказавшихся в эмигрантском рассеянии, бывший губернатор В.А. Друцкой-Соколинский не доверял этим силам и не считал их способными к созидательной государственной работе. Лишь опора на сильные и самодостаточные общины на местах могла бы стать, по его словам, надежным фундаментом новой национальной власти.

Примечания

1. «Во время войны законы безмолвствуют» (лат.).
2. Источники подтверждают провал германской и австрийской политики использования продовольственных ресурсов Украины в 1918 г. Оккупантам удалось вывезти лишь незначительную часть из 60 млн пудов (1 млн тонн) хлеба, предназначенного для Центральных держав по Брестскому договору. См. Stachel, A. The consequences of the treaty of Brest-Litovsk for the 1918 UPR in German and Austrian historiography. *Foreign Affairs*, 32(3), 2022. P. 37-43.
3. «Московская директива» — приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина от 20 июня (3 июля) 1919 г., который провозгласил конечной целью наступления белых армий взятие Москвы.

Литература

- Артизов А.Н.; Иванцова О.К. Гетманат П.П. Скоропадского как историческая, историографическая и источниковедческая проблема // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М. 2014. С. 22-62.
- Воспоминания В.Е. Рейнбота о его пребывании в должности товарища министра внутренних дел, министра внутренних дел, а позже министра юстиции в составе правительства гетмана П.П. Скоропадского. Не ранее 31 декабря 1918 г. // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М. 2014. С. 64-133.
- Выписка из приказа Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России по общему управлению 11 июня 1919 г. / Архив семьи князей Друцких-Соколинских.
- Деникин А.И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.-Л. 1930.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 4. Берлин. 1925.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин. 1926.
- Друцкой-Соколинский В.А. Воспоминания 1918–1919 / Рукопись. Архив семьи князей Друцких-Соколинских.
- Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914–1918. М. 2010.
- Керенский А.Ф. Декларация прав солдата. М. 1917.
- Лукомский А.С. Деникин и Антанта // Деникин. Юденич. Врангель: мемуары. Сост. С.А. Алексеев. М.-Л. 1931.

Письмо генерала М.В. Алексева военному министру А.Ф. Керенскому о состоянии армии, май 1917 г. / ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 482.

Письмо главноуполномоченного по устройству беженцев, помощника начальника Управления внутренних дел А.И. Пильца В.А. Друцкому-Соколинскому 2 апреля 1919 г. / Архив семьи князей Друцких-Соколинских.

Приказ Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России по общему управлению 12 июля 1919 г. / Архив семьи князей Друцких-Соколинских.

Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М. 1957.

Скоропадський П.П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія. 1995.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-106-114

УДК 94

Михаил Дмитриев

Империя против национализма: генерал Деникин и маршал Пилсудский (О проблематике книги Яна Энгельгарда «Русский синдром. Дело генерала Деникина в историческом контексте»)

Аннотация. *Статья содержит анализ вышедшей в 2024 г. в Варшаве книги польского историка Я. Энгельгарда и ее неожиданной концепции. Энгельгард аргументированно показал, что в 1919 г. Ю. Пилсудский, возглавив возрожденное польское государство и пойдя на тайный союз с большевиками, чтобы помочь им остановить наступление армии генерала Деникина на Москву, руководствовался не военными расчетами, а «русским синдромом» — иррациональной националистической неприязнью к России и русским. Со своей стороны, А.И. Деникин исходил из принципов традиционной наднациональной имперскости, но не был противником создания суверенной Польши, а его представления о русском не были выражением этнического национализма. В книге убедительно развенчивается миф о том, что Белое движение и его лидеры планировали вернуться к границам 1914 г. и ликвидировать возрожденную польскую независимость. Представляет интерес и критическое рассмотрение Энгельгардом польской историографии восточной политики Пилсудского, которая была и остается чаще всего подчиненной логике того же «русского синдрома».*

Ключевые слова: Я. Энгельгард, «Русский синдром», генерал А.И. Деникин, маршал Ю. Пилсудский, польский национализм, Россия, Польша, империя, польская историография, А. Новак.

В 2024 г. в Варшаве вышла неожиданная по концепции книга польского историка Яна Энгельгарда «Русский синдром. Дело генерала Деникина в историческом ракурсе» [Engelgard]. Неожиданное в этой книге имеет три аспекта.

Во-первых, это яркое напоминание о том, что вождь возрожденного польского государства Юзеф Пилсудский, будущий маршал и решительный враг Советской России, в 1919 г. фактически заключил негласный союз с большевиками — ради того чтобы остановить наступление Добровольческой армии генерала А.И. Деникина на Москву. Был ли спасен коммунистический режим в 1919 г. именно по этой причине, как думал Деникин [Деникин. Кто спас...], или он выстоял благодаря другим факторам — в общем-то, не так уже и важно. Важно попробовать понять вместе с Яном Энгельгардом,

Сведения об авторе: ДМИТРИЕВ Михаил Владимирович — профессор Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), доктор исторических наук, dmitrievm300@gmail.com.

что стояло за столь неожиданным выбором союзника для возрожденной Польши, чей политический класс, включая самого Пилсудского, большевиков искренне и ярко ненавидел.

Второй «сюрприз» книги: очевидная иррациональность политики Ю. Пилсудского в этот столь критический для будущего и России, и Польши момент. Иррациональность выбора между Деникиным и Лениным, сделанного Пилсудским в пользу Ленина, была ярко и однозначно подтверждена провалом польского похода на Киев и стремительным, почти что сокрушительным походом войск М. Тухачевского на Варшаву в 1920 г. Польша едва не погибла и была спасена лишь «чудом на Висле» (*cud nad Wisłą*), как это верно зафиксировала и выразила польская историческая память.

Третья сторона дела — тот взгляд на Польшу и поляков и на пресловутый «национальный вопрос», который был присущ Деникину и, видимо, многим военным и политикам из монархического лагеря. Оказалось (если ограничиться примером одного лишь Деникина), что лозунг «единой и неделимой России» вовсе не предполагал сохранения русской имперской власти над Польшей. А за этой констатацией стоит принципиальнейший вопрос: что за тип русского «империализма» противостоял последовательному польскому национализму Пилсудского и его единомышленников?

Обратимся к главному в содержании книги. В 1919 г. Пилсудский имел возможность пойти на военный союз с Деникиным, и это могло бы привести к успеху наступления Добровольческой армии на Москву. Польский лидер выбрал иную линию: поддержать большевиков и, одновременно, Симона Петлюру и тогдашних украинских националистов в их жестокой борьбе против старой России, передав Ленину через своего бывшего товарища по партии Юлиана Мархлевского обещание не двигать польские войска далее определенного рубежа. Были проведены соответствующие тайные переговоры, и это позволило большевикам перебросить силы с советско-польского фронта на «красно-белый» фронт для борьбы с Деникиным. Белые были остановлены, Советская власть — спасена. Это оказалось «заслугой» Пилсудского.

Сам по себе данный факт достаточно хорошо и давно известен. О нем много написано; опубликованы документы, относящиеся к этому эпизоду связей Пилсудского с большевиками. Однако книга Энгельгарда убедительно показывает две малоизвестные стороны дела, касающиеся более мотиваций *dramatis personae*, чем фактов военно-политической истории как таковых.

Во-первых (и это не может не вызвать удивления у неподготовленного читателя), Деникин оказывается, был *полонофилом*, сыном русского офицера, прошедшего путь от сданного в рекруты крепостного крестьянина до майора, и матери-польки, очень простой женщины, которая так и не выучилась как следует говорить по-русски. Деникин вырос в Польше (во Влоцлавке и Ловиче), в польской среде и, соответственно, свободно говорил по-польски [1]. Важно заметить, что он, как и другие идеологи и лидеры Белого движения, видел будущую независимую и сильную Польшу как государ-

ство-буфер между Россией и Германией, вовсе не стремясь к включению этнических польских земель в восстановленную Российскую империю. «Единая и неделимая Россия» в его глазах и в глазах его круга не распространялась на все бывшие имперские территории монархии Романовых. Одновременно Деникин прозорливо предсказывал, что польско-русским антагонизмом, если он укрепитя, воспользуется Германия, приведя Польшу к катастрофе.

Второй важный результат исследовательских усилий Энгельгарда — это, повторим, анализ *иррациональных* начал во взглядах огромной части польских элит и самого Пилсудского на Россию и русских. Сделанный Пилсудским ошибочный выбор (союз с большевиками против Деникина), показывает Энгельгард, был порожден не какими-то тонкими военно-стратегическими соображениями, а «зашоренным» взглядом будущего маршала на Российскую империю и ее элиты. Из книги следует, что именно *иррациональность* ментальности и политического мышления Пилсудского в том, что касается всего русского, стала едва ли не главным фактором в выборе курса на временный (хотя и тайный) союз польского националиста с большевиками-интернационалистами ради победы над прежней, дореволюционной, ненавидимой «империей русских». (Не слишком любимое мною слово «руссофобия» в данном случае, увы, было бы самым адекватным и *научно* точным для передачи неотрефлексированного, спонтанного, усвоенного как нечто само собой разумеющееся отторжения России, русской культуры, русских людей.)

Первая глава (названная автором «прологом») посвящена недавно переизданным мемуарам польского государственного банкира Ст. Карпинского, который был школьным приятелем Деникина и восстановил связь с ним в середине 1930-х годов, послав генералу книгу своих воспоминаний. Деникин ответил дружелюбным письмом и несколько позднее просил Карпинского помочь с публикацией в Польше «Обращения к полякам». В этой работе как раз шла речь о фатальном выборе, сделанном Пилсудским: опереться на большевиков и Петлюру ради предотвращения возрождения дореволюционной России. Деникину не только было везде отказано в публикации его рукописи, но на него в Польше обрушился поток брани, представляя генерала ненавистником и «пожирателем поляков» («*Polakożerca*»), олицетворявшим самые черные стороны российской государственности.

Следующие две главы убедительно развенчивают миф о том, что Белое движение и его лидеры планировали в случае победы вернуться к границам 1914 г. и ликвидировать возрожденное польское государство. Здесь же подробно рассмотрен вопрос об отношении самого Деникина к новой Польше и его понимании «польского вопроса». Деникин признавал принцип, провозглашенный российским Временным правительством 29 (16) марта 1917 г. в «Воззвании к польскому народу»: Польша будет независимым суверенным государством, в котором соединятся земли, оказавшиеся когда-то в составе России, Германии и Австро-Венгрии — те, на которых преобладает польское население. Соответствующие законы должны были быть приняты польским и российским конституционными собраниями.

В конце сентября 1919 г., принимая «с исключительной торжественностью и сердечностью» генерала А. Карницкого в Таганроге, А.И. Деникин «приветствовал послов Польского государства» и заявил следующее: «После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжелых потрясений мировой войны и общей разрухи, два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на тождестве государственных интересов и на общности внешних противодействующих сил. Я от души желаю, чтобы пути наши более не расходились. Подымаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз» [Деникин. Кто спас... С. 12].

Далее Энгельгард подробно рассматривает вопрос о миссии Карницкого к Деникину в сентябре 1919 г. и одновременных тайных маневрах Пилсудского, который искал сближения с Лениным. Задачей миссии Карницкого было удержать Деникина в рядах союзников Польши, скрыв от него, что польские войска за спиной Деникина фактически поддержат Красную, а не Белую армию. Обман удался, против Добровольческой армии были переброшены части (43 тыс. красноармейцев), которые прежде противостояли полякам. Наступление Деникина на Москву было остановлено.

Тот факт, что Пилсудский сорвал наступление Добровольческой армии на Москву, пойдя на негласный союз с большевиками, давно признан и никак не может быть оспорен. Новизна книги Я. Энгельгарда в другом: он показывает, что Пилсудский оттолкнул политика и военного деятеля, который был сторонником создания сильного независимого польского государства. Более того, Деникин (как хорошо видно из упомянутой автобиографии и других его высказываний) испытывал симпатию к Польше, полякам и польской культуре, соединяя это с чувством вины за политику «русификации» в польских землях в последние десятилетия XIX в. Даже несмотря на острую неприязнь персонально к Пилсудскому, констатирует Энгельгард, Деникин *ни разу* не позволил себе негативного или пренебрежительного отклика о поляках.

Три главы книги посвящены шедшей в кругах польской эмиграции полемике вокруг выбранной Пилсудским в годы борьбы с большевизмом внешнеполитической программы по отношению к Советской России и к Белому движению. Из этого раздела ясно видно, с каким трудом польская мысль справлялась с гипотезой, что маршал Пилсудский мог ошибаться, и насколько привычна была идея, что слабость и беды России (вплоть до возможного и желанного раздробления ее на несколько частей по мстительной аналогии с польскими разделами) хороши для Польши. Споры начались сразу после смерти Пилсудского — до того было невозможно публиковать сведения об его ошибках. Особенное значение имело появление в 1937 г. воспоминаний генерала Т. Кутшебы об авантюристическом походе польской армии на Киев в 1920 г. и нежелании Пилсудского поддержать Врангеля [Kutrzeba]. Именно на эту книгу Деникин ответил брошюрой «Кто спас Советскую власть от гибели?». В 1960-е годы острой критике политику Пилсудского подверг писатель и публицист Юзеф Мацкевич (Энгельгард называет эти выступления «крестовым походом» в защиту Белого движения), но влияние Мацкевича не выходило за пределы эмиграционных кругов.

Заключительная глава книги откликается на дискуссии о восточной политике Пилсудского, развернувшиеся с конца XX в. Энгельгард остро, «задиристо», но в пределах академических приличий реагирует на то, как оценки внешнеполитической деятельности Пилсудского подчиняются логике общего последовательно враждебного взгляда на Россию. Характернейший и печальный пример такого агитационного подхода к истории России и польско-российских отношений и связей — многочисленные и огромные по объему публикации краковского профессора Анджея Новака [Nowak] [2]. Новак не скрывает своего восхищения Пилсудским и ненависти к России как государству. Главным среди страшных «пороков» российской государственности оказывается тот факт, что Россия — империя. Редкий для представителя академического сообщества случай: Новак заявляет, что выражение «империя зла», запущенное спичрайтерами Р. Рейгана, может быть принято и как научное понятие. Соответственно, враждебный взгляд Пилсудского и на Деникина, и на Врангеля был *рациональной* борьбой с «демонической имперскостью» России. А вот Энгельгард, споря с оппонентами и в первую очередь с Новаком, призывает признать, что в основе политики Пилсудского в отношении России (в том числе в отношении белого движения) не было «никакой позитивной концепции, были лишь негативизм, высокомерие и слепая ненависть» [Engelgard. S. 290].

Значительную часть книги составляют приложения. Среди них — доклад польского эмиссара В. Бем де Косбана о разговоре с Деникиным 20 августа 1919 г., из которого видно, что Добровольческая армия готова была выступить вместе с войсками Пилсудского против большевиков. Здесь и письмо Деникина Пилсудскому от 29 ноября 1919 г, в котором Деникин задал «начальнику Польского государства» вопрос: почему обещанное наступление так и не началось? Ведь прежде, в сентябре 1919 г., Деникин принял за чистую монету обещание Пилсудского (переданное через ген. А. Карницкого) начать одновременно с добровольческими войсками наступление на позиции Красной армии. В приложениях опубликован перевод на польский язык брошюры Деникина «Кто спас Советскую власть от гибели?» (Париж, 1937 г.), где говорится о фактическом союзе Пилсудского с большевиками и срыве данных Деникину обещаний, а также предсказана горькая судьба Польши в 1939 г. Из других документов заслуживают упоминания написанное Деникиным в 1937 г. «Обращение к полякам», которое было издано в Париже (на польском языке), потому что ни одно польское издание не захотело этот текст опубликовать; несколько научно-публицистических статей на тему «Деникин и Польша», например, выступление историка и филолога профессора М. Здзеховского (Здзеховского) в 1936 г. об ошибках в восточной политике Пилсудского; две статьи польского эмиграционного политика Е. Гертыха о Пилсудском и Деникине; статья-некролог Д. Окунева «Судьба генерала Деникина».

По своему жанру книга Я. Энгельгарда есть и исследование, и публицистика. Противоречия между этими двумя характеристиками нет, потому что за обеими стоит научный подход (в скромных пределах, отведенных истории как науке самой природой гуманитарного знания). Главная заслуга автора в том, что книга показывает, насколько велик был вес *нелепого и абсурдного* в мышлении польских элит о России в межвоен-

ный период и насколько прочна власть иррациональных антирусских и антироссийских стереотипов и фантазмов над современной польской общественной мыслью.

Но этим дело не ограничивается. Материалы и выводы книги Энгельгарда заставляют обратить внимание на очень важную академическую проблему. Оттолкнувшись от книги польского историка и обратившись к многочисленным текстам, оставленным Деникиным (публицистическим, литературным, эпистолярным) [3], невозможно, кажется, не увидеть, что взгляд Деникина на «национальное» (в связи со взглядом на Польшу, поляков и польский вопрос) не был взглядом русского *националиста* – если терминам «национализм» и «националист» придавать то значение, какое присуще современному русскому языку (а наш язык в этой дискурсивной области остается все еще языком советского времени).

А если Деникин (пока — предположительно!) не был русским *националистом*, то как квалифицировать его взгляды на русский и польский вопросы?

Тут нужно непременно не забыть, что Деникин (в отличие от нас) был свободен от пут созданного советской школой набора понятий и представлений о нации, этносе, национализме, империи... Он мыслил обо всем этом не так, как мыслят привычные нашему воображению националисты. Это становится более или менее ясно при сплошном, «корпусном» чтении (или хотя бы просмотре) письменного наследия генерала. Кто такие — «русские люди» и «русский народ»? Что такое «Россия»? Что значит «национальное» применительно к России, ее народу и ее «русским людям»? Читая сегодня написанное Деникиным, мы спонтанно исходим из посылки, что его и наш язык — общий. В самом ли деле это так? Упомянув «русских людей», «русский народ», «русскую культуру» и «русскую интеллигенцию», «русское чиновничество» и «русское духовенство» — говорил ли Деникин на том же языке образованности, на каком говорим сегодня мы? Отнюдь. Нет никакого сомнения, что для Деникина немцы (в том числе и немцы-протестанты) среди офицеров и генералов императорской армии — это «русские люди» и «русские офицеры»; «текинцы», так верно служившие Корнилову, и другие выходы с Кавказа — это тоже «русские»; разумеется, «русскими» были для него и те, кого мы теперь называли бы украинцами и белорусами. То же самое касается татар, армян, грузин... Этот список можно продолжить.

Кто же такие — «русские люди» в понимании Деникина? Это преданные России *подданные* (то есть граждане) Российского государства, а это государство есть «общая империя всех русских людей». В ней нет и не может быть никакой «господствующей имперской нации». Одним из носителей такой ментальности был генерал Антон Иванович Деникин. А маршал Юзеф Пилсудский был голосом одной из *nationes*, которые хотели «общую империю» непременно разрушить, разделить на части и приватизировать (как Лопухин хотел разрезать на дачи прекрасный вишневый сад).

Из книги Яна Энгельгарда, как и из многочисленных исследований по истории польского национализма [4], видно, что в лице Пилсудского и его окружения Деникину

и русскому Белому движению противостоял усредненно-европейский идентитарно-этнический национализм. И этому «банальному» [Billig] национализму был присущ «русский синдром» — ослепленно-иррациональная вражда к России.

* * *

«История не знает сослагательного наклонения»... Положа руку на сердце, этот трюизм на самом деле ложен. Допустим, вопреки принятым правилам академических рестрикций, что Пилсудский не обманул бы Деникина, поддержал бы его поход на Москву, и «белые» победили бы «красных»... Какая *историческая перспектива* открылась бы перед нашей страной? И какой виделась эта будущая, но не сбывшаяся Россия самому генералу Деникину? В 1937 г. он писал: «Не за торжество того или иного режима, не за партийные догматы, не за классовые интересы и не за материальные блага подымались, боролись и гибли вожди Белого движения, а за спасение России. Какой государственный строй приняла бы Россия в случае победы Белых армий в 1919–1920 гг., нам знать не дано. Я уверен, однако, что после неизбежной, но кратковременной борьбы разных политических течений в России установился бы нормальный строй, основанный на началах права, свободы и частной собственности. И уж во всяком случае — не менее демократический, чем тот, который ввел в Польше покойный маршал...» [Деникин. Кто спас... С. 10]. Конечно, процитировав эти полные горечи слова, нужно оговориться, что они сказаны в 1937 г. Однако нет, кажется, никаких оснований утверждать, что в 1918–1920 гг. Деникин думал иначе.

Стоит непременно обратить внимание на крохотную брошюру с фотографией Деникина на обложке, опубликованную весной 1919 г. Она озаглавлена «Наши цели. За что мы боремся?» и содержит «официальное сообщение председателя Особого Совещания при главнокомандующем вооруженными силами на юге России от 10 апреля 1919 г.». Целями «в борьбе с советской властью и в государственном строительстве» названы следующие: «1. Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка. 2. Восстановление могущественной Единой и неделимой России. 3. Созыв народного собрания на основах всеобщего избирательного права. 4. Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления. 5. Гарантия полной гражданской свободы и свободы вероисповедания. 6. Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения. 7. Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом». А далее помещены два кратких текста-разъяснения: «Ген. Деникин о земельном вопросе» и «Ген. Деникин о рабочем вопросе» [Деникин. За что...].

Так это пропаганда! — воскликнет строгий и постный историк... Но разве пропаганда — непременно ложь?

Так какую же Россию мы потеряли в годы роковой Гражданской войны?

Примечания

1. В конце жизни А.И. Деникин успел ясно и честно рассказать о детстве и отрочестве, проведенных в Польше, среди именно поляков [Деникин. Путь русского офицера...].
2. Nowak A. Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji i wobec Rosji, 1831–1849. Warszawa. 1994; *idem*. Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej, 1733–1921. Warszawa. 1995; *idem*. Polacy, Rosjanie i biesy. Studia i szkice historyczne z XIX i XX wieku. Kraków. 1999; *idem*. Ab Imperio. Nowe spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków. 2004; *idem*. Od imperium do imperium. Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Warszawa. 2004 (тут: Spory o politykę wschodnią Piłsudskiego: bohater, zdrajca, czy kozioł ofiarny. S. 224–244); *idem*. Powrót do Polski. Szkice o patriotyzmie po “końcu historii”. Kraków. 2005; *idem*. Polska a trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków. 2008 (wyd. 2 poprawione); *idem*. Ojczyzna ocalona. Wojna sowiecko-polska, 1919–1920. Kraków. 2010; *idem*. Imperiological Studies. A Polish Perspective. Kraków. 2011; *idem*. «Lewa wolna», albo o spiskach Piłsudskiego z Leninem // Nowak A. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin I inni. Wyd. 2. Kraków. 2012. S. 222–249; *idem*. Ofiary, imperia i historycy (od XVIII do XXI wieku). Kraków. 2009; *idem*. Kto powiedział że Moskale są to bracia nas Lechitów... Szkice z historii wyobraźni politycznej Polaków. Kraków. 2016; *idem*. Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921. Geopolityka, ody i narody. Kraków. 2018; *idem*. Klęska Imperium Zła. Rok 1920. Kraków. 2020; *idem*. Polska i Rosja. Sąsiedztwo wolności i despotyzmu X–XXI w. Kraków. 2022; *idem*. Powrót “Imperium Zła”: ideologie współczesnej Rosji, ich twórcy i krytycy (1913–2023). Kraków. 2023; *idem*. The forgotten appeasement of 1920. Lloyd George, Lenin and Poland. London, N. Y. 2023.
3. Это прежде всего написанные в 1921–1926 гг. весьма подробные «Очерки русской смуты» в 5 томах [Деникин. Очерки...]; Деникин А.И. Путь русского офицера; *он же*. Офицеры. Очерки. Париж. 1928. *он же*. Старая армия. Париж. 1929. *он же*. Кто спас Советскую власть от гибели? *он же*. Мировые события и русский вопрос. Париж. 1939. Многие тексты Деникина собраны в издании: *он же*. На страже русской государственности. Избранные статьи. Речи. Письма. М. 2014. См. также: Ипполитов Г. Кто Вы, генерал Деникин? Монографическое исследование. 2е изд. Самара. 1999; Ипполитов Г. Деникин. М. 2006 (ЖЗЛ); А.И. Деникин: *Pro et contra*. Личность А.И. Деникина и деяния его в историографии и исторических источниках / сост. Г. Ипполитов. СПб. 2018; Пученков А.С. Национальная политика Деникина. СПб. 2016.
4. См. напр.: Micewski A. Roman Dmowski. Warszawa. 1971; Serejski M. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej. Warszawa. 1973; Grzybowski K. Ojczyzna — Naród — Państwo. Warszawa. 1977; Walicki A. Philosophy and Romantic Nationalism: the Case of Poland. Oxford, 1982; Walicki A. The Enlightenment and the Birth of Modern Nationhood. Polish Political Thought from Noble Republicanism to Tadeusz Kosciuszko. Chicago. 1989; Wapiński R. Roman Dmowski. Lublin. 1989; Kizwalter T. O nowoczesności narodu: przypadek polski. Warszawa. 1999; Buthak W. Dmowski — Rosja a kwestia polska. U źródeł orientacji rosyjskiej obozu narodowego 1886–1908. Warszawa. 2000; Łepkowski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu 1764–1870. Poznań. 2003; Kawalec K. Roman Dmowski: wszystko, co polskie jest moje // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2007. nr 8–9 (79–80). S. 117–125; Walicki A. Nacja, nacjonalizm, patriotyzm. Kraków. 2009; Kawalec K. Roman Dmowski. Poznań. 2016; Krzywiec G. Szowinizm po polsku. Rzypadek Romana Dmowskiego (1886–1905). Warszawa. 2009; Wrzosek T. Dyskurs

nacjonalistyczny w Polsce — główne idee // *Journal of Modern Science*, tom 3/26/2015. S. 349–362. См. также: *Булахтин М.А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX в. Пермь. 2006; *Лыкошина Л. С.* Радикальный национализм в современной Польше в свете идейного наследия Романа Дмовского: Аналитический обзор. М. 2016; Лыкошина Л. С. Роман Дмовский о национальном вопросе // *История*. Т. 7. Проблемы национальных меньшинств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. Вып. 5(49), 2016. Едва ли не лучшая обобщающая работа на эту тему — книга Б. Портера, очень трезво рисующего картину движения идеологии польского национализма от романтизма к шовинизму (*Porter B.* *When Nationalism Began to Hate. Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland.* Oxford. 2000). Нужно также иметь в виду, что и «пророссийские» взгляды яркого националиста-шовиниста Романа Дмовского, и идеология всего лагеря «национальной демократии», и «федерализм» Ю. Пилсудского и его лагеря ставили «нацию поляков» в центр всех построений, а вопрос об отношении к Германии, России, Чехии, Украине и т.д. был вопросом политического маневрирования ради утверждения польских национальных интересов.

Литература

- А.И. Деникин: *Pro et contra*. Личность А.И. Деникина и деяния его в историографии и исторических источниках / сост. Г. Ипполитов. СПб. 2018.
- Деникин А.И. За что мы боремся? [Б. м.] : [б. и.], [1919?]. URL: rusneb.ru/catalog/000199_000009_008599248/ (дата обращения 20.02.2026).
- Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели? Париж. 1937.
- Деникин А.И. На страже русской государственности. Избранные статьи. Речи. Письма. М. 2014.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. М. 2020.
- Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк. 1953.
- Пученков А.С. Национальная политика Деникина. СПб. 2016.
- Billig M. *Banal Nationalism*. London. 1995.
- Engelgard J. *Rosyjski syndrom. Sprawa gen. Antona Denikina z perspektywy historycznej*. Warszawa. 2024.
- Kutrzeba T. *Wyprawa kijowska 1920 roku*. Warszawa. 1937.
- Nowak A. *Jak rozbić rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej, 1733–1921* Warszawa. 1995.
- Nowak A. «Lewa wolna», albo o spiskach Piłsudskiego z Leninem // Nowak A. *Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni*. Wyd. 2. Krakow. 2012. S. 222–249.
- Nowak A. *Kłęska Imperium Żła. Rok 1920*. Kraków. 2020.
- Nowak A. *Kto powiedział że Moskale są to bracia nas Lechitów... Szkice z historii wyobraźni politycznej Polaków*. Kraków. 2016.
- Nowak A. *Polska a trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku)*. Kraków. 2008 (wyd. 2 poprawione).
- Nowak A. *Polska i Rosja. Sąsiedztwo wolności i despotyzmu X–XXI w.* Kraków. 2022.
- Nowak A. *Powrót „Imperium Żła”: ideologie współczesnej Rosji, ich twórcy i krytycy (1913–2023)*. Kraków. 2023.
- Porter B. *When Nationalism Began to Hate. Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland*. Oxford. 2000.

АКТУАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI 10.32726/2411-3417-2026-1-116-128

УДК 327

Елена Штрыкова, Дмитрий Фёдоров

Искусственный интеллект как фактор трансформации международных отношений: обзор отечественных и зарубежных экспертных публикаций

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор актуальных экспертных публикаций по проблематике внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в сферу международных отношений. В ряде стран ИИ уже активно используется во внешнеполитическом планировании, при моделировании кризисов, в подготовке к переговорам и для решения других дипломатических задач. Эксперты указывают на двойственный потенциал ИИ: с одной стороны, быстрая и эффективная обработка больших объёмов данных открывает беспрецедентные возможности, с другой стороны, возникают новые геополитические, технологические и этические вызовы. Особое внимание уделяется угрозам технологического неокOLONиализма, утраты суверенитета и разрушения традиционных основ дипломатии как искусства межчеловеческих отношений. На этом фоне остро встает вопрос о необходимости международного регулирования в сфере ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, международные отношения, дипломатия, неокOLONиализм, технологический суверенитет, новая иерархия.

В ряде стран искусственный интеллект (ИИ) уже активно используется во внешнеполитическом планировании, при моделировании кризисов, в подготовке к переговорам и для решения других задач в сфере международных отношений. Начинает формироваться качественно новая парадигма, в рамках которой алгоритмы ИИ из прикладного инструмента, повышающего эффективность работы военных и гражданских специалистов, превращаются в субъект стратегического планирования.

На этом фоне продолжается экспертное обсуждение перспектив дальнейшего внедрения ИИ в различные аспекты международных отношений. Основным предметом развернувшейся дискуссии стал поиск оптимального соотношения между позитивной ролью ИИ (в повышении эффективности кризисного моделирования, ведения переговоров, решения иных задач внешнеполитических ведомств) и потенциальными риска-

Сведения об авторе: ШТРЫКОВА Елена Михайловна — сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, шеф-редактор портала «Перспективы», shtrykovaem@inbox.ru;

ФЁДОРОВ Дмитрий Юрьевич — эксперт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, dyfdrv@gmail.com.

ми, такими как возможные искажения результатов анализа больших массивов данных, уязвимость к хакерским атакам, использование ИИ для технологического, экономического и ценностного доминирования, широкий спектр связанных с ИИ этических проблем и др.

ИИ как инструмент повышения эффективности внешней политики

Согласно распространенным ожиданиям, ИИ-модели, используемые для автоматизации рутинных задач, а также повышения эффективности анализа данных и прогнозирования кризисов, будут гармонично интегрированы в повседневную дипломатическую практику, высвобождая ресурсы для решения задач, требующих участия человека. В интервью одного из ведущих экспертов в области использования ИИ во внешней политике, бывшего высокопоставленного сотрудника Агентства национальной безопасности США, а ныне советника ряда корпораций и лектора Университета Джонса Хопкинса (США) Р. Беркоффа, опубликованном в июне 2025 г. под заголовком «Может ли искусственный интеллект принимать решения о войне и мире?», подчеркивается: «Современный подход трактует искусственный интеллект как инструмент расширения и усиления [когнитивных] возможностей... Благодаря растущей вычислительной мощности реализуются сложные сценарии моделирования и симуляции, в том числе на основе технологии цифровых двойников... Это повышает ситуационную осведомленность, расширяет спектр опций, позволяет взвесить потенциальные последствия и минимизирует неопределенность при принятии решений» [Berkoff].

В статье сингапурских экспертов А. Хемраджани и Р. Тана, опубликованной в интернет-издании Школы международных исследований им. С. Раджаратнама (RSIS) при Наньянском технологическом университете, также сделан акцент на способности ИИ быстро обрабатывать колоссальные объемы данных, что позволяет автоматизировать документооборот и прочие вспомогательные функции, сосредоточив усилия дипломатов на задачах стратегии и взаимодействия. Областью применения ИИ становится прогнозирование событий и тенденций на международной арене, в том числе конфликтов, нестабильности и геополитических сдвигов. Так, в Технологическом университете Мюнстера (Германия) разработана модель, с помощью которой, как утверждает, можно оценить шансы на стабильное развитие любой страны. Кроме того, ИИ-технологии открывают беспрецедентные возможности по мониторингу современных процессов в реальном времени (включая анализ социальных сетей и другую текущую информацию), моделированию переговорных стратегий и кризисного регулирования, предупреждению и разрешению конфликтов [Hemrajani, Tan].

В формулировке сингапурских экспертов, «применение ИИ-моделей способно трансформировать саму архитектуру международных переговоров, особенно в части разработки мирных соглашений и организации коммуникации между сторонами» [Hemrajani, Tan]. Обученная на результатах игрового моделирования, анализе публикаций СМИ и исторических документов, ИИ-модель способна генерировать варианты предложений по урегулированию конфликтов с заданными предпочтениями по тем или иным

параметрам (таким как территориальные вопросы, безопасность, соответствие нормам права и экономическим соглашениям).

Авторы отмечают успешное использование, в рамках миссии ООН в Ливии и курируемого ею мирного процесса, ИИ-платформы Remesh, которая вела масштабные опросы и обеспечивала чат с большим количеством участников — до 1000 в каждой сессии. «Доступный через мобильные устройства с низкой пропускной способностью и поддерживающий местные диалекты арабского языка, данный инструмент помог сформировать дорожную карту постконфликтного урегулирования...» [Nemrajaní, Tan].

В качестве еще одного примера использования ИИ в кризисном регулировании приводится разработанная Всемирным банком ИИ-модель для прогнозирования потоков беженцев из Южного Судана и Демократической Республики Конго в Уганду.

Технологии расширенной реальности (XR), цифровых двойников и виртуального моделирования используются для подготовки к сложным ситуациям и переговорам, что, как ожидается, позволит минимизировать риски нежелательных сценариев. Так, «цифровой двойник морского спора способен имитировать совокупность последствий таких мер, как введение морской блокады или создание бесполетной зоны, включая цепную реакцию всех экономических и политических эффектов» [Nemrajaní, Tan]. В этой связи упоминается программный комплекс North Star (разработчик — базирующаяся в Нью-Йорке компания Anadyr Horizon), определяющий на основе анализа политических, экономических и военных факторов вероятность международного конфликта или эскалации.

Сингапурские эксперты указывают и на пределы возможностей ИИ в сфере международных отношений. Ссылаясь на мнение одного из ведущих авторитетов в области ИИ, профессора Калифорнийского университета в Беркли С. Рассела, они предупреждают от «солюционизма», упования на то, что ИИ-технологии разрешат все проблемы. «Геополитические вопросы часто связаны с крайне сложными и деликатными человеческими конфликтами, где дипломатия по-прежнему опирается на доверие и эмпатию, которые возникают исключительно в ходе коммуникации между людьми. Американо-китайское сближение 1970-х годов стало возможным во многом благодаря личной симпатии между госсекретарем США Г. Киссинджером и главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем — ни один технологический алгоритм не был бы в состоянии смоделировать все нюансы их неофициальных переговоров» [Nemrajaní, Tan]. Кроме того, инструменты ИИ уязвимы и могут выдавать ошибочные результаты под воздействием манипуляций со стороны противника, дипфейков, дезинформации и других факторов. Поэтому «окончательные решения должны оставаться прерогативой дипломатии, тонко учитывающей исторический контекст и эмоциональные факторы» [Nemrajaní, Tan].

В заключение эксперты RSIS подчеркивают ценность внешнеполитического потенциала ИИ для Сингапура «как малой страны, высоко интегрированной» в междуна-

родную систему [Nemrajaní, Tan]. Тем самым они указывают на дополнительное стратегическое преимущество, которое ИИ-технологии способны дать малым и средним государствам в условиях геополитической конкуренции и неопределенности.

Предвзятость алгоритмов ИИ

Все более заметное место в публикациях занимает проблематика рисков и угроз, связанных со стремительным внедрением ИИ в сферу международных отношений. Серьезные опасения вызывает такое свойство нейросетей, как предвзятость. Этой теме посвящен, в частности, материал независимого американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS) «Предвзятость ИИ при принятии критически важных внешнеполитических решений», подготовленный на основе тестирования ряда больших языковых моделей в условиях моделирования 400 внешнеполитических сценариев и ответов на 60 тыс. вопросов. «Результаты выявили тревожную тенденцию: некоторые из широко используемых моделей ИИ демонстрируют явную склонность к эскалации в кризисных сценариях...» [Atalan, Reynolds, Jensen].

Авторы публикации предупреждают: «Если модели искусственного интеллекта будут систематически склонять чашу весов в пользу эскалации, это может привести к тому, что и в процессе политического анализа предпочтение в конфликтных ситуациях будет отдаваться более агрессивным шагам, что повысит риск просчетов в геополитической обстановке с высокими ставками. Без постоянной оценки и доработки, ИИ может усилить тенденции к эскалации в сценариях, когда предпочтительными вариантами являются сдержанность и стратегическая неопределенность». Кроме того, «предвзятость в плане эскалации, как выясняется, связана с тем, о каком конкретном государстве идет речь. Все языковые модели порекомендуют действовать решительно в условиях кризиса с большей вероятностью Соединенным Штатам, Великобритании и Франции, нежели России или Китаю» [Atalan, Reynolds, Jensen].

Одновременно «все протестированные ИИ-агенты продемонстрировали явное тяготение к кооперативным подходам, особенно в том, что касается внешней политики США и Соединенного Королевства. Это отражает латентный акцент на дипломатию и политику альянсов», — что, в свою очередь, объясняется частотой упоминания возглавляемых Западом международных институтов в обрабатываемых нейросетями исторических данных. Такой уклон сформирован установками прошлого и «необязательно соответствует стратегическим реальностям XXI столетия» [Atalan, Reynolds, Jensen].

В этой связи, подчеркивают эксперты CSIS, при разработке стратегии с использованием ИИ особенно важно принимать во внимание динамику контекста. Такие факторы, как смена власти, масштабные геополитические события и переориентация национальных интересов, способны быстро трансформировать мировой политический ландшафт, а в этом отношении прогностические возможности ИИ-моделей по самой их сути недостаточны.

К схожим выводам пришли сотрудники американского исследовательского центра FP Analytics в результате «игрового» эксперимента, проведенного «на полях» Мюнхенской конференции по безопасности 2025 г.

Перед группой из 28 экспертов — участников Мюнхенской конференции была поставлена задача по прогнозированию результатов работы гипотетической «Тегеранской конференции по безопасности», которая могла бы быть проведена Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей. Эта же задача была поставлена и перед ИИ-моделями (DeepSeek, ChatGPT). Две ведущие модели дали в целом схожие ответы, которые перекликались с темами, обозначенными экспертами — участниками симуляционной игры. Однако участники назвали более широкий спектр вариантов с более конкретными параметрами, «особенно в том, что касалось возможности враждебных действий против Соединенных Штатов» [Competition and Disruption...].

Предвзятость, выраженная в склонности к эскалации, и относительно поверхностный анализ геополитических последствий особенно опасны с учетом того, что еще ранее, в 2017 г., исследования выявили способность ИИ «научиться лгать пользователю» [Ünver, p. 11].

Военное применение ИИ

Одной из дискуссионных тем являются риски, связанные с использованием искусственного интеллекта для решения военных задач.

В исследовании аналитиков корпорации RAND, опубликованном в 2020 г., эти риски были разделены на три общие категории: возможность ошибки, повышение вероятности войны, а также риск чрезмерного доверия к возможностям ИИ [Morgan et al., p. 21]. «Хотя эксперты... назвали увеличение скорости и точности в качестве потенциальных преимуществ военного ИИ, они также выразили обеспокоенность тем, что эти системы могут принимать решения слишком быстро или оказаться не в состоянии адаптироваться к неизбежным сложностям войны... Системы на основе машинного обучения способны демонстрировать эмерджентное поведение и действовать опасным образом» [Morgan et al., p. 22].

Тот факт, что использование искусственного интеллекта позволяет вести боевые действия с меньшими людскими потерями и материальными затратами, наряду с неясностью в вопросе ответственности операторов за ошибки ИИ-систем, «может побуждать командиров к более рискованным и агрессивным действиям, усиливающим динамику эскалации» [Morgan et al., p. 22]. Аналитики RAND отмечают также уязвимость ИИ-моделей перед хакерскими атаками, заключая, что «ни одному военному или политическому лидеру не нужно смертоносное оружие, которое ненадежно, может быть взломано хакерами или способно демонстрировать непредсказуемое эмерджентное поведение» [Morgan et al., p. xiv].

Тем не менее, как показали события, в глазах администрации Д. Трампа преимущества от немедленного внедрения военного искусственного интеллекта перевешивают риски. В январе 2026 г. Пентагон объявил о запуске стратегии ускорения развития ИИ в оборонном секторе, которая, согласно официальному заявлению Министерства войны США, должна сделать «Соединенные Штаты бесспорным мировым лидером в области боевых сил, использующих ИИ» [Пентагон...].

Особую остроту эта тема приобрела в связи с применением искусственного интеллекта в ходе начавшейся 28 февраля 2026 г. американо-израильской операции против Ирана. Подтверждена эффективность ИИ-моделей, в частности, для определения целей ударов и расстановки приоритетов [Copp T. et al.]. Отмечается, что используемая вооруженными силами США программа Maven Smart System, разработанная компанией Palantir, анализирует «поразительный объем секретных данных со спутников, систем наблюдения, а также других разведданных», осуществляя наведение ударов в реальном времени [Copp T. et al.].

В сочетании с Maven Smart System была применена ИИ-модель Claude, несмотря на запрет со стороны ее разработчика Anthropic на использование данной технологии для слежки за населением или наведения автономного оружия. «28 февраля 2026 г. Трамп в своем заявлении назвал Anthropic “радикально левой компанией”, обвинил ее в давлении на военных и запретил всем правительственным ведомствам использовать ее технологии. Однако всего через несколько часов CENTCOM применил Claude для ударов по Ирану. Военные одержали тактическую победу над корпоративной этикой, доказав приоритет оперативной необходимости» [Смирнов, Кохтюлина]. Этот инцидент подтолкнул Пентагон к тому, чтобы объявить Anthropic «угрозой поставкам» и в форсированном порядке заключить контракты с более сговорчивыми компаниями, такими как OpenAI и Google, готовыми работать без ограничений. При этом позиция командования вооруженных сил США заключалась в том, чтобы не прекращать использование Claude, пока не будет найдена полноценная замена [Copp T. et al.].

Ранее ИИ-модель Claude была испытана в ходе захвата президента Венесуэлы Н. Мадуро [Copp T. et al.; Смирнов, Кохтюлина]. «Тогда коммерческая нейросеть впервые была применена для обработки данных о передвижениях лидера, схемах охраны и расположении средств ПВО. Успех в Венесуэле подтвердил эффективность ИИ, и этот опыт был напрямую перенесен на иранскую операцию» [Смирнов, Кохтюлина].

Сравнивая рейд на Каракас и операцию «Эпическая ярость», российские эксперты А.И. Смирнов и И.Н. Кохтюлина указывают на «эволюцию роли искусственного интеллекта». Если в Венесуэле речь шла о точечном, тактическом применении и базовой автоматизации разведки, то в Иране ИИ разрабатывал сценарий высокоинтенсивных боевых действий, причем время планирования сократилось «с недель до часов», а точность повысилась на 30–50% [Смирнов, Кохтюлина].

Незадолго до нападения США и Израиля на Иран старший научный сотрудник американского Совета по международным отношениям Майкл Горовиц и старший аналитик центра безопасности и новых технологий Джорджтаунского университета Лорен Кан в своей публикации обратили внимание на опасность существующей тенденции, когда внедрение военного ИИ опережает попытки международного сообщества регламентировать его применение. «Растущий разрыв между международным диалогом по вопросам военного ИИ, все больше акцентирующим внимание на рисках и потенциальных ограничениях его использования, и ускоряющимися усилиями военных ведомств по всему миру по интеграции ИИ должен вызывать озабоченность у всех стран» [Horowitz, Khan].

Гонка ИИ-технологий и «новая иерархия»

В современной геополитике искусственный интеллект все чаще рассматривается как ключевое стратегическое преимущество, от которого в ближайшие годы будет зависеть баланс сил на международной арене, а также процветание отдельных государств — их экономика, военная мощь и технологическая независимость. В этом контексте «План действий Америки в области ИИ», опубликованный 23 июля 2025 г. на сайте Белого дома, формулирует четкую цель — закрепить за США статус мирового лидера в сфере ИИ-технологий, что, по замыслу авторов стратегии, должно обеспечить стране «новый золотой век» [Winning the Race... p. 1].

В документе обозначены три основных принципа «победы в гонке ИИ»: ускорение инноваций, развитие инфраструктуры и дипломатическая работа по распространению американской продукции и стандартов по всему миру. Согласно плану, США должны «внедрять инновации более быстро и комплексно, чем наши конкуренты... а также устранять ненужные нормативные барьеры» [Winning the Race... p. 1].

Администрация Д. Трампа планирует «удовлетворять мировой спрос на ИИ», поставляя союзникам и партнерам США «полный пакет ИИ-технологий», то есть компьютерное оборудование, модели, программное обеспечение, приложения и стандарты [Winning the Race... p. 20]. Признавая, что искусственный интеллект открывает широкие экономические и военные возможности, авторы документа подчеркивают: «...лишение наших иностранных противников доступа к этому ресурсу является вопросом как геостратегической конкуренции, так и национальной безопасности» [Winning the Race... p. 21].

Прямым конкурентом в области ИИ Соединенные Штаты называют Китай. Как отмечает Л. Земанек, научный сотрудник China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР, базирующегося в Будапеште, «США сдерживают развитие китайского искусственного интеллекта путем контроля над экспортом, блокируя доступ Пекина к самым передовым чипам» [Zemánek]. По мнению чешского политолога, американская стратегия основана на принципах сдерживания и отчуждения и направлена не на социально-экономическое развитие, а лишь на поддержание собственного доминирования. «США

по-прежнему придерживаются концепции игры с нулевой суммой, теша себя иллюзией, что технологическая блокада может обеспечить длительное господство в области ИИ» [Zemánek].

Китай, напротив, «позиционирует себя как сторонника инклюзии, сотрудничества с открытым исходным кодом и многостороннего управления, но всегда в рамках, защищающих его национальные интересы» [Zemánek]. Л. Земанек приводит в пример «План действий по наращиванию потенциала в области ИИ во благо и для всех», опубликованный МИД КНР в сентябре 2024 г. Авторы документа провозглашают целью преодоление технологического разрыва между развитыми и развивающимися странами и укрепление глобальных связей при поддержании центральной и координирующей роли Организации Объединенных Наций [AI Capacity-Building...].

Современная «гонка ИИ» по масштабу сопоставима с конкуренцией сверхдержав в сфере освоения космоса в период холодной войны, пишет заведующий кафедрой оборонных исследований Университета имени короля Хуана Карлоса (Испания) В.-Г. Ребольедо в своей обстоятельной статье «Влияние ИИ на международные отношения. На пути к глобальному правлению алгоритмов» [Rebolledo]. «Искусственный интеллект все больше воспринимается как движущая сила геостратегической конкуренции между мировыми державами, в частности Соединенными Штатами и Китаем (а также ЕС). Эти игроки активно инвестируют в развитие искусственного интеллекта, чтобы обеспечить себе экономические преимущества и технологическое лидерство» [Rebolledo, p. 35]. Так, в китайском плане развития ИИ-технологий следующего поколения «сформулировано стремление достичь мирового лидерства в области ИИ к 2030 г.» [Rebolledo, p. 35].

Рассуждая о роли Европейского союза, испанский эксперт одобряет стремление Брюсселя стать «первопроходцем» в области регулирования ИИ. Регламент ЕС 2024/1689 (известный как Закон об ИИ) «задает всеобъемлющую нормативную базу для управления разработкой, маркетингом и применением систем искусственного интеллекта в ЕС», при этом во главу угла (в традициях риторики ЕС. — Е.Ш., Д.Ф.) ставится «продвижение инноваций при одновременной защите основных прав, здоровья, безопасности и демократии» [Rebolledo, p. 29].

Однако за одобрительным вступлением следует критика политики Евросоюза. Как отмечает В.-Г. Ребольедо, исполнение этих правил обременительно для малых и средних предприятий и может «препятствовать экспериментам и замедлять развитие ИИ в ЕС по сравнению с регионами с более гибкими подходами» [Rebolledo, p. 43]. Кроме того, указывая на трудность воспроизведения европейских норм в других регионах мира, испанский эксперт подчеркивает, что «для укрепления международного сотрудничества необходим более сбалансированный подход, учитывающий различные правовые и культурные контексты» [Rebolledo, p. 43].

В то же время демонстративный отказ команды Д. Трампа от этических ограничений в разработке ИИ, официально действовавших при администрации Дж. Байдена,

В.-Г. Ребольедо рассматривает как фактор, способствующий обострению международной конкуренции и препятствующий международному сотрудничеству в области управления ИИ [Rebolledo, p. 43].

Различие в степени доступа к передовым технологиям порождает новую форму неравенства, пишет кипрский эксперт И. Салиака в статье «Искусственный интеллект и новая шахматная доска дипломатии» на портале международного аналитического центра «Strategy International». «Этот неравный потенциал создает новую иерархию влияния, которая выгодна тем, кто может позволить себе основанную на ИИ дипломатию, инструменты разработки политики и доступ к вычислительным мощностям» [Saliaka].

ИИ как угроза суверенитету

Чем активнее идет внедрение ИИ-систем в различные сферы управления, тем более значимым становится вопрос национального контроля над этими мощными инструментами. По мнению словацкого профессора В. Шухи, бывшего руководителя представительства Европейской комиссии (ЕК) в Словакии и бывшего генерального директора Объединенного исследовательского центра ЕК, с началом американо-израильской операции против Ирана стало ясно, что Брюссель остро нуждается в собственном, независимом от Вашингтона оборонном искусственном интеллекте [Šucha].

В статье, опубликованной на портале Euractiv, В. Шуха напоминает, что в марте 2025 г. Североатлантический альянс приобрел американскую платформу Maven Smart System, которая уже через год была использована для нападения на Иран (примечательно, что Соединенные Штаты при этом не посчитали нужным согласовывать свои действия с союзниками по НАТО). «Ни один европейский парламент не обсуждал это приобретение. Ни одно европейское правительство не голосовало за условия, при которых его вооруженные силы будут зависеть от американского ИИ в принятии решений на поле боя. А единственная компания, которая пыталась сохранить этические ограничения на военное применение своего ИИ, была занесена в черный список в течение 72 часов. Это больше не дискуссия о технологической политике. Это чрезвычайная ситуация в сфере европейской безопасности» [Šucha].

Словацкий эксперт и еврочиновник призывает европейские государства «инвестировать в суверенный ИИ для нужд обороны». По его словам, «когнитивная инфраструктура» европейских вооруженных сил не должна зависеть от условий, «навязанных Вашингтоном в одностороннем порядке» [Šucha].

Проблематика связанных с ИИ угроз национальному технологическому, культурному и экономическому суверенитету активно обсуждается в публикациях экспертов из стран Глобального Юга.

Так, представитель департамента по вопросам науки, технологий, инноваций и интеллектуальной собственности МИД Бразилии Э.В. Гарсия в своей статье в журнале

Global Policy пишет: «Полный цифровой суверенитет и контроль над собственными данными зависят от внутренних мощностей и соответствующих ресурсов. Лишь немногие страны со средним уровнем дохода были бы способны успешно реализовывать комплексные национальные стратегии в области цифровых технологий, не прибегая к международному сотрудничеству» [García, p. 5].

Бразильский дипломат указывает на «серьезные дилеммы», которые встают перед развивающимися странами в период технологической революции. Быстрые темпы прогресса уже привели к увеличению разрыва между технологически развитыми странами и остальными, которые по-прежнему страдают от устаревшей инфраструктуры и нехватки вычислительных мощностей: «Отсутствие доступа к Интернету, ограниченный технический опыт и недостаточные инвестиции в технологическое образование являются основными препятствиями для полноценного участия в глобальной цифровой экономике» [García, p. 4]. В этих условиях многие государства Африки и Юго-Восточной Азии обращаются за доступной инфраструктурой 5G к Китаю. Однако возможности этих стран самостоятельно определять свою технологическую политику ограничены внешним давлением: «слишком тесное сотрудничество с Китаем может вызвать нежелательную реакцию со стороны Соединенных Штатов, в том числе санкции или лишение доступа к рынкам и технологиям США» [García, p. 4]. Таким образом, странам Глобального Юга приходится лавировать между крупнейшими геополитическими игроками, чтобы иметь шанс на развитие.

Гарсия также отмечает, что из-за ориентации IT-гигантов на рынки США и КНР «инновации зачастую подгоняются под нужды и нормативно-правовые базы этих государств», а для стран Глобального Юга технологии оказываются либо недоступными, либо неподходящими в силу местных обстоятельств. «Это может еще больше увеличить разрыв и затраты, связанные с внедрением технологий, и ограничить возможности экономического роста и развития в этих регионах» [García, p. 4]. Бразильский дипломат призывает развивающиеся страны уделять особое внимание «технологической дипломатии», чтобы глобальное управление «цифровой экосистемой» осуществлялось с учетом их приоритетов. Автор подчеркивает, что «глобальные цифровые соглашения отдельных стран, объединенных общими взглядами, вряд ли станут основным источником легитимности, если не будут принимать во внимание интересы, нужды и требования государств, имеющих иное видение» [García, p. 8].

Исследователи из Нигерии в статье «Искусственный интеллект, международные отношения и религия», вышедшей на страницах *International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation*, констатируют «растущее [в странах Глобального Юга] беспокойство по поводу технологического суверенитета» [Monday, Vakare, Adeyogiju, p. 1263]. Кроме того, авторы высказывают опасения другого рода: чуждые ИИ-модели воспринимаются как угроза традиционным ценностям, национальному и религиозному суверенитету. Разработанные в странах Глобального Севера ИИ-системы, «как правило, отражают определенные общественные ценности — такие как индивидуализм, конфиденциальность и максимальная эффективность при минимизации затрат; эти

принципы могут не обладать подобной значимостью в ориентированных на коллективное взаимодействие культурах Глобального Юга» [Monday, Bakare, Adeyori, p. 1266]. По мнению исследователей, дискуссии о регулировании ИИ на Глобальном Юге выявили другие ценностные ориентиры (коллективное благополучие и гармоничные общественные отношения) в качестве «контрнарратива западным ценностям, встроенным в ИИ-системы» [Monday, Bakare, Adeyori, p. 1266].

Мнения, высказываемые экспертами, представляющими страны Глобального Юга, во многом согласуются и с российской точкой зрения на данную проблематику. В статье официального представителя МИД России М.В. Захаровой «Неоколониализм», опубликованной в июне 2025 г. в «Российской газете», отмечается: «Именно в связке с ИИ неоколониализм приобретает поистине глобальное прикладное измерение и технологическую завершенность. Мир за пределами ареала «золотого миллиарда» сталкивается с формированием новых механизмов зависимости — более утонченных, чем «традиционные» формы подчинения колоний метрополиям, но одновременно более всепроникающих и долговременных. Речь идет о зависимости развивающихся стран не только от поставок оборудования или программного обеспечения, но и от «настройки» алгоритмов, управляющих ключевыми процессами, — от логистики до образования, от медицины до управления общественными мнениями. Это ресурсная зависимость иного уровня, когда основным инструментом «экспорта влияния» становится информация, данные, их качество, а также собственно доступ к вычислительным мощностям» [Захарова].

Заключение

Как показывает анализ публикаций, посвященных применению искусственного интеллекта в международных отношениях, экспертное сообщество не ставит под сомнение неизбежность наступления новой эпохи, определяющую роль в которой будут играть ИИ-системы.

Специалисты из разных стран мира подчеркивают двойственность влияния ИИ на международные процессы. С одной стороны, передовые технологии позволяют повысить эффективность дипломатической работы посредством автоматизации документооборота, улучшения качества прогнозирования и обработки больших объемов данных. С другой стороны, широкое внедрение ИИ заключает в себе многообразные риски. Особого упоминания заслуживают угрозы технологического неоколониализма, утраты суверенитета и разрушения традиционных основ дипломатии как искусства межчеловеческих отношений. Наконец, нельзя игнорировать этическую сторону, в частности, вопрос об ответственности человека за исполнение рекомендаций ИИ, особенно когда эти рекомендации связаны с обострением геополитической напряженности или военными действиями.

Новые технологии уже «не просто дипломатические инструменты, а активные игроки на данной арене, которые вплетаются в кровоток дипломатии, сказываются на до-

верии, меняют стандарты легитимности и нормативную базу» [Saliaka]. В связи с этим необходимость международного регулирования в сфере ИИ признают как в технологически развитых, так и в развивающихся странах. Отсутствие глобальных правил и скоординированных усилий по их выполнению способствует реализации негативного сценария, при котором условия будет диктовать геополитический игрок, наиболее агрессивно внедряющий передовые разработки без оглядки на этику. Результат выглядит предсказуемым: усугубление неравенства и подмена общих интересов узкогрупповыми.

Более благоприятный сценарий возможен при условии добросовестного международного сотрудничества, направленного на создание инклюзивной системы глобального управления искусственным интеллектом, обеспечение прозрачности и подотчетности алгоритмов, координацию усилий по противодействию киберугрозам, а также целенаправленное использование потенциала ИИ для решения общемировых проблем. Богатство ресурсов, научно-технический и инновационный потенциал стран БРИКС, в особенности России и Китая, делают возможным внедрение независимых и конкурентоспособных ИИ-технологий, выступающих в качестве не инструмента грубого давления, а фактора устойчивого и гармоничного развития многополярного мира.

Литература

- Захарова М.В. Неоколониализм // Российская газета. 17.07.2025. — URL: rg.ru/2025/07/17/neokoloniializm.html (дата обращения: 04.02.2026).
- Пентагон объявил о запуске стратегии развития ИИ в оборонном секторе // РИА «Новости». 13.01.2026. — URL: ria.ru/20260113/razvitie-2067544986.html?ysclid=ml6x0tnfg9722454205 (дата обращения: 31.01.2026).
- Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Агрессия США и Израиля против Ирана: цугцванг военного искусственного интеллекта? // Международная жизнь. 03.03.2026. — URL: interaffairs.ru/news/show/54984 (дата обращения: 07.04.2026).
- AI Capacity-Building Action Plan for Good and for All / Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 27.09.2024. — URL: mfa.gov.cn/eng/wjbzhd/202409/t20240927_11498465.html (date of access: 11.04.2026)
- Atalan Y., Reynolds I., Jensen B. AI Biases in Critical Foreign Policy Decisions / Center for Strategic and International Studies. 25.02.2025. — URL: csis.org/analysis/ai-biases-critical-foreign-policy-decisions (date of access: 31.01.2026).
- Berkoff R. Could artificial intelligence make war and peace decisions? // JHU Hub. 2025. — URL: hub.jhu.edu/2025/06/12/artificial-intelligence-and-foreign-policy/ (date of access: 29.01.2026)
- Competition and Disruption: Artificial Intelligence // FP Analytics / Foreign Policy. March 2025. — URL: fpanalytics.foreignpolicy.com/2025/03/07/competition-disruption-artificial-intelligence/ (date of access: 28.03.2026).
- Copp T., Dwoskin E., Duncan I. Anthropic's AI tool Claude central to U.S. campaign in Iran, amid a bitter feud // The Washington Post. 04.03.2026. — URL: washingtonpost.com/technology/2026/03/04/anthropic-ai-iran-campaign/ (date of access: 17.04.2026).

- Garcia E.* Technology for Whom and for What? A Global South View of Tech Diplomacy // Global Policy. Special Issue. P. 1–9. HSRC. 2025. — URL: hsrc.ac.za/wp-content/uploads/2025/10/Global-Policy-2025-Garcia-Technology-for-Whom-and-for-what.pdf (date of access: 01.02.2026).
- Hemrajani A., Tan R.* The Role of AI in Modern Diplomacy / S. Rajaratnam School of International Studies. 30.09.2025 — URL: rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/the-role-of-ai-in-modern-diplomacy/ (date of access: 29.01.2026).
- Horowitz M., Khan L.* Military AI Adoption Is Outpacing Global Cooperation / Council on Foreign Relations. 11.02.2026. — URL: cfr.org/articles/military-ai-adoption-is-outpacing-global-cooperation (date of access: 20.03.2026).
- Monday B.O., Bakare I.J., Adeyori V.* Artificial Intelligence, International Relation and Religion: USA and Global South // International Journal of Multidisciplinary Research and Growth Evaluation. 2025. Vol. 6. Iss. 2. P. 1261–1271. — URL: allmultidisciplinaryjournal.com/uploads/archives/20250414174030_MGE-2025-2-256.1.pdf (date of access: 03.02.2026).
- Morgan F.E., Boudreaux B., Lohn A. J., Ashby M., Curriden C., Klima K., Grossman D.* Military Applications of Artificial Intelligence: Ethical Concerns in an Uncertain World / RAND Corporation. Santa Monica, CA (Research Report RR3139-1). 2020. — URL: rand.org/pubs/research_reports/RR3139-1.html (date of access: 28.03.2026).
- Rebolledo V.G.* AI Technologies and International Relations // UNISCI Journal. 2025. № 67. — URL: unisci.es/wp-content/uploads/2025/01/UNISCIDP67-1GARRIDO.pdf (date of access: 03.02.2026).
- Saliaka I.* Artificial Intelligence and the New Chessboard of Diplomacy // Strategy International Journal. 22.09.2025. — URL: strategyinternational.org/2025/09/23/publication202/ (date of access: 31.01.2026).
- Šucha V.* Europe's AI sovereignty just became a security emergency // Euractiv. 01.04.2026. — URL: euractiv.com/opinion/europes-ai-sovereignty-just-became-a-security-emergency/ (date of access: 12.04.2026).
- Ünver H.* Computational Diplomacy: Foreign Policy Communications in the Age of Algorithms and Automation / EDAM Center for Economics and Foreign Policy Studies. November 2017. — URL: researchgate.net/publication/331073991_Computational_Diplomacy_Foreign_Policy_Communication_in_the_Age_of_Algorithms_and_Automation (date of access: 31.01.2026)
- Winning the Race: America's AI Action Plan / The White House. July 2025. — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/07/Americas-AI-Action-Plan.pdf (date of access: 11.04.2026)
- Zemánek L.* China challenges America's AI dominance // RT. 13.08.2025. — URL: rt.com/news/622747-china-us-ai-dominance/ (date of access: 11.04.2026)

Authors

Mikhail DMITRIEV — Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Doctor of Historical Sciences; dmitrievm300@gmail.com.

Dmitry FEDOROV — expert at the Center for Research and analytics, Foundation for Historical Outlook; dyfdrv@gmail.com.

Anton KRUTIKOV — historian, Member of the International Society for First World War Studies; bialyorzel1000@gmail.com.

Ekaterina LABETSKAYA — Leading Research Fellow, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; PhD in Economics; lbtskaya@imemo.ru.

Leontiy LANNIK — Leading Researcher, Institute of World History, RAS; Doctor of History; leo-lannik@yandex.ru

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Leading Researcher, Institute of Europe RAS; Director of the Center for Research and analytics, Foundation for Historical Outlook; Editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D. in History; ye_naroch@inbox.ru.

Elena SHTRYKOVA — analyst at the Center for Research and analytics, Foundation for Historical Outlook, Managing Editor of Perspektivy.info; shtrykovaem@inbox.ru;

Petr YAKOVLEV — Chief Researcher, Institute of Latin America RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Mikhail DMITRIEV

EMPIRE AGAINST NATIONALISM: GENERAL DENIKIN AND MARSHAL PILSUDSKI (ON THE PROBLEMATICS OF JAN ENGELGARD'S BOOK "THE RUSSIAN SYNDROME: THE CASE OF GENERAL DENIKIN IN HISTORICAL CONTEXT")

Abstract. *This article examines the unexpected thesis presented in Jan Engelgard's book "The Russian Syndrome: The Case of General Denikin in Historical Context", published in Warsaw in 2024. The Polish historian convincingly makes the point that in 1919 J. Piłsudski, having assumed leadership of the reborn Polish state and entering into a secret alliance with the Bolsheviks to help them stop General Denikin's advance on Moscow, was guided not by military calculations but by the "Russian syndrome" — an irrational nationalist animosity towards Russia and its people. For his part, A.I. Denikin acted on the principles of traditional supranational imperialism, yet he was not opposed to the creation of a sovereign Poland, and his conceptions of "Russianness" did not constitute an expression of ethnic nationalism. The book thoroughly debunks the myth that the White movement and its leaders planned to return to the 1914 borders and abolish the newly restored Polish independence. Furthermore, Engelgard offers a critique of Polish historiography, asserting that mainstream interpretations of Piłsudski's eastern policy remain largely captive to the same "Russian syndrome."*

Keywords: *J. Engelgard, "Russian Syndrome", General A.I. Denikin, Marshal J. Piłsudski, Polish nationalism, Russia, Poland, empire, Polish historiography, A. Nowak.*

Anton KRUTIKOV**THE RUSSIAN REVOLUTION IN THE MEMOIRS OF MINSK GOVERNOR V.A. DRUTSKOY-SOKOLINSKY. II. THE CIVIL WAR**

Abstract. *The article examines the memoirs of Prince V. A. Drutsky-Sokolinsky, who served as governor of Minsk until March 1917, covering the period from 1917 to 1920. Following his transfer to military service and a brief stint on the Soviet-German border commission, he witnessed the final days of Hetman P. P. Skoropadsky's regime in Kiev in December 1918. Later, while serving in the administration of the Armed Forces of South Russia under General A.I. Denikin, he was an eyewitness to and participant in many key events of the Russian Civil War. Drutsky-Sokolinsky left valuable reflections on the role of the Russian intelligentsia, remnants of the imperial bureaucratic elite, the nobility, and the officer corps in the downfall of the Hetman regime — a defeat that proved catastrophic for local conservative forces. In his memoirs, he emphasized the significant involvement of the former imperial bureaucracy in establishing the administrative apparatus in territories controlled by the Volunteer Army. In his view, organizing errors on both central and local levels were among the key reasons for the White Movement's defeat in Southern Russia. This article draws upon an unpublished manuscript of his memoirs from 1918-1919, as well as unique documents from the family archive provided to the author by Drutsky-Sokolinsky's descendants.*

Keywords: *V.A. Drutskoy-Sokolinsky, P.P. Skoropadsky, A.I. Denikin, Russian Revolution, Civil War, Volunteer Army, Russian emigration.*

Ekaterina LABETSKAYA**BRICS+ IN THE CONTEXT OF THE “ANCHORAGE SPIRIT” OF HYBRID WARFARE**

Abstract. *The article analyzes the geopolitically turbulent context of the renewed hybrid warfare waged by the collective West against BRICS+. Initially obscured by the “Anchorage spirit” in the foreign policy rhetoric of the 47th U.S. President, Donald J. Trump, this warfare is becoming increasingly overt, due to the current American leader's psychological tendencies. Particular focus is placed on the prospects and challenges facing the core of BRICS+ — the RIC (Russia–India–China) triangle, conceptualized in the late 1990s by Academician Yevgeny Primakov, who highlighted the promising political partnership among Russia, India and China. In exploring this topic, the author relies on the methodology of systemic analysis in international relations, the spatial approach, and the concept of hybrid warfare.*

Keywords: *BRICS, RIC, Russia, USA, China, Board of Peace, Venezuela, geopolitics, hybrid warfare, Donroe Doctrine, transnational spaces.*

Leontiy LANNIK**THE GENESIS OF THE FIRST WORLD WAR.
I. A CENTURY OF DIVERSE EXPLANATIONS**

Abstract. *Historiographical tradition typically proceeds from the premise that the First World War was inevitable, meticulously analyzing the causes of the fatal outcome of the July Crisis and pointing to the tendencies towards the forceful repartition of the world. In addition to multiple objective explanations established primarily within the framework of the theory of imperialism, some interpretations suggest the Great War was unavoidable due to specific circumstances and subjective factors. However, by comparing international diplomatic processes between 1911 and 1914, re-evaluating geopolitical compromises and suppressed conflicts, discarding prejudices that reflexively attribute militarism and expansionism to specific actors, we can challenge several long-held theses. Many of the foreign policy moves later framed as expansionist priorities were, in fact, viewed by European elites in a completely different balance of power, where the focus was on local or even personal conflicts rather than global rivalry. Ultimately, a systemic approach leads to a reassessment of conclusions drawn from examining various bilateral conflicts in isolation. It therefore sheds new light on the tragic outcome of the July Crisis and offers an alternative explanation for the collapse of the complex Vienna System of international security, built upon a century of compromise among the great powers.*

Keywords: *World War I, geopolitics, political priorities, German Empire, regional conflicts, infrastructure, militarization, systemic approach, July crisis 1914.*

Ekaterina NAROCHNITSKAYA**THE SECOND WORLD WAR IN FRENCH HISTORICAL MEMORY
AND MEMORIAL POLICY: THE GHOST OF VICHY
AND THE PATRIOTIC MYTHOLOGY OF THE RESISTANCE (1944–1960^s)**

Abstract. *The image of World War II in the historical memory of the French has distinct characteristics, linked primarily to the dual nature of France's role in this global conflict, but also to a number of other factors. The trauma of capitulation and collaboration, the internal divide between the Vichy regime and the Resistance, the complex history of Vichyism, and major shifts in the political context of the second half of the 20th century have condemned France to agonizing conflicts of memory and striking metamorphoses in the symbolic representation of the wartime period of its national history. The article puts a particular focus on the first phase of this process, which was marked by the exclusion of the topic of collaboration from public discourse and the emergence of the "Resistance myth" — a reduced and heroized version of World War II memory in its Gaullist patriotic interpretation.*

Keywords: *France, World War II, historical memory, memorial policy, Vichy regime, collaboration, Resistance, de Gaulle, Resistance myth, May 8th Commemoration.*

Elena SHTRYKOVA, Dmitry FEDOROV

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TRANSFORMATIVE FACTOR IN INTERNATIONAL RELATIONS: A REVIEW OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERT PUBLICATIONS

Abstract. *This article provides an analytical review of recent expert publications on the implementation of artificial intelligence (AI) in the field of international relations. In a number of countries, AI is already being actively used in foreign policy planning, crisis simulation, negotiation preparation, and other diplomatic tasks. Experts point to the dual potential of AI: while rapid, high-volume data processing opens up unprecedented opportunities, it simultaneously introduces complex geopolitical, technological, and ethical challenges. Key among them are the threats of technological neocolonialism, loss of sovereignty, and the erosion of the traditional foundations of diplomacy as an art of human relations. In this context, the need for international regulation in the field of AI becomes acute.*

Keywords: *artificial intelligence, AI, international relations, diplomacy, neocolonialism, technological sovereignty, new hierarchy.*

Petr YAKOVLEV

THE FRACTURE OF THE WORLD ORDER: GEO-ECONOMIC AND GEOPOLITICAL FACTORS

Abstract. *Since early 2026, members of the transnational establishment and the expert community have been discussing signs of a profound crisis — a geo-economic and geopolitical fracture of the international order that evolved under the dominance of neoliberal globalization. The ongoing global change was unleashed by Donald J. Trump at the start of his second term. His decisions on global trade, various demands directed at neighboring Canada and Mexico, challenges to EU members and NATO allies, as well as his coercive actions, primarily in the Western Hemisphere, have undermined the foundations of the old economic and political world order, as well as the basis of neoliberal globalization. The actions taken by the White House have caused not only deep-seated discontent but also counter-measures from a number of states, therefore, the relatively prolonged process of liberalizing international trade, economic, political and diplomatic relations is giving way to increased protectionism. This shift threatens to slow down the growth of global trade and the world economy as a whole, while exacerbating foreign policy differences.*

Keywords: *world order, Trump's policy 2.0, criticism of globalization, rise of the Global South, transatlantic partnership crisis.*

Petr YAKOVLEV

**U.S. — VENEZUELA:
THE CAUSES AND CONSEQUENCES OF OPERATION ABSOLUTE RESOLVE**

Abstract. *This article examines the geopolitical context and implications of the U.S. operation codenamed Absolute Resolve. On the night of January 3, 2026, U.S. Special Operations Forces captured and extracted Venezuelan President Nicolás Maduro and his wife, Cilia Flores. This long-planned mission was aimed not only at achieving regime change in Venezuela but also at demonstrating Washington's intent to reestablish hegemony over Latin America and the Western Hemisphere. The ideological framework for this intervention is the "Donroe Doctrine" — a contemporary interpretation of the Monroe Doctrine. The operation was condemned by numerous states, including several NATO allies, and described by the UN Secretary-General's spokesperson as a "dangerous precedent." However, a number of governments, including some in Latin America, chose to support it. All evidence indicates that the forceful implementation of this "Donroe Doctrine" marks the start of a new era in American foreign policy.*

Keywords: *USA, Trump administration 2.0, Donroe Doctrine, Venezuela, pressure policy, oil blockade, capture of President Maduro, international reaction.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2026

№1 (44)

E-journal «Perspectives and prospects»

2026

№1 (44)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Адрес редакции и издателя:

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7 (495) 626-30-26